

СИБЕРИ КУИНН

УЖАС
НА ПОЛЕ ДЛЯ ГОЛЬФА

• ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЖЮЛЯ ДЕ ГРАНДЕНА •

Мастера магического реализма (АСТ)

Сибери Куинн

**Ужас на поле для гольфа.
Приключения Жюля
де Грандена (сборник)**

«АСТ»

1925–1928

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Coe)-445

Куинн С.

Ужас на поле для гольфа. Приключения Жюля де Грандена (сборник) / С. Куинн — «АСТ», 1925–1928 — (Мастера магического реализма (АСТ))

ISBN 978-5-17-105924-8

Сегодня имена Роберта Ирвина Говарда, Говарда Филлипса Лавкрафта и Кларка Эштона Смита, авторов, постоянно сотрудничавших с палп-журналом *Weird Tales* в первой половине двадцатого века, узнаваемы даже для случайных читателей странного и фантастического. И все же куда более популярным писателем в эпоху золотого века «журнального чтения» был тот, чье имя и творчество сейчас оказалось в неизвестности – Сибири Куинн. Рассказы Куинна были представлены в более чем половине выпусков *Weird Tales* периода 1925–1951 гг. Его знаменитый персонаж, оккультный французский детектив доктор Жюль де Гранден, просто незаменим, когда дело касается потусторонних чудовищ, дьяволопоклонников, серийных убийц и неупокоенных душ. *Grand Dieu!* От этой книги будет нелегко оторваться!

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Coe)-445

ISBN 978-5-17-105924-8

© Куинн С., 1925–1928

© АСТ, 1925–1928

Содержание

Предисловие	6
От переводчика. Французский лексикон Жюль де Грандена	11
Ужас на поле для гольфа	15
Арендаторы замка Брусак	28
1	28
2	31
3	33
4	35
5	37
6	38
7	40
8	42
9	44
10	46
11	50
12	51
Остров исчезнувших судов	54
1	54
2	58
3	61
4	65
5	70
6	74
7	76
Мечь из Индии	79
Мертвая рука	89
Дом ужаса	97
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Сибери Куинн

Ужас на поле для гольфа.

Приключения Жюля де Грандена

Seabury Quinn

THE HORROR ON THE LINKS

© 2017 by the Estate of Seabury Quinn

© Денисенко С.В., перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*Полное собрание рассказов о Жюле де Грандене посвящено памяти Роберта Э. Вайнберга, который скончался осенью 2016 года. Вайнберг, отредактировавший шеститомное собрание рассказов о де Грандене в 1970-х годах, также оставил много оригинальных исследований о журнале *Weird Tales* из своей личной коллекции; тексты Сибери Куинна были им отсканированы и тщательно сверены. Без его знания материала и редактуры, а также без его страсти к наследию Куинна в течение длительного времени (что неудивительно для поклонников рассказов о Жюле де Грандене), это собрание было бы невозможно. И потому мы с чувством глубокого уважения приносим Роберту Э. Вайнбергу благодарность.*

Предисловие

Weird Tales, называвший себя также *Unique Magazine*, – одно из самых влиятельных изданий Золотого века «журнального чтения» в первой половине двадцатого столетия, было пристанищем для ряда ныне признанных имен, таких как Роберт Блох, Август Дерлет, Роберт Ирвин Говард, Говард Филлипс Лавкрафт, Кларк Эштон Смит и Мэнни Уэйдл Уэллман.

Но в среде этой жесткой конкуренции был еще один писатель, в то время более популярный, чем все вышеупомянутые авторы, и поэтому получавший более высокие гонорары. В продолжение девяноста двух сериальных рассказов и новелл почти три десятилетия его самый привлекательный персонаж развлекал читателей «журнального чтения». За это время автор удостоился большого количества иллюстрированных обложек, сопровождающих его истории, чем любой из коллег.

Имя писателя – Сибири Куинн, а его персонаж – французский оккультный детектив Жюль де Гранден.

Возможно, вы никогда не слышали о де Грандене, о его неутомимом помощнике докторе Трубридже и о вымышленном городе Харрисонвилль в штате Нью-Джерси. Возможно, вы даже не слышали о Сибири Куинне (разве что, встречали мимоходом это имя в исторических сносках какого-нибудь из многочисленных эссе и в перепечатанных сборниках ныне более уважаемых его современников).

Разумеется, де Гранден не был первым оккультным детективом, его предшественники – Джон Сайленс Элджернона Блэквуда, Томас Карнакки Уильяма Хоупа Ходжсона и Морис Клау Сакса Ромеро. Не был он и последним – Джон Таунстон Уэлмена, Майлз Пенноэ Марджери Лоуренс и Люциус Леффинг Джозефа Пейна Бреннана появились «на закате» приключений де Грандена, либо следовали за ним. И, без сомнения, де Гранден отдаленно схож с Шерлоком Холмсом сэра Артура Конан Дойла (а его приятель Трубридж очень похож на доктора Уотсона) и с Эркюлем Пуаро Агаты Кристи.

Однако если бы вы захотели найти целиком историю де Грандена, возможность этого долгие годы была бы ограничена. В отличие от произведений Лавкрафта, Смита, Уэлмана, Блоха и других сотрудников журнала *Weird Tales*, история дальнейших публикаций рассказов о Жюле де Грандене не столь радужна. В 1966 году издательство *Arkham House*¹ напечатало около 2000 экземпляров *The Phantom-Fighter*, сборника из десяти ранних рассказов Куинна. В конце 1970-х годов *Popular Library* опубликовала шесть книг (около тридцати пяти разрозненных рассказов) в мягкой обложке, но они давно не перепечатывались. В 2001 году специально созданное издательство *The Battered Silicon Dispatch Box* предприняло издание всех историй о де Грандене в трех томах большого формата в твердой обложке (впервые были собраны все рассказы), – но пока оно все еще в производстве и недоступно читателям.

Итак, учитывая, что сегодня Куинн и его персонаж почти неизвестны, очень трудно понять, насколько изначально были популярны эти истории и как часто писались новые. Но пусть цифры сами скажут за себя: с октября 1925 года (когда была выпущена первая история де Грандена) до декабря 1933 года (примерно восьмилетний период) рассказы о де Грандене появлялись в шестидесяти двух из девяноста шести выпусков *Weird Tales*, совокупным объемом превышая три четверти миллиона слов. Читатели же завалили редактора письмами, в которых требовали все новых и новых приключений оккультного детектива.

¹ Это издательство было основано в 1939 году Августом Дерлетом и Дональдом Уандреом специально для издания сочинений Г.Ф. Лавкрафта, продолжателя традиций Э.А. По. Помимо Лавкрафта, издательство опубликовало несколько книг Грая Ла Спины и Куинна. – *Примеч. перев.*

Итак, если Куинн оставался в сознании поклонников «палпа» в течение всего существования журнала, то почему с тех пор его имя ничего не говорит массовому читателю? Кроме относительной недоступности его произведений, правда заключается в том, что имя Куинна годами успешно подвергалось маргинализации со стороны многих критиков, которые часто считали его просто борзописцем. Рассказы о де Грандене принято считать малоценными и несущественными для развития жанра «таинственных историй». Основной аргумент, подкрепленный общими сомнительными рассуждениями, заключается в том, что Куинн был не самым популярным писателем *Weird Tales*, а лишь самым плодовитым.

Эти критики, похоже, обеспокоены тем, что одна и та же аудитория, читавшая и ценившая произведения Лавкрафта, Смита и Говарда, также могла наслаждаться подвигами французского борца с призраками. И хотя было бы далеко неверно предполагать, что литературные достоинства рассказов о де Грандене превосходят качеством тексты некоторых его современников, Куинн был гораздо более искусным писателем, и приключения его оккультного детектива были более приятными для чтения, чем готовы признать многие критики. Во второй половине двадцатого века, когда литературная ценность произведений некоторых писателей «журнального чтива» стала пересматриваться, Куинн оказался идеальным «мальчиком для битья», пытавшимся «дестигматизировать» «литературу таинственного»: он был объявлен «графоманом», который производил «стереотипную прозу» для скорого заработка. Когда литературная переоценка произведений Лавкрафта потребовала переоценки всего жанра, в котором тот творил, граница была проведена решительно, и, оставаясь знаменосцем популярной журнальной фантастики, создатель Жюль де Грандена ошибочно оказался по другую сторону границы.

Прежде всего, нужно понимать, что хотя Куинн писал, чтобы заработать деньги, но был далек от архетипического «голодного художника». В то же время, когда его рассказы о Жюле де Грандене публиковались в *Weird Tales*, он писал серию детективов для журнала *Real Detective Tales*. В течение 1920-х годов Куинн одновременно сочинял два продолжающихся цикла рассказов, что составило приблизительно двадцать пять тысяч слов на пишущей машинке.

Оригинальность при таком изнурительном графике была бы трудна для любого автора, и, хотя рассказы о де Грандене следуют узнаваемой формуле, Куинну все же удавалось сочинять одну поразительную историю за другой. Следует также отметить, что тенденция перерабатывать сюжеты и идеи для разных журналов была очень похожа на практику письма другого плодовитого и популярного писателя *Weird Tales*, Роберта Говарда, которого часто извиняют за эту привычку, но не критикуют за нее.

В ходе многих своих приключений замечательный французский детектив мало изменился. Его привычка к забавным французским восклицаниям проходила через все девяносто три произведения, как и пристрастие к сигарам и коньяку после (а иногда и до) тяжелого рабочего дня. Его стиль и методы борьбы с преступностью оставались неизменными. Время от времени для читателя раскрывалось какое-то новое умение или новая область знаний, но в большинстве случаев Жюль де Гранден из «Ужаса на поле для гольфа» оставался таким же, как и герой последнего рассказа серии, опубликованного двадцать пять лет спустя.

«Он был прекрасным образчиком редкого типа белокурого француза, среднего роста, но с военной выправкой – так что казался на несколько дюймов выше. Его светло-голубые глаза были маленькими и показались бы смешными, если бы не холодный прямой взгляд. Со своими пшеничными усиками, расправленными на концах, и мерцающим взглядом он походил на охотящегося кота».

Так описал де Грандена доктор Трубридж во время их первой встречи в 1925 году. Его биография разбросана по разным рассказам: де Гранден родился и вырос во Франции, посещал

медицинскую школу, стал выдающимся хирургом, во время Первой мировой войны служил сначала медиком, затем агентом разведывательной службы. После войны он путешествовал по миру на службе у французской разведки. Его возраст никогда не упоминался, но обычно считается, что оккультному детективу лет сорок.

Сэмюэл Трубридж, с другой стороны, является типичным доктором старой закалки из маленького городка первой половины двадцатого века (как писал Куинн, он что-то среднее между честным братом Джорджа Бернарда Шоу и бывшим председателем Верховного суда США Чарльзом Эвансом Хьюзом). Лысый и усатый, он всю жизнь провел в этом городке. Трубридж старомоден и немного консервативен, он – член общества Рыцарей-тамплиеров, прихожанин епископальной церкви и убежденный республиканец.

Несмотря на то, что эти два человека отличаются, они также очень похожи. Оба – прекрасные хирурги. Трубридж время от времени может жаловаться на экстремальность приключений де Грандена, но всегда принимает в них участие и не допускает мысли, чтобы оставить того сражаться в одиночку. Но более других схожих черт их объединяет служение одной миссии, и, возможно, по этой причине они остаются друзьями во всех своих девятистах трех приключениях и бесчисленных испытаниях.

Большинство рассказов Куинна о де Грандене происходят в Харрисонвилле, штат Нью-Джерси, в вымышленном сообществе злодеев (с его извергами, призраками, упырями, оборотнями, вампирами, приверженцами вуду, колдунами и зомби), являющимся почти копией Аркхема, штат Массачусетс, из произведений Лавкрафта. Для более свежих примеров подобного сообщества, зараженного сверхъестественным, нужно смотреть даже не современные версии фантастических рассказов, а... телевизор. «Баффи – истребитель вампиров»² в Суннидейле, Калифорния, и «Ночной страж» в Сиэтле отражают структурные потребности такого сверхъестественного повествования.

В начале серии де Гранден предстает в качестве временного гостя Трубриджа, отправившись в Соединенные Штаты для изучения как медицины, так и современных методов полиции. Но Куинн быстро понял, что серия долгое время будет публиковаться, и повествование делается громоздким при описании различных мест. Для поддержания основного внимания в каждом рассказе на самих событиях требовался привычный антураж. Харрисонвилль, небольшой город недалеко от Нью-Йорка, был вымышленным, но служил этой цели.

В большинстве рассказов о де Грандене изображаются красивые девушки, находящиеся в опасности. Куинн знал, что Фарнсуорт Райт, редактор *Weird Tales* с 1924 по 1940 годы, считал, что обнаженные женщины на обложке увеличивают продажу журнала, поэтому при написании старался всегда изображать сцену, которую можно было бы нарисовать на обложке. Куинн также понимал потребность читателей в любви и романтических отношениях, поэтому даже его самые страшные истории заканчивались счастливо (но... не всегда).

И все же приключения де Грандена отличны от страшных кровавых историй, публиковавшихся по соседству.

Куинн предвосхитил произведения Клайва Баркера и прочих авторов «сплаттерпанка» примерно на пятьдесят лет, но, используя свой медицинский опыт, он написал несколько поистине ужасающих историй, таких как «Дом ужаса» и «Дом, где остановилось время». Они содержат одни из самых отвратительных описаний изуродованных людей, когда-либо помещенных на бумаге. Жертвы безумного доктора в «Доме ужасов», в частности, должны стоять в начале списка медицинских изображений чудовищ в художественной литературе.

Еще одним элементом, который отличал оккультного детектива Куинна от других, было использование им новейших достижений современной науки в борьбе с древними суевериями.

² Американский молодежный телесериал (1997–2003). – Прим. ред.

Де Гранден в своих многочисленных приключениях сражался с вампирами, оборотнями и даже с мумиями, но часто опирался на новейшие технологии, чтобы сэкономить время. Француз лучше всего сказал об этом доктору Тробрюбриджу в конце «Кровавого цветка»:

– А разве не существует старинного поверья, что оборотня можно убить только серебряной пулей?

– *Ah bah*, – отвечал он со смехом. – Что знали старые легенды о могуществе современного огнестрельного оружия? <...> Когда я боролся с этим вервильфом, друг мой, у меня в руке было что-то более мощное, чем суеверие. *Morbleu*, я сделал в нем дыру, достаточно большую, чтобы прогуляться в ней!

Чтобы победить сверхъестественных существ, Куинн полностью не отвергал использование святой воды, древних реликвий и магических талисманов. Но показывал: де Гранден понимает, что есть место и для современных технологий, и для старого фольклора, когда дело доходит до борьбы с чудовищами. И сам де Гранден не использовал насилие для борьбы со своими врагами. Часто французский оккультный детектив служил судьей, присяжным и палачом, когда имел дело с сумасшедшими, ненормальными врачами и злыми идеологами. В своих рассказах Куинн был беспощаден к тем, кто использовал темные силы.

В те времена секс был практически запрещен, и редко показывался явным образом в журналах, за исключением самых общих слов, – а Куинн снова был готов пойти туда, куда осмеливались немногие другие писатели. Сексуальное рабство, лесбиянство и даже инцест играли определенную роль в его сочинениях на протяжении многих лет, бросая вызов моральным ценностям общества.

В конце концов, нельзя отрицать, что рассказы о де Грандене – это «бульварное чтение». Многие персонажи – это не более чем разнообразные клише, собранные воедино.

Де Гранден – шаблонный персонаж, французский эксперт по оккультизму, он никогда не растеряется, сражаясь с самым злым чудовищем. Доктор Тробрюбридж остается верным компаньоном, во многом в традициях доктора Уотсона, – всегда сомневаясь, но неизбежно следуя советам своего друга. Куинн писал для массового читателя, и не тратил страницы на пейзажи, отдавая предпочтение действию.

Истории о Жюле де Грандене были написаны как серийное развлечение, с законным ожиданием того, что их потом не будут читать. Несмотря на то, что все приключения – это прекрасное времяпрепровождение, лучший способ правильно воспользоваться ими – растянуть их на длительный срок. При чтении одного рассказа за другим сглаживается впечатление, снижается эмоциональный накал, и удовольствие от чтения теряется.

Один рассказ в неделю с растягиванием пятитомной серии на два года, – идеальный вариант для полного наслаждения этими жуткими мистическими историями. Они не являются большой литературой, но они и не притворяются ею. Это «журнальное чтение», и даже спустя семьдесят пять лет истории хорошо читаются.

Если не учитывать тот факт, что специфические эстетические ценности читателей *Weird Tales* значительно отличались от ценностей читателей сегодняшнего дня, то и сейчас можно наслаждаться очарованием такого типа сверхъестественных приключений, и видеть длинную тень, которую они отбрасывали в двадцатом и начале XXI века на популярную культуру. Конечно, истории являются шаблонными, но это рецепт, который популярен и по сей день. Фигуру оккультного детектива, защитника, который стоит между нами и ночными чудовищами, можно обнаружить вновь и вновь в городских фантастических и паранормальных романах коммерческой фантастики. Он распространен в сегодняшнем телевидении и кино. При учете вездесущности и современной популярности этого типа повествования, вовсе не удивляешься, что Сибири Куинн был самым популярным автором *Weird Tales*.

Мы с гордостью представляем первый из пяти томов истории Жюля де Грандена, написанной Сибири Куинн. Расположенные в хронологическом порядке, как они первоначально появлялись в журнале *Weird Tales*, они впервые собраны вместе и доступны широкому читателю.

Обложку каждого тома украшают потрясающие иллюстрации известного художника Донато Джанколы, который придал легендарному персонажу Куинна неотразимое сочетание изящества, остроумия и актуальности. Мы не могли бы придумать лучшего способа представить «оккультного Эркюля Пуаро» новому поколению читателей.

Наконец, если Сибири Куинн наблюдает сверху и внимательно просматривает полки книжных магазинов, он, несомненно, будет доволен и горд, найдя свое творение, доктора Жюля де Грандена, вновь захватывающим умы читателей всего мира, сражающегося с силами тьмы... Где бы он ни был, с кем бы он ни был, и каким бы страшным ни было зло.

Когда разверзаются челюсти тьмы,
Лишь Жюль де Гранден на пути сатаны!

Роберт Э. Вайнберг, Чикаго, Иллинойс, США,

а также

Джордж А. Вандербург Озеро Еуджениа, Онтарио, Канада

23 сентября 2016 года

От переводчика. Французский лексикон Жюля де Грандена

В текстах рассказов Сибири Куинна часто встречаются французские словечки, ругательства и междометия центрального персонажа, Жюля де Грандена. Их нет нужды каждый раз выносить в подстрочные примечания, поэтому наиболее употребляемые нашим героем французские «словечки», для удобства читателя, мы вынесли сюда.

Следует заметить, что де Грандена, французского оккультного детектива, действующего в рассказах и повестях обычно в американском пространстве, с его безукоризненным английским (в отличие от ирландцев, немцев, да и вообще необразованных простых американцев), автор награждает, придавая персонажу «французскость», именно «французскими» ругательствами (впрочем, экспрессивный француз с удовольствием прибегает и к американским ругательствам). Чаще всего они непередадимы адекватно на русский язык: например, «Боже-Боже-Боже мой!» в устах де Грандена, да и вообще и в переводческой традиции, и в понимании французов, звучат как «Тысяча чертей!» (или что-то в этом роде). То же касается и многочисленных *pardieu, mordieu, morbleu* (традиционно переводимых как «черт побери!») и проч. Некоторые французские ругательства, к которым прибегает герой, придуманы им самим по шаблону: *Nom de Dieu*, что, опять же, означает: «Черт побери!» – это неологизмы Жюля де Грандена (например: *Nom d'une asperge* или: *Sacré nom d'un fromage vert*). Все они воспроизводятся в тексте как специфическая речь главного героя, без замены русским переводом (здесь мы придерживаемся переводческой традиции прямой речи Эркюля Пуаро, персонажа А. Кристи). Отметим, кстати, что и американского читателя рассказов и повестей Куинна публикации не утруждали переводами с французского.

В редких случаях употребления определенных идиом и слов, переводы с французского даются в подстрочных сносках.

À bientôt – до скорого (свидания)!

À moi – за мной

Adieu – прощай(те)

Ah, bah! – Ну, что уж там! Ну, вот!

Allez! – Ну-ка! Ну же!

Allons! – Давайте! Вперед!

Alors – в таком случае

Au revoir – до свидания

Barbe d'une oie! – Клянусь гусиной бородой!

Barbe d'un pélican! – Клянусь пеликаньей бородой!

Barbe et tête de Saint Denis! – Клянусь бородой и головой святого Дени!

Bête – скотина, животное

Bien – хорошо; ладно

Bon – хорошо; ладно

Bonsoir – добрый вечер

Brave – храбрец

C'est certain – наверняка

C'est glorieux – это славно

C'est une affaire finie – дело закончено

Cher – дорогой, милый
Cher ami – дорогой друг
Ciel! – Небеса!
Cochon – свинья
Collègue – коллега
Cordieu – черт побери!
Cornes et peau du diable! – Клянусь шкурой и рогами дьявола!

Dieu de Dieu! – Черт побери!
Dieu de tous les poissons! – Рыбий бог!
Dieu et le diable! – Господь и дьявол!

Eh bien – ну; итак; ладно
Exactement – точно

Gloire à Dieu – Слава Богу
Grâce à Dieu! – Слава Богу!
Grand Diable – Великий дьявол
Grand Dieu – Великий Боже

Hein – н-да; хм; а
Hélas – увы; ах; к сожалению
Holà – Эй

Le bon Dieu – добрый Бог; добрый Господь

Ma chère – милая
Ma petite – малышка
Mais non – да нет
Mais oui – ну да! да, конечно
Mes amis – друзья мои
Mille pardons – тысяча извинений!
Mille tonneres! – Гром и молния!
Mon ami – друг мой
Mon Dieu – Боже мой!
Mon enfant – дитя мое
Mon vieux – старина, дружище
Morbleu – черт возьми
Mordieu – черт возьми
Mort d'une sèche! – Дохлая каракатица!
Mort d'un chat! – Дохлый кот!

N'est-ce-pas? – не так ли? да?
Nom d'une anguille! – Клянусь угрем!
Nom d'une asperge! – Клянусь спаржей!
Nom d'un bouc! – Клянусь козлом!
Nom d'un canard! – Клянусь уткой!
Nom d'un canard vert! – Клянусь зеленой улиткой!
Nom d'un canon! – Клянусь стаканом!

Nom d'un chameau! – Клянусь верблюдом!
Nom d'un champignon! – Клянусь грибом!
Nom d'un chat! – Клянусь котом!
Nom d'un chat rouge! – Клянусь рыжим котом!
Nom d'un chou-fleur! – Клянусь цветной капустой!
Nom d'un coq! – Клянусь птичкой!
Nom d'un cochon! – Клянусь свиньей!
Nom d'un fromage! – Клянусь сыром!
Nom d'un fusil! – Клянусь брюхом!
Nom d'un homard! – Клянусь омаром!
Nom d'un moucheron! – Клянусь мошкой!
Nom d'un nom! – Черт побери!
Nom d'un parapluie! – Клянусь зонтиком!
Nom d'un petit bonhomme! – Клянусь гномом!
Nom d'un petit Chinois! – Клянусь китайчонком!
Nom d'un petit porc! – Клянусь свинкой!
Nom d'une pipe! – Клянусь трубкой!
Nom d'un porc! – Клянусь свиньей!
Nom d'un raisin! – Клянусь виноградом!
Nom d'un renard! – Клянусь лисицей!
Nom d'un sacré singe! – Клянусь обезьяной!
Nom d'un sale chameau! – Клянусь грязным верблюдом!
Nom d'un veau noir! – Клянусь черным теленком!
Nom de Dieu! – Клянусь Богом!

Oui-da – да-да

Par la barbe de Saint Gris! – Клянусь бородой святого Гри!
Par le barbe d'un bouc vert! – Клянусь бородой зеленого козла!
Par la barbe d'un petit bonhomme! – Клянусь гномьей бородой!
Par la barbe d'un corbeau! – Клянусь бородой ворона!
Par la moustache du diable! – Клянусь усами дьявола!
Par le sang du diable! – Дьявольщина!
Parbleu – черт возьми
Pardieu – черт возьми
Pardonnez-moi – помилуйте; простите
Parfaitement – превосходно
Pauvre enfant – бедное дитя; бедняжка
Pourquoi? – в чем дело? почему?
Pour l'amour de Dieu – ради Бога
Précisément – точно

Queue d'un sacré singe! – Хвост чертовой обезьяны!

Regardez, regardez-vous – посмотрите, посмотрите на самого себя

S'il vous plaît – пожалуйста

Sacré nom! – Черт подери!

Sacré nom d'une souris! – Святое мышье имя!

Sacré nom d'un fromage vert! – Чертов зеленый сыр!
Sacré nom d'un petit porc! – Чертов поросенок!
Sacré sang d'un païen! – Священная кровь язычников!
Sang du diable! – Дьявольщина!
Sang d'un poisson! – Рыбья кровь!
Savant – ученый
Service de Sûreté, Sûreté Générale – французская сыскная полиция

Tenez – глядите-ка!
Tête du diable! – Клянусь головой дьявола!
Tiens – ах! вот как! так!
Tous les démons! – Все демоны!
Très bon – очень хорошо; прекрасно
Très bien – очень хорошо; прекрасно
Triomphe – триумф; победа

Voilà – вот
Voilà tout! – Вот и всё
Vraiment – в самом деле

Zut! – здесь: еще того не легче!

Ужас на поле для гольфа

Наверное, было за полночь, когда звонок телефона на прикроватной тумбочке разбудил меня. Луна поднималась над горизонтом – я выглянул в окно, собирая инструменты.

– Доктор Трuebas, – раздался в трубке взволнованный голос, – это миссис Мейтленд. Вы можете срочно выехать? С Полем случилось что-то страшное!

– Н-да? – пробормотал я. – А что с ним?

– Мы... мы не знаем, – нервно ответила она. – Он без сознания. Понимаете, он был на танцах в загородном клубе с Глэдис Филлипс, и мы давно спали, но услышали, как кто-то стучит в дверь. Мистер Мейтленд спустился, и когда открыл дверь, Пол упал в прихожую. О, доктор, он опасно ранен. Неужели вы не приедете?

Сон врача подобен общественной собственности. Я со вздохом поднялся с постели, оделся, завел мой отремонтированный автомобиль и отправился в дом Мейтлендов.

Юный Мейтленд лежал на кровати, закрыв глаза, стиснув зубы, на лице его даже в бессознательном состоянии застыло выражение невыразимого страха. На его плечах и руках я обнаружил несколько длинных рваных ран, словно его плоть терзали каким-то острым зубчатым инструментом.

Я обработал и перевязал раны, думая о том, чем они могли быть нанесены.

– Помогите! Помогите! О, Господи, помоги мне! – бормотал парень в бреду. – О, о, оно на мне... – Тут он закричал и внезапно сел, глядя прямо перед собой с безумным страхом в глазах.

– Тише, тише, юноша, – успокоил его я. – Ложитесь, все хорошо. Вы дома, в своей постели.

Он глянул на меня, потом без сознания откинулся на кровать.

– Обезьяна... тварь... Это за мной! Отоприте двери, Бога ради, отоприте двери!

– Все хорошо, – я сделал ему подкожную инъекцию. – Сейчас вы уснете.

Опиат вскоре сделал свое дело. Я оставил молодого человека с родителями и вернулся домой, чтобы попытаться ухватить концы моего прерванного сна.

С первых полос газет, лежащих рядом с моим грейпфрутом на завтрак, кричали заголовки:

УЖАСНЫЙ МОНСТР УБИЛ ДЕВУШКУ

Тело молодой женщины найдено рядом с Седгеморе

В загородном клубе – преступление

Извращенец повинен в убийстве – немедленно арестовать!

Сара Хамфрис, красавица девятнадцати лет, работавшая официанткой загородного клуба в Сенгеморе, была обнаружена этим утром в одном из помещений для гольфа Джоном Берроузом, газонокосильщиком. Полуодетая; лицо изуродовано, шея сломана. Мисс Хамфрис работала в клубе три месяца. Ее работа заканчивалась незадолго до полуночи; товарищи по работе сказали, что она собиралась уехать по Эндовер-роад на последнем автобусе до города. Ее изуродованное тело было найдено примерно в двадцати пяти ярдах от дороги на поле для гольфа. Между Эндовер-роад и полем для гольфа – гряда деревьев. Считают, что на молодую женщину напали, когда она проходила

через лесок от дороги. Помощник коронера Несбетт, осмотревший тело, заявил, что девушка умерла около пяти часов тому назад. На учете в полиции она не состояла. Несколько подозрительных личностей, появлявшихся в последнее время в клубе, могут быть в ближайшее время задержаны.

– Тута два жантльмена хотят вас видеть, сор, – прервала мое чтение Нора Макгиннес, моя экономка. – Сержант Костелло и француз, или итальяшка, или кто-то еще. Они хотят вам делать вопросы про девушку Хамфриса.

– Расспрашивать *меня* об убийстве? – удивился я. – Да я только что узнал об этом из заметки в газете, а отчета о преступлении вообще не видел.

– Все в порядке, доктор Тробрэдж, – улыбаясь, вмешался сержант Костелло, входя в гостиную. – Мы не собираемся арестовывать вас. Но есть вопросы, которые мы зададим, если вы не возражаете. Это – профессор де Гранден из французской полиции, он работал здесь и предложил свою помощь в расследовании убийства. Хорошо бы узнать все обстоятельства. – Он махнул рукой, представляя нас: – Профессор де Гранден, доктор Тробрэдж.

Профессор низко поклонился в континентальной манере, потом с дружеской улыбкой протянул руку. Он был прекрасным образчиком редкого типа белокурого француза, среднего роста, но с военной выправкой – так что казался на несколько дюймов выше. Его светло-голубые глаза были маленькими и показались бы смешными, если бы не холодный прямой взгляд. Со своими пшеничными усиками, расправленными на концах, и мерцающим взглядом он походил на охотящегося кота. Бесшумно, по-кошачьи, он пересек комнату и пожал мне руку.

– Боюсь, мсье Костелло ввел вас в заблуждение, доктор, – проговорил он приятным голосом, почти лишенным акцента. – Это правда, я связан с *Service de Sûreté*, но не служу там. Моя основная работа – в парижском университете и в Больнице святого Лазаря, с которой я совмещаю исследования в области криминалистики. Видите ли...

– Так вы, – перебил я, схватив его тонкую сильную руку, – профессор Жюль де Гранден, автор «Ускоренной эволюции»?

Миг – и заразительная улыбка появилась на его лице.

– Так вы меня знаете, *hein?* Хорошо, что я среди друзей! Однако сейчас наши проблемы лежат совсем в другой области. У вас есть пациент, некто мсье Пол Мейтленд? И он вчера вечером был на Эндовер-роад?

– У меня есть пациент по имени Пол Мейтленд, – признал я, – но я не знаю, где он получил травмы.

– Мы тоже, – ответил он с улыбкой, – но будем спрашивать. Пойдемте вместе поговорим с ним?

– Почему бы и нет, – согласился я. – Так или иначе сегодня утром я должен осмотреть его.

– А теперь, юный мсье, – начал профессор де Гранден по завершении знакомства, – расскажите нам, что с вами случилось прошлой ночью. Итак?

Пол с беспокойством и некоторой нервозностью переводил взгляд с одного из нас на другого.

– Мне не нравится думать об этом, – признался он, – и еще меньше хочется говорить. Но вот правда, верьте или нет: я отвез Глэдис домой из клуба около одиннадцати часов, потому что у нее разболелась голова. Пожелав ей спокойной ночи, я решил направиться к себе, и уже почти доехал, когда потянулся в карман за сигаретами. Портсигар исчез, и я вспомнил, что он лежал на подоконнике перед самым последним танцем. Мать подарила мне его на последний день рождения, и я не хотел его потерять. Но, вместо того, чтобы позвонить в клуб и попросить кого-нибудь из парней забрать его, я, как дурак, решил вернуться за ним.

Вам хорошо известно, – по крайней мере, доктору Тробрэджу и сержанту Костелло, – что Эндовер-роуд спускается к маленькой долине и огибают край поля для гольфа между вось-

мой и девятой лунками. Я успел добраться до той части дороги, которая ближе к полю, когда услышал, что дважды крикнула женщина. На самом деле это были не два крика, а, скорее, полтора, потому что второй крик прервался, едва начавшись. В моем кармане лежал маленький пистолет двадцать второго калибра, я вытащил его, выбрался из автомобиля и поднялся на обочину. Это было тоже везение, поверьте. Я побежал в лес, крича во весь голос, и тут увидел что-то темное: это было женское тело, лежащее поперек дороги. Я направился к нему, наверху зашелестели деревья, и – плюх! – что-то упало прямо передо мной.

Джентльмены, я не знаю, что это было, но знаю, что не человек. Он был не таким высоким, как я, но выглядел примерно вдвое шире, и его руки свисали. Свисали до земли. Я закричал: «Что, черт возьми, здесь происходит?» И достал пистолет, а он не ответил, только начал прыгать вверх-вниз на четырех конечностях. Поверьте, я был в ужасе.

«Остановись, – снова закричал я, – или я прострелю тебе голову!» В следующий миг – я так нервничал и волновался, что не знал, что делаю, – я выпустил несколько пуль прямо в лицо этому существу. Оно не дало мне выстрелить последний раз. Поверите или нет, тварь, или что это было, протянула руку, вырвала мой пистолет и сломала его. Да, господа, так же легко, как я мог бы сломать спичку.

Теперь она оказалась на мне. Я почувствовал, что одна из ее рук сжала мое предплечье, и попытался оттолкнуть ее. Тьфу! Она была волосатая, господа. Волосатая, как обезьяна!

– *Morbleu!* Вот как? А потом? – торопил его де Гранден.

– Потом я увернулся и изо всех сил ударил ее по голени. Она на миг ослабила хватку, и я освободился. Стремглав пробежал четверть мили, прыгнул в машину и покатил по широкой дороге. Но пока добрался до своего «родстера»³, получил удары по спине и плечам. Монстр пытался три или четыре раза схватить меня, неизменно царапая своими когтями. К тому времени, как я вернулся домой, я почти сошел с ума от испуга, боли и потери крови. Я помню, как пинал в дверь и кричал, чтобы мне открыли, а затем в глазах моих потемнело. – Юноша остановился и серьезно посмотрел на нас. – Вы думаете, скорее всего, что я самый большой лгун, но я говорил вам абсолютную правду, господа.

Костелло глядел скептически, но де Гранден нетерпеливо кивнул.

– Конечно же, вы говорите правду, *mon vieux*. Скажите мне, если можете, этот *poilu*⁴, это волосатое создание, как оно было одето?

– Гм, – Пол наморщил лоб. – Не могу сказать точно, потому что в лесу было темно, и я был очень избит, но... думаю, оно было в вечерней одежде. Да, клянусь. Я видел его белую рубашку.

– *Ah?* – пробормотал де Гранден, – Волосатая тварь, человек, который прыгает вверх и вниз, как сумасшедшая обезьяна или марионетка, и носит вечернюю одежду? Есть о чем подумать, *mes amis*.

– Я «подумать», – сказал Костелло. – что хууч⁵ действует на молодежь не так, как на нас, старых ветеранов Первой мировой...

– Доктора Троубриджа разыскивают по телефону, пожалуйста, – обращение горничной прервало его тяжелую иронию. – Если желаете, можете взять трубку здесь, господин. Она связана с главной линией.

– Это миссис Комсток, доктор, – сообщил мне голос. – Ваш повар сказала, что вы у миссис Мейтленд. Можете ли вы прийти ко мне домой, когда освободитесь? Мистер Мэнли, жених моей дочери, был ранен прошлой ночью.

– Ранен прошлой ночью? – повторил я.

³ Автомобиль с открытым двухместным кузовом.

⁴ Волосатый (*франц.*).

⁵ Самогон (*амер. сленг*).

– Да, в загородном клубе.

– Хорошо, я скоро буду, – пообещал я и протянул руку профессору де Грандену.

– Простите, мне нужно бежать, – извинился я, – вчера вечером в клубе пострадал еще один человек.

– *Pardieu!* – его круглые глазки уставились на меня. – Этот клуб – самое нездоровое место, *n'est-ce-pas?* Могу ли я сопровождать вас? Этот другой человек может рассказать нам что-то, что мы должны знать.

Рана молодого Мэнли оказалась огнестрельной, нанесенной из оружия малого калибра, на левом плече. Он держался очень сдержанно, и ни де Гранден, ни я не были слишком настойчивыми, поскольку миссис Комсток нависала над кроватью больного с нашего прихода до завершения осмотра.

– *Nom d'un petit porc!* – пробормотал маленький француз, когда мы покинули резиденцию Комстоков. – Он неразговорчивый. Вот-вот заговорит – и ничего! Я несущу чушь. Пойдемте в морг, *cher collègue*. Вы отвезете меня туда в своем автомобиле и расскажете, что увидите. Зачастую вы, джентльмены общей практики, видите то, что не могут увидеть специалисты, потому что мы зашорены в нашей специальности, *n'est-ce-pas?*

В холодном, тусклом свете городского морга мы рассматривали останки бедной маленькой Сары Хамфрис. Как и говорилось в газете, ее тело было изувечено множеством ран на руках и плечах, достаточно глубоких. В некоторых местах виднелась кость, – там, где кожа и мышцы были основательно разодраны. На шее виднелось пять различных ярких пятен: одно размером около трех дюймов, квадратное по форме; остальные четыре, проходящие друг за другом вокруг шеи, завершались глубокими рубцами, словно когти хищного зверя погрузилась в плоть. Но самым ужасным в этом страшном зрелище было лицо бедной девушки. Многократные удары исказили ее некогда прекрасные черты, а фрагменты песка и мелкого гравия, все еще остававшиеся на коже, рассказывали, что ее лицо, должно быть, было вдавлено в землю с потрясающей силой. Никогда, со времен моей практики больничного интерна, я не встречал такого количества травм на одном теле.

– И что вы видите, друг мой? – спросил француз низким хриплым шепотом. – Вы смотрите, вы размышляете. Что же вы думаете?

– Это ужасно, – начал было я, но он нетерпеливо прервал меня.

– Конечно. Не следует искать красоту в морге. Я спрашиваю про то, что вы видите, а не про ваши эстетические впечатления. *Parbleu!*

– Если вы хотите знать, что меня больше всего интересует, – отвечал я, – так это раны на плечах и руках. Я почти уверен, они точно такие же, что были нанесены и Полу Мейтленду прошлой ночью.

– Вот как? – его маленькие голубые глаза плясали от волнения, его кошачьи усы шевелились больше, чем когда-либо. – Клянусь голубым человечком! Мы начинаем продвигаться вперед. Теперь, – он тронул синеватые пятна на горле мертвой девушки кончиком изящного отполированного пальца, – эти отметины вам что-нибудь говорят?

Я покачал головой.

– Возможно, синяки от какой-то гарроты⁶, – рискнул заметить я. – Они слишком длинны и толсты для отпечатков пальцев. Кроме того, нет синяка от большого пальца.

– Ха-ха! – его смех был безрадостным, как у актера старой школы. – Нет отметины, вы сказали? Мой дорогой сэр, если бы была отметина большого пальца, я должен был бы отправиться в море. Эти знаки являются приметами достоверности истории молодого мсье Метленда. Когда вы были последний раз в *le jardin des plantes*, – как вы его называете? – в зоологическом саду?

⁶ Инструмент для удушения человека. – *Прим. ред.*

– Зоо? – эхом отозвался я.

– *Précisément*, зоо, как вы его называете. Вы никогда не замечали, как четверорукие берут вещи? Поверьте, *cher collègue*, не будет большим преувеличением сказать, что большой палец – это разница между человеком и большинством обезьян. Человек и шимпанзе захватывают предметы пальцами, используя большой палец в качестве опоры. Горилла, орангутанг, гиббон – все глупцы, они не знают, как использовать свои большие пальцы. Теперь посмотрим, – он указал на синяки на шее мертвой девушки. – Эта большая квадратная отметина – знак основания кисти, эти круговые линии – пальцы, и эти раны – отпечатки когтей. Клянусь старым и злющим котом! То, что рассказывал юный Мейтленд – правда. Это была обезьяна, с ней он повстречался в лесу. Обезьяна в вечерней одежде! Что вы об этом думаете?

– Бог знает, – беспомощно ответил я.

– Конечно, – торжественно кивнул он. – *Le bon Dieu* точно знает, но я, уверен, что тоже узнаю.

Он резко отвернулся от мертвой девушки и осторожно подвинул меня к двери локтем.

– Хватит, хватит, – заявил он. – Вам предстоит еще помогать больному. У меня также есть работа. Если вы отвезете меня в полицейский участок, я буду вам признателен. И, если неудобство не слишком велико, могу ли я остановиться у вас дома, пока работаю над этим делом? Вы согласны? Хорошо. До вечера, *au revoir*.

Вскоре после восьми часов вечера он пришел ко мне, нагруженный таким количеством пакетов, что можно было заказать грузовик.

– Ну и ну, профессор! – воскликнул я, когда он положил свои свертки на удобное кресло, ухмыльнулся, и подправил вощные стрелки усов, взметнувшихся вверх, словно миниатюрные рожки. – Вы скупили весь город?

– Почти, – ответил он, упав в кресло, и зажег ужасно вонючую французскую сигаретку. – Я долго говорил с бакалейщиком, аптекарем, хозяином гаража и табачником, и в каждом месте делал покупки. Я сейчас новый житель вашего столь очаровательного города Харрисонвилля, который хочет узнать своих соседей и свой новый дом. Я разговаривал, как болтливая старуха, я изжевал много словесной мякоти, но, *grâce à Dieu*, из нее я состряпал хорошую еду!

Он взглянул на меня с любопытством кошки и спросил:

– У вас среди соседей есть мсье Калмар?

– Да, кажется, здесь есть такой человек, – ответил я, – но я мало знаю о нем.

– Расскажите мне немного о нем, будьте так добры.

– Гм. Он прожил здесь около года и держится очень замкнуто. Насколько я знаю, он ни с кем не дружит и никого не посещает, кроме торговцев. Я знаю, что он какой-то ученый, что он снял старое здание на Эндовер-роуд, чтобы спокойно проводить эксперименты.

– Вот видите, – де Гранден задумчиво постучал по портсигару. – Я столько же сведений собрал из разговоров с торговцами. Теперь скажите мне, если сможете: этот всем-неизвестный-мсье – друг молодого Мэнли, джентльмена, чью огнестрельную рану вы осматривали сегодня утром?

– Я ничего не знаю об этом, – отвечал я. – Никогда не видел их вместе. Мэнли – странный, капризный тип, никогда никому ничего не говорит. Как Миллисент Комсток влюбилась в него, ума не приложу. Он хорошо ездит верхом и высоко ценит ее мать, но это единственные достоинства, которые он будет иметь в качестве мужа, как я мог видеть.

– Он очень сильный?

– Понятия не имею, – признался я.

– Ну, итак. Послушайте меня, пожалуйста. Вы думаете, де Гранден – глупец, *hein?* Возможно, да. Возможно, нет. Сегодня я занимался другими вещами помимо разговоров. Я пошел в дом леди Комсток на разведку. В золе я нашел пару лакированных ботинок, весьма поца-

рапанных. Я подмазал слугу и узнал, что они принадлежат этому мсье Мэнли. В мусорном контейнере я произвел дальнейшие расследования и нашел белоснежную рубашку, перепачканную кровью. С разорванными манжетами и рукавом. Рубашка тоже, думаю, принадлежала мсье Мэнли. Я, как старьевщик, поговорил со слугой госпожи Комсток. Купил эту рубашку и эту обувь. Вот так!

Из одного из своих свертков он вытащил пару туфель и рубашку и предоставил их моему осмотру, будто они были сокровищами.

– В Париже у нас есть способы разговаривать с неодушевленными предметами, – заявил он, засунул руку в карман и вытащил сложенную бумажку. – Эту рубашку и туфли я достаю уже в третий раз, и они разговаривают со мной. *Mordieu*, они болтают, как пара старых дев над чашкой чая!

Развернув бумажку, он показал три грубых темно-коричневых волоска, длиной от полутора до трех дюймов.

Я с любопытством взглянул на них. Возможно, они упали с головы мужчины, хотя они казались слишком длинными и прямыми, чтобы быть волосами, а их текстура выглядела слишком грубой для человека.

– Гм, – без слов прокомментировал я.

– *Précisément*, – усмехнулся он. – Вы можете их классифицировать, а?

– Нет, – признался я. – Они слишком грубы, чтобы быть с головы Мэнли. Кроме того, они почти черные, его же волосы светло-каштановые.

– Друг мой, – он наклонился и невозмутимо посмотрел мне в лицо. – Я видел такие волосы раньше. Как и вы, но вы их не узнали. Они принадлежат горилле.

– Гори... вы бредите! – отшатнулся я. – Как могли волосы гориллы попасть на рубашку Мэнли?

– У вас неправильное предположение, – поправил он. – Они были не сверху на рубашке, а внутри. Под линией шеи, где пуля разорвала белье и ранила его. Волосы, найденные мной в засохшей крови. Посмотрите на эту одежду, если хотите, – он держал передо мной рубашку для осмотра, – вот, как она разорвалась. В ней было слишком большое тело. Говорю вам, мсье Трубридж, эту рубашку носила тварь, чудовище, которое убило эту бедную девушку, погибшую на поле для гольфа прошлой ночью. Которое через несколько минут напало на молодого Мейтленда, и которое наследило в доме мадам Комсток, когда пришло туда той же ночью. Что вы так смотрите? Вы говорите себе: «Этот де Гранден сумасшедший, как апрельская рыба!» Послушайте, я докажу каждый шаг в этой цепочке. Сегодня утром, когда вы изучали раны молодого мсье Мэнли, я изучал его и его комнату. На подоконнике я заметил несколько царапин – такие царапины мог оставить кто-то вроде дракона, вползающего в оконный проем. Я посмотрел в окно, и на белой стене дома увидел свежие царапины. Кроме того, я нашел царапины на окрашенном водостоке.

Эта труба висит на углу возле окна Мэнли, но слишком далеко, чтобы человек мог дотянуться с нее до подоконника. Но если у человека руки такие длинные, как у меня ноги – что тогда? Ах, тогда он мог бы легко достичь цели. Да.

Потом, когда я купил эти туфли и рубашку у слуги мадам Комсток, я заметил как краску, так и царапины на лакированной коже. Позже я сравнивал краску на туфлях и на стене дома. Они одинаковые. Потом я заметил, что рубашка окрашена кровью и вся разорвана, словно человек, который ее носил, внезапно расширился, и одежда лопнула на нем. Я нахожу шерсть в пятнах крови на рубашке. Итак, теперь, понимаете?

– Пусть меня повесят, если понимаю, – заверил я.

Он снова наклонился вперед, говоря с большой степенью искренности:

– Слуга Комстоков поведал мне больше, когда я расспрашивал его. Например, он сказал, что вчера вечером молодой Мэнли нервничал, – что вы назвали бы болезнью. Он жаловался

на боль в голове, боль в спине, он чувствовал, как он сказал, слабость. Да. Он рано лег спать, и его невеста отправилась в загородный клуб без него. Старая мадам тоже рано легла спать. Ха, но позже ночью – почти в полночь – молодой человек отправился на прогулку, потому что, как сказал он, не мог уснуть. Это то, что он сказал слуге этим утром, но... – он сделал паузу, и продолжал, тщательно отделяя слова, – слуга всю ночь маялся зубной болью, и слышал, как молодой человек пришел через некоторое время после полуночи. Но не слышал, как тот уходил! А он, конечно, заметил бы, если б тот вышел через дверь. А теперь подумайте вот о чем: полицейский на мотоцикле сказал мне, что заметил, как молодой Мэнли вышел из дома этого мсье Калмара, шатаясь, словно пьяный. Он задался вопросом, как полицейский: неужели мсье Калмар так много воображает из себя, что продает нелегальный напиток после закрытия салонов? Ну как, *cher collègue*? Что скажете?

– Черт возьми! – взорвался я. – Вы собрали самую глупую историю глупостей, которую я когда-либо слышал, де Гранден. Один из нас сумасшедший, – и я не думаю, что это я!

– Никто из нас не сумасшедший, *mon vieux*, – серьезно отвечал он. – Но люди сошли бы с ума, зная, что знаю я, и даже более – подозревая, что я начинаю подозревать. Вы будете так любезны, прокатите меня мимо дома мсье Калмара?

Через несколько минут мы увидели одинокое жилище, занятое эксцентричным стариком, чья резиденция была тайной уже двенадцать месяцев.

– Он работает допоздна, – прокомментировал де Гранден, когда мы проезжали мимо. – Смотрите, свет горит в лаборатории.

Действительно, из окна в задней части дома луч яркого света разрезал вечерний сумрак, и, когда мы остановили машину и всмотрелись, увидели согнутую фигуру Калмара, в лабораторном фартуке, ходящую туда-сюда перед окном. Маленький француз долго смотрел на фигуру в белом, как будто запечатлевая его образ в памяти, а затем коснулся меня локтем.

– Вернемся, – мягко распорядился он. – А по дороге я расскажу вам историю.

– До войны, которая разрушила мир, из Вены в Париж приехал доктор Бенекендорф. Как человек он был невыносим, но как *savant* не имел равных. Своими глазами я видел, что он творил, – и это во времена, менее терпимые к науке, привело бы его на кол как волшебника. Но наука – это инструмент Бога, друг мой. Это не значит, что человек должен играть роль Бога. Этот человек зашел слишком далеко. Мы должны были сдержать его.

– Да? – ответил я, не особенно заинтересовавшись его повествованием. – И что же он сделал?

– Ха, чего только он не сделал, *pardieu!* Дети бедняков пропадали без вести по ночам. Их не было нигде. Поиск жандармов сузился до лаборатории этого Бенекендорфа. И там они обнаружили не бедных пропавших младенцев, а полузабитых существ-обезьян, не совсем людей и не совсем обезьян. Все они были ужасны, с лицами, напоминающими человеческие, но заросшими шерстью. К счастью, все эти бедняги были мертвы. Бенекендорф был сумасшедшим, как июньский жук на дворе, – но ах, друг мой, какой интеллект, какой прекрасный мозг пострадал! Мы скрыли это для безопасности общественности, а для безопасности человечества мы сожгли его тетради и уничтожили сыворотки, которые он вводил в человеческих младенцев, чтобы превратить их в псевдообезьян.

– Невозможно! – усмехнулся я.

– Невероятно, – согласился он. – Но, к несчастью, не для него. Его тайна ушла вместе с ним в сумасшествие. Но и превратностей войны он избежал.

– Боже мой, – воскликнул я. – Вы имеете в виду, что этот создатель чудовищ свободен? Он пожал плечами с галльским фатализмом.

– Может быть. Все следы его исчезли, но есть сообщения, что его позже видели в Бельгийском Конго.

– Но...

– Нет, мой друг, если будете так добры. Ничего не получилось. Мы зашли в *impasse*⁷, но теперь мы можем найти наш путь к нему. Прошу об одной услуге, если вы будете достаточно любезны, чтобы предоставить ее: когда вы поедете к молодому Мэнли, позвольте мне сопровождать вас. У меня будет несколько минут поговорить с мадам Комсток.

Корнелия Комсток была дамой внушительного телосложения и еще более внушительных манер. Она пугала членов клуба, общественных репортеров, даже адвокатов своей «деятельностью», но для де Грандена она была просто женщиной, которая могла дать ему информацию. Сразу натянув свой лук, как никто, кроме французов не может, он начал:

– Мадам, вы когда-нибудь знали некоего доктора Бенекендорфа?

Миссис Комсток посмотрела на него так, что смертоносный взгляд василиска показался бы томным.

– Любезнейший... – начала она, будто он был заломившим втридорога цену таксистом, но француз встретил ее холодный взгляд столь же холодным.

– Вы будете весьма любезны, если ответите мне, – сказал он ей. – В первую очередь я представляю Республику Францию, но также я представляю человечество. Еще раз, пожалуйста: вы когда-нибудь знали доктора Бенекендорфа?

Ее холодные глаза опустились под его невозмутимым взглядом, и ее тонкие губы слегка дернулись.

– Да, – ответила она скорее не голосом, а шепотом.

– Ах, так. Мы добиваемся прогресса. Когда вы узнали его – при каких обстоятельствах? Поверьте, вы можете говорить доверительно со мной и доктором Трубриджем, но, пожалуйста, говорите откровенно. Это очень важно.

– Я знала Отто Бенекендорфа много лет назад. Он только что приехал в эту страну из Европы и преподавал биологию в университете, рядом с которым я жила. Мы... мы были обручены.

– И ваше обручение, по какой причине оно расстроилось, скажите, пожалуйста?

Я едва мог узнать Корнелию Комсток в женщине, которая смотрела на Жюля де Грандена изумленными испуганными глазами. Она дрожала, как от холода, и ее руки нервно перебирали шнур черепахового пенсне. Потом она ответила:

– Он... он был невозможен, сэр. У нас были вивисекторы, даже в те дни, – но этот человек, оказалось, мучил бедных, незащитных зверей ради любви к науке. Я вернула ему кольцо, когда он похвастался одним из своих экспериментов. Он с удовольствием вспоминал о страданиях бедных животных, прежде чем они умирали.

– *Eh bien*, мадам, – де Гранден бросил на меня быстрый взгляд, – вы были помолвлены, потом разорвали помолвку. Предполагаю, вы расстались дружески?

Корнелия Комсток выглядела так, словно была на грани обморока, когда прошептала:

– Нет, сэр. Нет! Он оставил меня с ужасными угрозами. Я помню те самые его слова, как я могу их забыть? Он сказал: «Я уйду, но я возвращусь. Ничто, кроме смерти, не может обмануть меня, и когда я вернусь, я принесу вам и всем вашим ужас, которого никто не знал со времен Адама».

– *Parbleu*, – маленький француз почти пританцовывал от волнения. – У нас почти есть ключ к тайне, друг мой Трубридж! – И обратился к миссис Комсток: – Еще один малень-

⁷ Тупик (франц.).

кий, такой маленький вопрос, пожалуйста, мадам: ваша дочь обручена с мсье Мэнли. Скажите, когда и где она познакомилась с этим молодым человеком?

– Я представила их, – миссис Комсток возвращалась к своему прежнему состоянию. – Мистер Мэнли пришел к моему мужу с рекомендательным письмом от старого его однокурсника по университету, из Кейптауна.

– Кейптаун, вы сказали, мадам? Кейптаун в Южной Африке? *Nom d'un petit bonhomme!* Когда это было, будьте любезны?

– Около года назад. Почему...

– А мсье Мэнли, как долго он живет у вас? – Его вопрос наполовину прервал ее обиженный протест.

– Мистер Мэнли *останавливается* у нас, – холодно ответила Комсток. – Он должен жениться на моей дочери в следующем месяце. И, действительно, сэр, я не вижу, какой интерес может быть в моих личных делах для Республики Франции, которую вы представляете, и для человечества, о котором вы также заявляете. Если...

– Кейптаунский друг, – лихорадочно прервал ее маленький француз. – Как его имя и чем он занимается?

– Действительно, я должна отказать...

– Скажите мне! – Он протянул вперед свои тонкие руки, словно призывая ее к ответу. – Это то, что я должен знать. *Nom d'un fusil!* Скажите мне сейчас!

– Мы не знаем его улицы и номера дома, – миссис Комсток казалась совершенно запутанной. – Но его зовут Александр Финдли, и он агент по продаже алмазов.

– *Bien.* – Француз ударил себя по бокам и низко поклонился. – Спасибо, мадам. Вы были очень добры и полезны.

Было за полночь, когда телефон настойчиво зазвонил.

– Говорит «Вестерн Юнион», – объявил голос девушки. – Каблограмма для доктора Жюля де Грандена. Готовы?

– Да, – ответил я, схватив карандаш и подушку с тумбочки. – Зачтите, пожалуйста.

– «За последние пять лет ни один человек, названный Александром Финдли, агентом по продаже алмазов, не зафиксирован. Подпись: Берлингем, инспектор полиции». Это из Кейптауна, Южная Африка, – добавила она, закончив диктовать.

– Очень хорошо, – ответил я. – Подтвердите получение, пожалуйста.

– *Mille tonnes!* – воскликнул де Гранден, когда я прочел ему сообщение. – Это делает пазл полным или почти полным. Послушайте, пожалуйста.

Он прыгнул через комнату и достал из кармана пиджака черный кожаный блокнот.

– Вот, – сверился он с записями, – этот мсье Калмар, которого никто не знает, прожил здесь десять месяцев и двадцать шесть дней – завтра уже двадцать семь. Эта информация у меня от риелтора, с которым я беседовал в роли составителя справочника ученых. Молодой мсье Мэнли знаком с Комстоками около года. Он принес им письма от одноклассника мсье Комстока, который оказывается неизвестным в Кейптауне. *Parbleu*, мой друг, теперь Жюль де Гранден превратит ночь в день, если вы будете так любезны отвезти его в оружейную лавку, где он сможет купить «винчестер». Да, – торжественно кивнул он, – это так. *Vraiment.*

Время текло медленно, де Гранден каждый вечер собирал оружие, чтобы скрасить свои одинокие бдения, но никаких событий в деле убийства Хамфрис или нападения на Пола Мейтленда не обнаруживалось. Приближалась дата свадьбы Милисент Комсток, и большой дом был заполнен резвыми молодыми людьми. А де Гранден держал винтовку заряженной и размышлял наедине с собой.

В ночь перед днем свадьбы, спустившись по лестнице, он обратился ко мне:

– Друг мой Трuebas, вы были терпеливы. Если вы пойдете со мной сегодня вечером, думаю, что смогу вам кое-что показать.

– Хорошо, – согласился я. – У меня нет ни малейшего представления о том, что значит вся эта ахинея, но я хочу удостовериться в ней.

Вскоре после двенадцати мы припарковали машину в удобном уголке и быстро подошли к жилищу Комстоков, укрывшись в тени изгороди, которая обозначала границу участка.

– Господи, какая прекрасная ночь! – воскликнул я. – Не думаю, что когда-либо видел столь яркий лунный свет...

– Хм-м-м-м!

Вмешательство де Грандена в мою речь состояло из этих необычных носовых звуков – наполовину хрюканья, наполовину хныканья, – которое никто, кроме истинного француза, произвести не может.

– Послушайте меня, пожалуйста, друг мой: никто не знает, какую роль Танит, богиня Луны, играет в наших делах, даже сегодня, когда ее имя забыли все, кроме пыльных сухих антикваров. Однако мы это знаем. Вся наша жизнь управляется фазами Луны. Вы, как врач с большим акушерским опытом, можете это подтвердить. Кроме того, когда приближается время ухода, кризис болезни часто регулируется фазой Луны. Почему это происходит, мы не ведаем, но это так, и это мы знаем слишком хорошо. Предположим, что клеточная организация тела будет насильственно, неестественно изменена, и вся сила природы будет направлена на перенастройку. Не можем ли мы предположить, что Танит, которая влияет на роды и смерть, может применить силу в таком случае?

– Осмелюсь сказать, – признался я, – я не пойду с вами. Что вы там ожидаете, или кого подозреваете, де Гранден?

– *Hélas*, ничего, – ответил де Гранден. – Я никого не подозреваю, ничего не утверждаю, ничего не отрицаю. Я агностик, но я надеюсь. Может быть, я создаю большой черный *lutin*⁸ из собственной тени, но тот, кто готов к худшему, приятно разочаровывается, если происходит лучшее... Это в комнате мадемуазель Миллисент горит свет, *n'est-ce-pas?* – неожиданно добавил он.

– Да, – подтвердил я, задаваясь вопросом, не отправился ли я в дурацкую поездку в компании с милым сумасшедшим.

Веселье в доме успокоилось, и один за другим в верхних окнах погасли огни. У меня было большое желание закурить, но первым я не осмеливался. Маленький француз нервно ерзал, суетился с затвором «винчестера», выталкивая и снова вставляя патроны, выстукивая дьявольскую дробь на стволе длинными белыми пальцами.

Луна скрылась за облаками, но внезапно они разошлись, и, как прожектор, на небе появилось светлое, жемчужное лунное сияние.

– Ах, – пробормотал мой собеседник, – теперь мы увидим то, что увидим... возможно.

Словно в ответ на его слова, из дома раздался крик такого дикого, безумного ужаса, который могла испускать только потерянная душа, призываемая на вечные муки.

– Ах-ха! – воскликнул де Гранден, поднимая ружье. – Он выйдет или...

В доме мелькали огни. Топот многочисленных ног звучал сквозь шум испуганных вопрошающих голосов, но крик не повторялся.

– Выходите все и смотрите на де Грандена! – слышал я бормотанье маленького француза. – Вот, друг мой, она идет – *le gorille!*

Из окна Миллисент показалась ужасная, как дьявол из преисподней, волосатая голова на плечах, по крайней мере, фута четыре в поперечнике. Рука, напомнившая мне гигантскую

⁸ Бесенок (франц.).

змею, выскользнула из окна, ухватилась за чугунный водосток на углу дома и подтянула огромное волосатое тело. Нога, похожая на руку, переброшилась через подоконник, и, как паук из своего логова, чудовище вылезло из окна, повисело минутку на трубе. Его блестящее черное тело вырисовывалось на фоне белой стены дома.

Но что там белое свисало с его свободной руки? Подобно красивой белой бабочке, застигнутой в паутине, со светлыми распущенными волосами, в разодранной в лохмотья шелковой ночной рубашке, в объятиях твари лежала бездыханная Миллисент Комсток.

– Стреляйте, старина, стреляйте! – закричал я, но только тихий шепот вырвался из моих застывших от страха губ.

– Тише, *imbécile!*⁹ – приказал де Гранден, прижимая ружье к щеке. – Вы хотите предупредить о нашей засаде?

Медленно, так медленно, что, казалось, этот процесс занял час, огромный примат спустился по водостоку, спрыгнул с последних пятнадцати футов и присел на лунной лужайке. Его маленькие красные глаза злобно блестя, будто он, обладая своей добычей, бросал вызов миру.

Звук винтовки де Грандена чуть не оглушил меня, и дым, словно пудра, вспыхнул в ночи. Он лихорадочно перезарядил ружье и выстрелил во второй раз.

Чудовище пьяно отшатнулось от дома, когда раздался первый выстрел. На втором оно с Миллисент упало на лужайку и издало крик, который был отчасти ревом, отчасти рычанием. Затем, с беспомощно повисшей огромной рукой, оно в несколько неуклюжих прыжков исчезло за домом, абсурдно напомнив мне подпрыгивание большого надутого шара.

– Позаботьтесь о ней, пожалуйста, друг мой, – распорядился де Гранден, когда мы добежали до безжизненного тела Миллисент. – А я займусь лично делом *monsieur le Gorille!*

Я наклонился над бесчувственной девушкой и приложил ухо к ее груди. Услышал слабое, но осязаемое сердцебиение и поднял ее на руки.

– Доктор Тробрэйдж! – Миссис Комсток, сопровождаемая толпой испуганных гостей, встретила меня у входной двери. – Что случилось? Боже мой, Миллисент! – Схватив ее вялую руку своей, она разразилась слезами. – О, что случилось? Что с ней?

– Помогите мне уложить Миллисент в постель, потом принесите нюхательную соль и бренди, – приказал я, игнорируя ее вопросы.

Чуть позже, после применения тонизирующих средств и электрических грелок на ногах и спине, девушка показала признаки пробуждения.

– Выходите! Все вы! – приказал я. Истерические женщины, особенно матери пациентов, более чем бесполезны, когда сознание возвращается после глубокого шока.

– О-о, обезьяна! Страшная обезьяна! – вскрикнула Миллисент, по-детски всхлипывая. – Помогите...

– Все в порядке, дорогая, – успокаивал я. – Ты в безопасности, дома в своей постели, со старым доктором Тробрэйджем.

Спустя несколько часов я понял, что ее первое пробуждение было почти идентично воскрешению Пола Мэйта.

– Доктор Тробрэйдж, – прошептала миссис Комсток от двери спальни. – Мы посмотрели всюду, но нет никаких признаков мистера Мэнли. Вы... вы полагаете, что с ним могло что-нибудь случиться?

– Думаю, вполне вероятно, что что-то произошло, – коротко ответил я, отворачиваясь от нее, чтобы погладить руку ее дочери.

⁹ Глупец, дурак (*франц.*).

– *Par le barbe d'un bouc vert!* – воскликнул де Гранден. Растрепанный, но с легким возбуждением в глазах, он встретился со мной в гостиной Комстоков через два часа. – Мадам Комсток, мы вас должны поздравить. Если бы не мой столь смелый коллега доктор Трубридж и не мой собственный ум, ваша очаровательная дочь разделила бы судьбу бедной Сары Хамфрис.

Трубридж, *mon vieux*, я не был откровенен с вами. Я не сказал вам всего. Но это было так невероятно, и казалось невозможным, чтобы вы мне поверили. *Parbleu*, я сам не совсем верю в это, хотя знаю, что это так! Давайте повторим: когда этот *sacré*¹⁰ Бенекендорф был в сумасшедшем доме, он постоянно бредил, и в заточении задумывал месть – месть, которую он так долго планировал против мадам Корнелии Комсток из Америки.

Мы, французы, логичны, – не так, как вы, англичане и американцы. Мы записываем и сохраняем для справки даже то, что говорит сумасшедший. Почему нет? Может быть, когда-нибудь это будет полезно, кто знает?

Потом, друг мой Трубридж, некоторое время назад я сказал вам, что этот Бенекендорф был замечен в Бельгийском Конго, так? Но я не сказал вам, что он воспитывал молодую гориллу. Нет. Когда эта несчастная мадемуазель Хамфрис была убита так ужасно, я вспомнил свои африканские переживания, и сказал себе: «Ах-ха, Жюль де Гранден, похоже, что *monsieur le Gorille* засунул палец в этот пирог». И после этого я попросил узнать, убежал ли кто-нибудь из цирка или зоопарка поблизости. Все ответы были: нет.

Тогда сержант Костелло привел меня к этому великолепному *savant*, доктору Трубриджу, и вместе с ним я пошел, чтобы расспросить молодого мсье Мейтленда, который столкнулся со многими странностями там, где юная Хамфрис встретила смерть.

И что поведал мне юный Мейтленд? Он рассказал о ком-то, кто имеет волосы, кто прыгает вверх и вниз, как бешеная обезьяна, и действует, как горилла, но носит вечернюю одежду человека, *parbleu!* Есть о чем задуматься. Ни одна горилла не сбежала, но кто-то, выглядящий как горилла – в вечерней одежде джентльмена, *mordieu!* – встречается на поле для гольфа.

Тогда я порыскал в своей памяти. Я вспомнил про сумасшедшего и бедных младенцев, превращенных в полуобезьян с помощью мерзких сывороток.

Я сказал себе: «Если он сможет превратить человекоподобных в обезьян, то почему он не может превратить человекообразных тварей в людей?» *Hein?*

Тогда я обнаружил доктора Калмара, который прожил здесь почти год, и о котором никто ничего не знает. Я ищу, разведываю и узнаю, что одного человека видели в этом тайном месте. Кроме того, в выброшенной рубашке этого человека я обнаруживаю волосы гориллы. *Morbleu!* Я думаю еще немного, – и эти мысли не особенно приятны.

Я рассуждаю: предположим, что эта сыворотка, которая может причинить человеку вред, не имеет постоянного эффекта? Что тогда? Если она не обновляется через определенные промежутки времени, человек снова становится обезьяной. Вы понимаете? *Bien*.

Потом, на днях я узнаю еще кое-что, что заставляет меня вновь думать об этом. Этот Бенекендорф бредит одной мадам Комсток. Вы, мадам, признаете, что вы когда-то знали его. Он любил вас, – по-своему. Теперь он ненавидит вас, как только может ненавидеть. Разве не против вас он планирует эту дьявольскую схему? Я думаю, это вполне возможно.

И поэтому я посылаю каблогранму – не обращая внимания на то, что знает доктор Трубридж, – и получаю ответ, который ожидаю и боюсь. Человек, в чьей рубашке я нахожу эти волосы гориллы, а не мужчины, – он лишь ужасное подобие человека. Так. Теперь я рассуждаю: «Предположим, что эта маскарадная обезьяна не получит свою сыворотку, как ожидалось. Что он будет делать?» Я боюсь ответить на свой вопрос, но я заставляю себя сделать это: *voilà*, я покупаю винтовку.

¹⁰ Чертов (франц.).

У этого оружия есть пули из мягкого свинца, и я делаю их еще более эффективными, разрезая V-образную выемку в каждой из головок. Когда они входят во что-то, они разрываются и наносят благородную смертельную рану.

Сегодня я опасался, но все же ожидал, что это произойдет. Ха, но я готов! Я стреляю, и каждый раз я стреляю своими маленькими пулями. Он бросает свою добычу и ищет единственное убежище, которое знает его маленький мозг обезьяны: дом доктора Калмара. Да.

Я быстро следую за ним и дохожу до дома почти сразу же. Он с ума сходит от боли из-за моих пуль, и в ярости разрывает этого мерзкого Калмара в клочки, как он это сделал с бедной юной Сарой Хамфрис. И я, придя с моим оружием, приканчиваю его еще одним выстрелом. *C'est une affaire finie.*

Но прежде чем возвратиться сюда, я опознаю труп этого доктора Калмара. Кто он? Кто, кроме убежденного сумасшедшего, создателя чудовищ, совершенно отвратительного доктора Отто Бенекендорфа? Прежде чем уйти, я уничтожаю дьявольские сыворотки, с помощью которых он делает из обезьян людей и из людей обезьян. Гораздо лучше, чтобы эта тайна была навсегда потеряна.

Я думаю, что мадемуазель Хамфрис не повезло встретиться с этим человеком-обезьяной, когда он был на пути к доктору Калмару, поскольку его обучили возвращаться. Как человек, возможно, он не знал этого Калмара, или, как мы его знаем, Бенекендорфа. Но как тварь он не знал другого человека, кроме Бенекендорфа – своего хозяина, человека, который привез его из Африки.

Когда он наткнулся на бедную девушку на поле для гольфа, она в ужасе закричала, и его жестокость сразу возросла. Поверьте, горилла гораздо опаснее, чем медведь, лев или тигр. Поэтому она в гневе расправилась с девушкой. Она также попыталась разорвать молодого мсье Мейтленда, но, к счастью для нас, потерпела неудачу, и поэтому мы выслушали историю, направившую нас по его тропе.

Voilà, все кончено. Я потом расскажу все доброму сержанту Костелло и покажу ему тела в доме Калмара. И вернусь в Париж. Министерство здравоохранения будет радо узнать, что Бенекендорфа больше нет.

– Но, господин де Гранден, – спросила миссис Комсток, – тот, кого вы убили, был человеком или обезьяной?

Я затаил дыхание, когда он пристально посмотрел на нее, и с облегчением вздохнул, когда он ответил:

– Не могу сказать, мадам.

– Ну, – спорщицкая натура миссис Комсток снова проявилась, – полагаю, это очень странно...

Его смех был сродни олимпийскому.

– *Вы* полагаете это очень странным, мадам? *Mort d'un rat mort!* Как сказала Балкис о великолепии Соломона, и половина вас ничего о вас не говорит!

– Когда полицейские найдут мсье Мэнли – *mon dieu*, какое имя для обезьяны!¹¹ – они будут озадачены, – сказал он мне, когда мы подошли к моему автомобилю. – Я должен предупредить Костелло о его исчезновении как о никогда не раскрываемом деле. Никто никогда не узнает истинных фактов, кроме вас, меня и Министерства здравоохранения, друг мой Троубридж. Общественность не поверит, даже если мы и расскажем об этом.

¹¹ Manly (англ.) – человеческий.

Арендаторы замка Брусак

1

*Rue des Batailles*¹² оправдывала свое название. С моего столика на узком тротуаре перед *Café de Liberté*¹³ я наблюдал поочередно или даже почти одновременно три отличных поединка: два воробья шумно боролись за пучок соломы; девушка с невероятно короткими и толстыми ногами выливая целый ушат брани на парня с маслянистыми волосами и в грязном черном шелковом кашне вместо воротничка; на обочине бородатый господин, явный любитель *vin ordinaire*¹⁴, отчаянно торговался с небритым водителем такси из-за пяти франков за проезд.

Я затушил сигару в пустой кофейной чашке, жестом показал официанту на оплаченный счет и отодвинул стул, но тут чья-то тень упала из-за моего плеча.

«Теперь принялись и за меня», – пробормотал я, чувствуя, что кто-то избрал и мою персону для наблюдения. Резко обернувшись, я наткнулся на пару голубых глаз, круглых, как у кошки, но глядящих с юмором. Пониже располагались пшеничные нафабранные¹⁵ усики, воинственно ощетилившиеся, прибавлявшие их владельцу еще большее сходство с котом. Под ними – широкая и самая дружелюбная улыбка из всех, встретившихся мне в Париже.

– *Par la barbe d'un bouc vert!* – промолвил мой *accostr*¹⁶. – Если это не мой друг, милейший доктор Трубридж, то я – кузен китайского императора!

– Почему, де Гранден, – воскликнул я, пожимая маленькую жилистую руку, – нам предстояло встретиться так? Я заходил в *École de Médecine*¹⁷ сразу как приехал, но мне сказали, что вы снова погнались за дикими гусями¹⁸, и только Небесам известно, когда вы вернетесь.

Он ущипнул себя за каждый ус и с усмешкой ответил:

– Ну, конечно! Эти тупицы называют мои исследования в области *неточной* науки «охотой на диких гусей». *Pardieu!* Они ничего не видят, кроме своих пробирок и реторт!

– Что же на сей раз? – спросил я, когда мы отправились на прогулку. – Уголовное расследование или экспедиция по отлову призраков?

– *Morbleu!* – фыркнув, ответил он. – Полагаю, и то, и другое. Послушайте, друг мой, вы бывали в провинции Руан?

– Нет, – ответил я. – Это моя первая поездка во Францию, и я здесь всего-то три дня.

– Ах, да, – повернулся он ко мне, – ваше незнание нашей географии прискорбно, но может быть исправлено. У вас уже есть определенная программа?

– Нет. Это мой первый отпуск за десять лет – с тысяча девятьсот пятнадцатого года. И план у меня только один – держаться от медицины как можно дальше.

– Отлично, – одобрил он. – Обещаю вам полную противоположность вашей американской практике: мысли о пациентах, таблетках и рецептах полностью улетучатся из вашей головы, друг мой! Присоединитесь ко мне?

– Гм, посмотрим, – помедлил я. – А над чем вы сейчас работаете?

¹² Улица Сражений (франц.).

¹³ Кафе Свободы (франц.).

¹⁴ Дешевое вино (франц.).

¹⁵ Фабра – косметическая мазь для натирания усов. – Прим. ред.

¹⁶ Здесь: постоялец (франц.).

¹⁷ (Высшая) Медицинская школа (франц.).

¹⁸ «Wild goose chases» (англ.). – букв.: «погоня за дикими гусями» – некое напрасное, пустое предприятие.

Я знал, что осторожность не помешает в разговоре с Жюлем де Гранденом. Профессиональный медик, один из передовых анатомов и физиологов своего поколения, светило медицинского факультета Парижского университета, этот энергичный маленький ученый выбрал криминалистику и оккультные исследования для отдыха от основной работы – и стал известен в этой области, как и в медицинском мире. Во время войны он был знаменитым, хотя и сверхсекретным, членом союзной разведки. После войны он изъездил почти все части света, выполняя специальные задания для Министерства юстиции Франции. Мне надлежало быть осторожным, принимая его приглашение: прежде, чем дело закроется, следы могут завести и в Индию, и в Гренландию, и даже на Огненную Землю...

– *Eh bien*, – рассмеялся он. – Вечно вы осторожничаете, друг мой Трубридж! Никогда не согласитесь, пока не увидите проект и технические требования. Очень хорошо – тогда слушайте.

Недалеко от Руана стоит очень древний *château*¹⁹ семейства де Бруссаков. Некоторые части этого замка были построены еще в одиннадцатом веке, самым последним постройкам не менее двухсот лет. Семейство неуклонно теряло богатство и значимость, а последние два поколения опустилось до сдачи *château* в аренду богатым иностранцам.

Обычная история, *n'est-ce-pas?* Очень хорошо, ждите, сейчас она станет необычной: в течение прошлого года у *château Broussac* было не менее шести арендаторов. Ни один из них не остался в шато более двух месяцев – каждая аренда заканчивалась трагично.

Истории накапливаются, а дома приобретают сомнительную репутацию, подобно людям. Становится все труднее найти арендаторов этого *château*. Мсье Бержере, семейный *avoué*²⁰ де Бруссаков, уполномочил меня найти причину этого. Он желает, чтобы я построил дамбу против наводнения неудач, угрожающих довести до нищеты один из самых старых и захудалых родов Франции.

– Вы сказали, аренды заканчивалась трагедиями? – спросил я скорее для поддержания беседы, чем из интереса.

– Ну да, – отвечал он. – Бывали случаи, похожие на этот.

В прошлом апреле мсье Альварес, богатый аргентинский поставщик рогатого скота, арендовал *château*. Он въехал со своей семьей, слугами и прочим шампанским.

Он прожил там приблизительно шесть недель, пока однажды вечером один из его гостей, изрядно выпивши, не отправился спать и не потерялся. Его не нашли ни следующим утром, ни вечером. Спустя сутки поиск был продолжен, и слуга обнаружил его тело в часовне в самой старой части *château*. *Morbleu*, все доктора Франции не могли бы собрать его! Буквально, друг мой, он был разбросан по алтарю: его конечности валялись отдельно, голова грубо отделена от шеи, каждая косточка напоминала черепки в посудной лавке, пораженной молнией. Он походил на куклу, разодранную на части злым ребенком. *Voilà*, семья Альвареса ретировалась, а семья ван Брандта въехала в замок.

Этот мсье ван Брандт сделал состояние, будучи поставщиком для бошей²¹ во время войны. *Eh bien*, я не пожелал бы ему такого конца, что он имел. Слишком много еды, слишком много вина, слишком мало заботы о здоровье... Однажды ночью он поднялся с кровати и отправился бродить по *château*. Его нашли в месте, где прежде был древний ров: толстое тело стало тонким и почти вдвое длиннее – выжатым, словно тубик с кремом на дамском туалетном столике, раздавленный неуклюжим слугой. Неприятное зрелище, друг мой.

Другие арендаторы тоже все съезжали, как только кто-нибудь из членов семьи или слуг встречал свою ужасную судьбу. Это и Симпсон, англичанин, хромой сын которого упал с зуб-

¹⁹ Замок (франц.).

²⁰ Стряпчий (франц.).

²¹ Боши – презрительное прозвище немцев во Франции. – Прим. ред.

чатых стен на старый внутренний двор, и Биддл, американец, жена которого теперь визжит и несет чушь в сумасшедшем доме, и Мюсе, банкир из Монреаля, который однажды ночью проснулся в своем кресле, чтобы увидеть, как Смерть смотрит ему в глаза.

Теперь в Бруссаке проживает мсье Люк Биксби из Оклахомы с женой и дочерью, и я ожидаю неприятных известий от них.

Вы отправитесь со мной? Вы сможете избавить от опасности вашего земляка?

– О, полагаю, да, – согласился я.

Эта область Франции была мне столь же интересна, как любая другая, а де Гранден никогда не был скучным компаньоном.

– Ах, хорошо! – воскликнул он, крепко пожимая мне руку. – Вместе, *mon vieux*, мы составим такую команду, что проклятию Бруссаков будет трудно поспорить с ней.

2

На следующий день, когда наш забавный маленький поезд важно допыхтел до Руана, солнце уже опустилось к горизонту. Долгие европейские сумерки превратились в темноту, длинные тени выросли под деревьями в свете нарождающейся луны, и нанятый нами *moteur*²² въехал в парк *château*.

– Добрый вечер, мсье Биксби, – приветствовал де Гранден хозяина, проследовав за слугой в большую прихожую. – Я взял на себя смелость привезти вашего соотечественника, доктора Трубриджа для помощи в моих исследованиях. – Он незаметно подмигнул мне. – Вы были так добры, разрешив осмотреть библиотеку замка!

Биксби, крупный упитанный мужчина с румяным лицом и висячими усами, дружелюбно улыбнулся.

– О, что там, *монсьер*, – ответил он. – Здесь, должно быть, два миллиона книг, а я не могу прочитать ни одну из них. Но я плачу аренду за всё. Таким образом, я рад, что вы или кто-то, владеющий этим малопонятным языком, может попользоваться ими.

– А мадам Биксби и очаровательная мадемуазель, надеюсь, хорошо поживают?

Наш хозяин взволновался.

– Если правду сказать, не очень, – ответил он. – Мы с матерью сочли, что пребывание в одном из старинных зданий здесь во Франции будет целебно для нее, но кажется, это не так, как мы надеялись. Возможно, мы должны попробовать выехать в Швейцарию, говорят, горный воздух там...

Де Гранден нетерпеливо подался вперед.

– Какова природа недомогания мадемуазель? – спросил он. – Доктор Трубридж – один из самых известных врачей вашей Америки, возможно он...

Он выдержал многозначительную паузу.

– Вот как? – просиял Биксби. – Я-то думал, что вы один из докторов философии, которых здесь полно, а вы – настоящий врач! Будьте любезны, осмотрите Адриенну, док, прошу вас! Пойдемте к ней! А тут и ужин поспеет.

Он провел нас по великолепной лестнице из старинного резного дуба, потом по коридору, облицованному бесподобными деревянными панелями, и тихо постучал в мореную дверь под высокой аркой.

– Адриенна, дорогая, – неуклюже-нежно позвал он хриплым голосом, – здесь доктор, американский доктор, милая, он хочет осмотреть тебя. Тыпустишь нас?

– Да, – раздалось из-за дверей, и мы вошли в спальню, огромную, как казарма, обставленную старинными предметами, достойными любого музея.

Светловолосая, синеглазая, худая – на грани истощения, – с впалыми щеками, дочь Биксби лежала на большой резной кровати, обложенная кружевными подушками. Белизна ее тонкой шеи едва отличалась от белизны ее шелковой ночной рубашки.

Отец неуклюже вышел на цыпочках из комнаты, и я начал обследование: нащупал пульс и максимально точно определил температуру без термометра. Хотя девушка казалась изнеможенной от усталости, не было никаких доказательств функциональной или органической нестабильности ни в одном из ее органов.

– Гм, – пробормотал я, напустив на себя весьма профессиональный вид, – и давно вы болеете, мисс Биксби?

Девушка залилась слезами.

²² Здесь: автомобиль (*франц.*).

– Я не больна, – горячо отрицала она, – я не... О, почему вы не уйдете и не оставите меня в покое? Я не знаю, что со мной. Я... я просто хочу быть одна!

Она спрятала лицо в подушку, ее худые плечи тряслись от рыданий.

– Друг мой Трубридж, – прошептал де Гранден, – назначим, я думаю, укрепляющее – что-нибудь простое, типа стакана хереса перед едой. Тем временем, давайте пойдём – нас ждет превосходный ужин.

Мы возвратились. Большого мы не могли сделать. Я знал, что его совет справедлив: умение врача бессильно перед желанием молодой женщины оставаться несчастной.

3

– Нашли что-нибудь серьезное, док? – спросил Биксби, когда мы с де Гранденом уселись в обшитой панелями столовой *château*.

– Нет, – успокоил его я. – Она кажется немного уставшей... но нет, конечно, ничего такого, что не может быть исправлено легким укрепляющим, зарядкой и хорошим отдыхом.

– О! – он облегченно кивнул. – А я в последнее время немного волнуюсь.

Вы знаете, мы не всегда были богаты. Еще пару лет назад были бедны как церковные мыши – на бедной земле, к тому же. Но внезапно везде вокруг наших мест обнаружилась нефть. Мать донимала меня – и я начал бурение. Вскоре мы обнаружили фонтанирующую скважину.

Адриенна преподавала в школе, пока мы не разбогатели. А вскоре они с молодым адвокатом Рэем Кифером решили обручиться.

Рэй – хороший, честный парень. Имел прекрасную практику в районе Бартлсвиля, создал собственную фирму за границей во время войны и теперь, скорее всего, будет избираться в законодательное собрание. Но когда наши доходы возросли до трехсот долларов в неделю, мать сказала, что он – не очень подходящая партия для нашей дочери.

Споры матери с Адриенной были бурными и тяжелыми, я старался оставаться нейтральным, насколько это возможно. Мать настаивала на отсрочке свадьбы, Адриенна хотела поскорее выйти замуж. В результате они пришли к компромиссу: Рэй остается дома и работает, а мы на год уезжаем в Европу, посмотреть мир. «Путешествие охолонит ее», – сказала мать.

Адриенна получала письма от Рэя на каждой остановке и сразу же отправляла ответы, пока мы не приехали сюда. Сейчас, кажется, ее не волнует ни Рэй, ни что другое. Она не отвечает на его письма, иногда даже не утруждает себя открыть их и ходит, как лунатик. Мы беспокоимся... Вы уверены, что это не чахотка или что-то в этом роде, док?

– Не волнуйтесь, мсье, – ответил за меня де Гранден. – Мы с доктором Трубриджем позаботимся о молодой особе. Будьте уверены, мы вылечим ее. Мы...

Два выстрела, друг за другом, раздались снаружи, прервав его речь. Мы помчались к выходу и встретили в коридоре тяжело дышащего егеря.

– *Le serpent, le serpent!* – кричал он, подбегая к Биксби. – *Ohé, monsieur, un serpent monstrueux, dans le jardin!*²³

– Что вы сказали, змея в саду? Где? Большая? – выпытывал у него де Гранден.

Парень растопырил руки во всю ширину, даже вытянул пальцы для увеличения пространства.

– Большая, огромная змея, мсье, – задыхался он. – Больше, чем боа-констриктор в Парижском зверинце – десять метров, как минимум!

– *Pardieu*, змея в тридцать футов? – недоверчиво выдохнул де Гранден. – Ну, *mon enfant*, пойдете, покажите нам место, где вы видели это зоологическое чудовище.

– Здесь, она была здесь – я видел ее собственными глазами, – взволнованно говорил тот, указывая на маленькую рощу вечнозеленых растений близ стены *château*. – Смотрите, мои выстрелы срубили кустарники, – он махнул рукой в сторону нескольких сломанных картечью сучьев на кустах.

– Здесь? *Mon Dieu!* – пробормотал де Гранден.

– Ха! – Биксби сунул себе в рот знатную щепотку жевательного табака. – Если ты не перестанешь употреблять деревенского бренди, то скоро увидишь и розовых слонов на насесте. Тридцатифутовая змея! В этой стране? Да эдакие не вырастают и у нас в Оклахоме! Пойдемте,

²³ Змея, змея!.. Эй, мсье, чудовищная змея в саду! (франц.)

господа, укладываться в постели! Змея этого парня вышла не из дыры в стене, а из горлышка его бутылки!

4

Госпожа Биксби, приятная женщина с тусклыми глазами и крашеными волосами, отпустила нам минимум своей любезности за завтраком на следующее утро. Врач из Америки, очевидно, не имевший модной практики у себя дома, и малорослый иностранец со страстью к старым книгам, не представляли ценности в ее мире, где все имело свою стоимость. Биксби была молчалива с незнакомцами при смущенном безмолвии подкаблучника-мужа, и мы с де Гранденом, не предприняв попытки наладить застольную беседу, после завтрака незамедлительно ретировались в библиотеку.

Моя работа состояла, по большей части, в вытаскивании с высоких полок древних томов в потертых переплетах и укладывании их на столе перед моим коллегой. После одной или двух попыток прочитать их, я оставил это: написанные на старофранцузском либо на церковной латыни, они были так же непонятны мне, как и индейцу из племени чокто.

Маленький француз, однако, набросился на разваливающиеся тома как гурман на трапезу, делая пространные замечания, неистово кивая, если что-то в книгах подтверждало его теории, и одобрительно бормоча свои «*Morbleu!*» или «*Pardieu!*».

– Друг мой Трубридж, – он поднял глаза от пыльного тома и уставился на меня немигающими глазами, – не время ли вам осмотреть нашу красавицу-пациентку? Пойдите к ней, друг мой, и, с ее согласия или несогласия, приложите стетоскоп к ее груди, а в это время, *осмотрите ее тело на предмет синяков*.

– Синяков? – эхом отозвался я.

– Точно, точно, именно так! – ответил он. – Синяков, сказал я. Имеет это значение, или не имеет, но если они существуют, я желаю знать о них. У меня есть гипотеза.

– Что ж, хорошо, – согласился я и пошел за своим стетоскопом.

Я едва ожидал найти Адриенну Биксби в постели, хотя она и не была за завтраком, – ведь сейчас уже около полудня. Я постучался в дверь.

– Ш-ш-ш, мсье *le docteur*²⁴, – прошептала горничная в ответ на мой стук. – Мадемуазель все еще спит. Она ослаблена, бедняжка.

– Кто там, Роксанна? – раздался сонный ворчливый голос Адриенны. – Велите всем уходить.

Я вставил ногу в дверь и мягко сказал горничной:

– Мадемуазель больна тяжелее, чем думает. Необходимо, чтобы я произвел осмотр.

– О, доброе утро, доктор, – промолвила девушка, когда я протиснулся мимо горничной и приблизился к кровати. Ее глаза беспокойно расширились, увидев стетоскоп в моей руке. – Что случилось? Со мной что-то серьезное? – спросила она. – Сердце? Легкие?

– Мы еще не знаем, – уклончиво ответил я. – Очень часто признаки, казавшиеся незначительными, становятся весьма важными; наоборот, серьезные поначалу симптомы иногда ничего не значат. А теперь просто откиньтесь назад, я быстро закончу с этим.

Я приложил инструмент к ее худой груди и, слушая ускоренное биение ее здорового молодого сердца, быстро оглядел ее тело от линии ребер до воротника ночной рубашки.

– О, о, доктор, что такое? – тревожно вскрикнула девушка, поскольку я отшатнулся так резко, что один из заушников выпал из моего уха. Над ребрами вокруг всего тела молодой девушки извивалась *мертвенно-бледная спиралевидная отметина* – словно тело перетягивали тяжелой веревкой.

– Как вы получили эти синяки? – спросил я, укладывая стетоскоп в карман.

Краска бросилась к ее щекам и шее, но глаза были честны, и она ответила просто:

²⁴ Доктор (франц.).

– Я не знаю, доктор. Это – что-то необъяснимое. Когда мы приехали сюда в Бруссак, я была такая же, как всегда; но спустя три недели, по утрам я чувствую себя словно выжатый лимон. Я рано ложусь спать, и сплю долго днем, но никак не могу полностью выспаться. На моем теле начали появляться эти синяки. Сначала они показались на запястье и выше локтя, потом появились вокруг талии и на плечах. И каждое утро я вижу, что они увеличиваются. Потом... потом... – она отвернулась, и слезы хлынули из ее глаз. – Мне стало неинтересно то, что раньше радовало... О, доктор, лучше умереть! Я не вижу смысла, я...

– Ну-ну, – успокаивал ее я. – Я понимаю вас, понимаю, что вы утратили интерес к жизни. Но все восстановится, когда вы вернетесь в Оклахому, дитя мое.

– О, доктор, мы действительно возвращаемся? Я вчера спросила мать, и она ответила, что папа арендовал это место на год, и мы должны остаться здесь до окончания срока аренды. Вы полагаете, она передумала?

– Ну, мм... в общем... – замаялся я, – быть может, вы не сразу покинете Бруссак, но вспомните поговорку о Магомете и горе. Предположим, что если ввезти чуть-чуть Оклахомы во Францию?

– Нет! – Она энергично покачала головой, и ее глаза вновь наполнились слезами. – Я не хочу, чтобы Рэй приезжал сюда. Это злое место, доктор. Оно заставляет людей забыть все, что они когда-то любили и лелеяли. Если он приедет сюда, то сразу забудет меня...

И она залилась слезами.

– Ну-ну, ладно, – успокаивал я ее, – посмотрим, не прислушается ли ваша матушка к медицинскому совету.

– Мать не слушает ничьих советов...

Она продолжала рыдать, а я тихо затворил дверь и поспешил к де Грандену рассказать об этом.

5

– *Cordieu!* – взволнованно воскликнул де Гранден, выслушав мой отчет. – Синяки? Синяки на этом белом теле, а до этого на руках? *Nom d'un nom!* Друг мой, интрига разворачивается! Что вы об этом думаете?

– М-мм... – я вспоминал давно забытые статьи из «Медикал таймз». – Я читал о стигматах, появляющихся на телах пациентов. Их обычно связывают с изнуряющей болезнью и определенным настроением, экстазом религиозного пыла, или...

– *Ah, bah!* – прервал он меня. – Друг мой Труубридж, вы не измерите меркой ветер, и не взвесите весами мысль! Мы столкнулись с чем-то необъяснимым, а не с клиническим случаем, если я не ошибаюсь.

– Что вы имеете в виду?.. – начал было я, но он отвернулся и нервно пожал плечами.

– Ничего я пока не имею в виду, – ответил он. – Мудрый судья не принимает решения, пока не выслушает все доводы.

И он уткнулся в раскрытый перед ним том, записывая что-то на листке бумаги.

Госпожа Биксби не присоединилась к нам за ужином, и потому застольная беседа состоялась. Кофе был подан в небольшом коридоре, соединяющем широкую прихожую с библиотекой. Разогретый славной едой, тремя сортами вина и несколькими рюмками *liqueur*²⁵, наш хозяин расцвел как цветок под солнцем.

– Говорят, Джоанну из Арка сожгли в Рване, – начал он, срезав кончик сигары и водрузив ногу на подлокотник кресла. – Странный способ обойтись с девушкой, так много сделавшей для них. Гид нам сказал, что с тех пор она стала святой или как-то так.

– Да, – лениво согласился я, – сжегши ее тело и проклявши ее душу, церковные власти позже пришли к выводу, что душа бедного ребенка была осуждена несправедливо. Чувство справедливости не было присуще суду в Руане.

Де Гранден насмешливо взирал на меня и только, как котяра, подергивал свои напояженные усы.

– Не разбрасывайте камни, друг мой, – предостерег он. – Почти пятьсот лет прошло с тех пор, как Орлеанскую Деву сожгли как еретичку. Ваши американские суды судят ваших университетских преподавателей за ересь менее серьезную, чем у Жанны. А кости distinguished Томаса Джефферсона и Бенджамина Франклина до сих пор выкапываются и сжигаются вашими преследователями еретиков. Нет, нет, друг мой, мы сегодня не глумимся над сожженными когда-то останками вероотступников. Тело Торквемады покоится в могиле много лет, но дух его жив! *Mon Dieu!* Что я сказал? «Дух его жив!» *Sacré nom d'une souris!* Это может быть ответом!

Он подскочил как на пружине и стремглав бросился в библиотеку. Я последовал за ним.

– В чем дело, де Гранден?

– *Non, non*, уходите, гуляйте, катитесь к черту! – закричал он, дико осматриваясь в поиске нужного тома. – Вы досаждают мне, вы раздражаете меня, вы беспокоите меня! Я должен остаться один! Убирайтесь!

Озадаченный и возмущенный его дикостью, я повернулся к дверям, но он тронул меня за плечо:

– Друг мой Труубридж, пожалуйста, поговорите с поваром мсье Биксби – и возьмите у него куль муки. Принесите его мне не позже чем через час, пожалуйста.

²⁵ Ликер (франц.).

6

– Простите мою грубость, друг мой Трuebas, – извинился он, встретив меня с мешком муки из кладовки Биксби в библиотеке через час. – У меня была мысль, требующая всей концентрации моего ума, и любая помеха – даже в лице моего доброго друга – отвлекла бы мое внимание. Я сожалею и стыжусь, что такого наговорил.

– О, не берите в голову, – отвечал я. – Вы нашли то, что искали?

Он утвердительно кивнул.

– *Mais oui*, и даже больше. А сейчас давайте работать. Сначала отправимся в сад, где вчера вечером егеря увидел змею.

– Но, скорее всего, он не видел никакой змеи, – возразил я, когда мы покинули библиотеку. – Мы все пришли к выводу, что парень был пьян.

– Конечно, точно, безусловно, – подтвердил де Гранден, энергично кивая. – Несомненно, он выпил бренди. Вы случайно, не вспомнили мудрую старую латинскую поговорку: *In vino veritas*?²⁶

– Правда в вине? – перевел я приблизительно. – Как можно доверять пьяному, увидевшему тридцатифутовую змею во французском саду? Если мы отлично знаем, что это невозможно?

– О-ла-ла, – хихикнул он, – как вы прямолинейны, *cher ami*. Вот здесь он указал, что мсье *le serpent* явился, так ведь? Смотрите, вот на кустах следы от выстрелов.

Он наклонился, развел ветки кустарника и приблизился к стене замка.

– Смотрите-ка, – прошептал он. – Между этими камнями цемент осыпался, и проход для шестидесятифутовой змеи вполне возможен. Так?

– Вполне возможно, – согласился я. – Сюда легко пролезет и большой атлантический морской змей. Но вы не станете утверждать, что он пользуется этим путем?

Он глубокомысленно постучал указательным пальцем по зубам, не обращая внимания на мой сарказм.

– Пойдемте туда, – предложил он, вставая и отряхивая листву с коленей.

Мы возвратились в дом, и я последовал за де Гранденом по многочисленным извилистым коридорам, обитые двери которых он открывал связкой бречащих железных ключей, полученных от дворцового Биксби.

– А здесь часовня, – сказал он, завершая получасовую прогулку, приведшую нас к последней, подернутой временем двери. – Тут они и нашли незадачливого мсье Альвареса. Мрачное место для смерти, это точно.

Да, это было так. Небольшая крипта²⁷ без окон и, вероятно, без вентиляции. Сводчатый потолок укреплялся рядом правильных арок, вырастающих из пола и завершающихся каменными блоками в виде отвратительных голов драконов и грифонов. Небольшой алтарь возвышался напротив дальней стены с серебряным распятием, очерненным временем и съедаемым коррозией. По бокам, ряд за рядом располагались склепы с гробами семейства де Бруссак: их венчали мраморные плиты с обозначением имени и титула каждого жильца. Паутистый покров, подобно ткани, тянувшийся с потолка до самого пола, придавал полупризрачному мрачному аромату старинного ладана, разносившегося в помещении, особую остроту.

Мой компаньон поставил мерцающий свечной фонарь на пол около дверного проема и раскрыл пакет муки.

²⁶ Истина в вине (лат.).

²⁷ Сводчатое полуподземное помещение, «нижняя церковь», служит для захоронения. – Прим. ред.

– Внимание, друг мой Трoубридж, – делайте, как я, – приказал он, опуская руку в пакет и разбрасывая белый порошок по полу часовни. – Отступайте к двери и ни в коем случае не оставляйте следов. У нас должна остаться чистая страница для доказательств.

С любопытством, но охотно, я помог ему рассыпать пакет муки по полу часовни от алтаря до дверного проема, и затем обратился с вопросом:

– Что вы ожидаете найти на этой муке, де Гранден? Конечно же, не следы. Невозможно представить, что кто-то придет в это ужасное место.

Он с серьезностью кивнул, поднял фонарь и пакет с остатками муки.

– Отчасти так, друг мой, но отчасти и не так. Может прийти, кто должен, – а может прийти, кто хочет. Завтра, надеюсь, мы узнаем больше, чем сегодня.

7

Следующим утром я еще не довершил моего туалета, а де Гранден уже ворвался в мою спальню – с ошестинившимися по-кошачьи усами и с взбудораженными круглыми глазами.

– Ну, *mon vieux*, – он тащил меня за руку как возбужденный терьер своего хозяина, предлагая ему поиграть. – Пойдемте же скорее, немедленно!

Мы поспешили через современное крыло *château*, миновали двери, блокирующие коридоры зданий пятнадцатого столетия, и прибыли, наконец, в часовню одиннадцатого столетия. Де Гранден остановился перед обитой железом дверью, подобно балаганщику, открывающему занавес перед представлением, зажег свечу в своем фонаре – и я услышал взволнованное кланцание его зубов.

– Узрите же, *mon ami*, – провозгласил он хриплым шепотом, более выразительным, чем вскрик. – Узрите письма, оставленные на белой странице, нами заготовленной!

Я посмотрел через арочный дверной проем, и потом удивленно обернулся к нему.

От входа в часовню до алтаря по центру виднелись следы маленьких босых ног. Не надо быть следопытом, чтобы прочитать их. Кто-то прошел в крипту и остановился приблизительно в пятнадцати футах от алтаря, затем обернулся по кругу не больше, чем два фута в диаметре – следы смешивались друг с другом.

Другой же след на муке был менее понятен. Он начинался в конце первого следа и был примерно три или четыре фута в ширину, зигзагообразным – словно кто-то вусмерть пьяный неуверенно катил колесо. Но рядом не было никаких следов. Нечто, видимо, двигалось само по себе.

– Посмотрите, – прошептал де Гранден, – следы на муке идут от двери. – Он указал на цепочку следов с отчетливыми пятками и пальцами ног, теряющимися в современной части *château*. – И вот здесь, смотрите, – он увлек меня к стене часовни, где начинался другой, непонятный след. – Он ведет также наружу.

Проследив за его пальцем, я увидел то, что не заметил прежде: дыру в стене часовни приблизительно в пять дюймов шириной, образовавшуюся в результате обрушившегося цемента и упавших кирпичей. Перед стеной осталась кучка муки – словно кто-то, обсыпанный мукой, пролезал через щель.

Я тупо уставился на де Грандена и спросил в замешательстве:

– Что-то это за след?

– *Ah, bah!* – эмоционально воскликнул он. – Слепец тот, кто закрывает глаза, друг мой! Вы никогда в детстве не наткнулись на змеиный след на пыльной дороге?

– Змеиный след? Как он мог оказаться здесь? – мой разум не мог соотнестись с тем, что видели мои глаза.

– Егерь *думал*, что видел змею в саду *точно рядом с этой часовней*, – шепотом ответил де Гранден. – Так оно и было: пьяный егерь заметил что-то похожее на туловище змеи, в том месте, где было найдено растерзанное и обезображенное тело мийнхира ван Брандта. Скажите, друг мой Тробриндж – если вы помните зоологию, – какое существо, кроме змеи-констриктора, убивает свою добычу расчленением всех костей, оставляя только бесформенную мякоть? *Hein?*

– Но... но... – начал было я, но он прервал меня.

– Идите к нашей пациентке, – скомандовал он. – Если она спит, не будите, но *осмотрите ковер на ее полу!*

Я поспешил в комнату Адриенны Биксби, бесцеремонно отодвинув горничную Роксанну, и потихоньку подошел к кровати девушки. Она в беспробудном сне лежала на боку, прижавшись щекой к подушке. Я на минутку склонился над нею, прислушался к ровному дыханию,

кивнул горничной, обернулся и тихо вышел из комнаты, осмотрев роскошный темно-красный ковер на полу.

Пять минут спустя я встретился с маленьким французом в библиотеке, взволнованный, как и он.

– Де Гранден, – прошептал я, непроизвольно понижая голос, – я осмотрел ковер. На красном бархате явно видны пыльные пятна длиной футов в десять. Белые следы ведут прямо к ее кровати!

8

– *Sacré nom d'un petit bonhomme!*²⁸ – Он притронулся к своей зеленой фетровой шляпе и повернулся к двери. – След становится ясным; теперь, полагаю, даже мой добрый скептический друг Трубридж может следовать по нему. Ну, *cher ami*, давайте посмотрим на то, что сможем увидеть.

Он провел меня через парк *château*, между рядами высоких, дрожащих тополей, к затененному месту, где черные вечнозеленые растения бросают неизменную тень на каменную площадку в половину акра. Кусты роз, давно неухоженные, цвели в зарослях сорняков, заполонивших мрачную территорию пустынного кладбища.

– Что это за место, де Гранден? – спросил я. – Оно так же отличается от остальной части парка...

– Как смерть от жизни, *n'est-ce-pas?*? – прервал меня он. – Именно так! Осмотримся.

Он раздвинул переплетенные заросли ежевики и указал на каменную плиту когда-то белого, а теперь изъеденного временем коричневого шероховатого камня.

– Вы можете прочесть эту надпись? – спросил он.

Письмена, когда-то глубоко врезанные в камень, были почти стерты, но я разобрал:

CI GIT TOUJOURS RAIMOND SEIGNEUR DE BROUSSAC

– Что здесь написано? – спросил он.

– Здесь лежит Раймон, хозяин Бруссака, – ответил я, переводя как мог.

– *Non, non*, – возразил он. – Здесь сказано не «*Ci git*», а «*Ci git toujours*» – здесь лежит навсегда, или всегда. Как вы считаете, мой друг?

– Мертвецы обычно и лежат навеки, – возразил я.

– Вот как? Будто я не слышал, как ваши крестьяне поют:

Тело Джона Брауна лежит трухлявым в могиле,
Но душа его марширует²⁹.

Что касается бедного мсье де Бруссака: был ли он похоронен здесь *toujours*, или, быть может, он поднимется еще раз?

– Я не знаком с французскими идиомами, – защищался я. – Возможно, резчик по камню просто намеревался сказать, что господин де Бруссак спит здесь последним сном.

– *Cher* Трубридж, – медленно и внушительно возразил де Гранден. – Слова для могильного памятника подбираются с должным вниманием. Тот, кто выбрал эпитафию Раймону де Бруссаку, долго думал над словами, и, диктуя, четко донес свою мысль.

Он задумчиво смотрел на старинный камень, повторяя про себя: «и мадам аббатиса говорила: “Змей еси, и...”», – он нетерпеливо встряхнул плечами, словно отбросил от себя какую-то мысль.

– *Eh bien*, здесь мы напрасно тратим время, друг мой, – давайте поставим эксперимент! – И он поспешил в конюшню.

– Пожалуйста, я хотел бы несколько досок, молоток и острые гвозди, – сказал он конюху, приветствовавшему нас у дверей сарая. – Мы с моим другом, весьма ученым *docteur* Трубриджем из Америки хотим проверить одну идею.

²⁸ Присловье, которое можно перевести как: Ёлки-палки! (*франц.*)

²⁹ *John Brown's body* («Тело Джона Брауна») – песня, возникшая в конце XVIII – нач. XIX вв., один из вариантов которой стал гимном северян во время Гражданской войны в США 1861–1865 гг.

Когда слуга принес требуемые материалы, де Гранден распилил доски на две части: одна в восемнадцать дюймов, другая по три фута, и забил в них острые подковные гвозди с промежутками приблизительно в три четверти дюйма. Закончив, он получил нечто, напоминавшее две большие гребенки с большими ручками и зубчатыми наконечниками.

– Теперь, – объявил он, критически осмотрев свою работу, – думаю, мы подготовили маленькую вечеринку с сюрпризом.

Подняв молоток и две коротких доски вместе с «гребенками», он проследовал вперед к тени у стен *château*, – туда, где по утверждению подвыпившего егеря, тот увидел громадную змею. Здесь он приложил две доски под прямым углом к более коротким, сколотил их гвоздями, затем поставил это приспособление на землю перед щелью в часовню, уперев в стену. Любое животное, крупнее земляного червя, пролезая через трещину в стене, должно было бы либо подскочить, либо сползти по остриям гвоздей.

– *Bien*, – прокомментировал он, одобрительно осматривая свою работу, – теперь применим ваш мудрый американский принцип «техники безопасности» на практике.

Мы отправились обычным нашим путем к мрачной старинной часовне, и он втиснул доски, усеянные гвоздями, в косяк с внутренней стороны дверного проема.

– А теперь, – объявил он, когда мы возвратились в жилую часть дома, – перед обедом у меня появился великолепный аппетит, а потом, когда время придет, наступит и желание сна.

– Что означают все эти детские игрушки, де Гранден? – спросил я: любопытство взяло вверх.

Он шаловливо мигнул вместо ответа, насвистел кусочек мелодии, затем произнес не к месту:

– Если у вас есть желание сыграть на деньги, *cher ami*, тогда я держу пари на пять франков, что здоровье нашей милой пациентки улучшится завтра утром.

9

Он выиграл пари. На следующий день, впервые, с тех пор как мы прибыли в Брусак, Адриенна Биксби появилась за завтраком, и здоровый цвет на щеках и яркое сверканье прекрасных глаз говорило о долгом безмятежном сне.

Прошло два дня, и все увидели улучшение в ее настроении и здоровье. Фиолетовые круги под глазами сменились свежим розовым цветом, ее смех журчаньем ручейка раздавался под мрачными сводами *château*.

– Я признателен вам, док, – похвалил меня Биксби, – вы привели мою маленькую девочку в чувство. Назовите свою цену, и я оплачу счет от всего сердца – так, как никогда еще не платил!

– ...Доктор Труэбридж, – обратились ко мне Адриенна однажды утром, перед тем как я собирался присоединиться к де Грандену в библиотеке. – Помните, вы говорили на днях об импорте кусочка Оклахомы во Францию? Так вот, я только что получила письмо – самое дорогое письмо – от Рэя. Он приезжает через... он будет здесь послезавтра! Думаю, независимо от мнения матери, мы поженимся сразу же. Я достаточно долго была дочерью госпожи Биксби – теперь я собираюсь быть женой господина Кифера. Если мать заставит папу отказать нам в деньгах, это ничего не изменит. До того, как отец разбогател, я преподавала в школе, и я знаю, каково быть женой бедного человека. Я хочу быть с мужчиной – моим мужчиной! и ни с кем больше! – и никто – *ни один человек* – не сможет удержать меня ни на день!

– Отлично! – приветствовал я ее бунтарство.

Еще не зная молодого Кифера, я был уверен: он именно тот, кто станет врагом жены Биксби.

Но следующим утром Адриенны за завтраком не было, и удрученное выражение на лице ее отца больше говорило о разочаровании мною, чем произнесенные им слова.

– Кажется, с девочкой снова неудача, док, – пробормотал он, отводя глаза. Его жена смотрела на меня, сурово сдвинув брови, и хоть и не сказала ни слова, я чувствовал, что она считает меня самым никудышным докторишкой.

– *Mais non, monsieur le docteur*³⁰, – возразила Роксанна в ответ на мое вторжение в спальню Адриенны, – вы не должны будить ее. Бедный ягненок спит, она утомлена и должна поспать. Я, Роксанна, говорю вам это!

Несмотря на это, я мягко растормошил Адриенну, пробуждая от сна, казавшегося скорее оцепенением, чем дремотой.

– Ну-ну, моя дорогая, – выговаривал я, – вы не будете спать, давайте бодрствовать! Вы же не хотите, чтобы Рэй нашел вас в таком состоянии, да? Помните, он приедет в Брусак завтра.

– Он? – отвечала она безразлично. – Ну и что... доктор, я... так... устала... – И на последнем слове она заснула.

Я отодвинул одеяло и раскрыл ее одежды. На теле обнаружили свежие синяки от ремней, более широкие и четкие, чем во время первого обследования.

– Пусть я умру! – вскричал де Гранден, выслушав в библиотеке мой отчет. – Этот *sacré*³¹ атакует снова? О, это уже слишком! Пойдемте, посмотрим, что еще обнаружится в этот проклятый день!

³⁰ Но нет, господин доктор! (*франц.*)

³¹ Здесь: черт (*франц.*).

Он схватил меня за руку и повел, вернее, потянул наружу. Мы остановились в зарослях вечнозеленых насаждений, там, где у стены *château* он установил свои доски с гвоздями.

В его сооружении образовалась щель приблизительно в десять футов шириной. Торчащие гвозди в утреннем солнечном свете напомнили мне злобную ухмылку голого черепа.

– Но как это могло случиться? – спросил я.

Он молча указал на мокрую землю, где росли карликовые кедры, и в волнении и гневе всплеснул руками: на мягком суглинке отпечатались следы двух маленьких босых ног.

– Что это значит? – раздраженно спросил я, но получил не менее загадочную информацию, чем всегда.

– Вступаем в бой, друг мой, – сказал он сквозь зубы. – Сегодня развлекайтесь, чем хотите, или можете. Я уезжаю в Руан сейчас же, немедленно! Имеется еще одно оружие для этой борьбы, помимо тех, что мы имеем. О, это будет борьба не на жизнь, а на смерть! Да, *par la croix*³², и мы поможем Смерти вернуться восвояси! *Pardieu!* Или я не Жюль де Гранден! Я изуродую этого охотника на женщин! *Morbleu*, мы еще посмотрим!

С этими словами он оставил меня и бросился к служебным постройкам искать автомобиль. Его пшеничные усики яростно ощетинились, его голубые глаза полыхали, французские ругательства лились из него, словно из садового разбрызгивателя.

³² Через крест (франц.).

10

Стемнело, прежде чем он вернулся. Его зеленая шляпа была залихватски сдвинута набок к правому уху; длинный пакет в оберточной бумаге красовался под его локтем.

– *Eh bien*, – обратился он ко мне, загадочно улыбаясь, – потребовалось много аргументов, чтобы добыть это. Старый священник оказался упрямым и неверующим, почти таким же скептическим, как вы, друг мой Тробрэйдж!

– И что же там? – спросил я, с любопытством взирая на сверток. Если бы не длина, его можно было бы принять за зонтик.

Он загадочно подмигнул мне, и мы проследовали в комнату. Там, оглядевшись, словно за ним следили, де Гранден положил сверток на кровать и начал вскрывать обертку перочинным ножом. Разрез последнего слоя бумаги обнажил меч – оружие, какого я не видел и в музее. Лезвие его, сужающееся к наконечнику около четырех с половиной дюймов, имело в длину приблизительно три с половиной фута. В отличие от обычного оружия, оно было обоюдоострым, а вместо обычной канавки по центру тянулся хребет, выступая под тупым углом. Полированная рукоятка, сделанная из слоновой или какой-либо другой кости, оказалась достаточно длинной для двуручного хвата и раздваивалась у лезвия под прямым углом; на двух концах ее красовались грубо вырезанные херувимы. По лезвию шла гравировка различных ангелов, демонов, а также воителей мифических чудовищ, грифонов и драконов. Между грубыми изображениями я разобрал буквы девиза: «*Dei Gratia*» – «Милостью Божией».

– Ну? – спросил я с любопытством, рассмотрев древнее оружие.

– Ну? – повторил он насмешливо, и потом сказал:

– Если бы вы, друг мой Тробрэйдж, имели столько же благословений на челе, сколько имеется на этом куске металла, вы были бы святым. Этот меч когда-то был подвязан к бедру святого – не важно, кто он был, – в те времена, когда Франция более всего нуждалась в лидере, святом или ком-то еще, кого она могла позвать. В течение многих веков меч отдыхал в древнем соборе в Руане – не как реликт, но как святыня, не менее уважаемая. Я попросил *cure*³³ позаимствовать его на день или чуть больше – и думал, что его хватит удар, но... – он удовлетворенно ущипнул себя за крошечные усики, – я обладал таким даром убеждения, что вы можете лицеизреть перед собой сей меч.

– Но что, Бога ради, вы сможете сделать с его помощью? – воскликнул я.

– Многое, быть может! – отвечал он, поднимая обеими руками оружие, весившее, по крайней мере, фунтов двадцать, и взвешивая его в обеих руках, словно дровосек – свой топор, прежде чем атаковать бревно.

– *Nom d'un bouc!* – он взглянул на наручные часы и положил меч на свою кровать. – Я забылся. Бегите, друг мой, в спальню мадемуазель Адриенны и предостерегите ее! Предложите запереть окна – ведь мы не можем сказать, что там творится снаружи и что может подняться на стену этой ночью. И скажите этой тупоголовой горничной, что она должна запереть дверь изнутри, и если ее хозяйка поднимется ночью и захочет выйти, она не должна разрешать ей этого. Вы поняли?

– Да, но к чему всё это, – отвечал я, – и зачем?

– *Non, non!* – завопил он. – Не время для слов, друг мой! Я хочу, чтобы вы действовали так, как я сказал! Прошу вас, поспешите! Уверю вас, это очень важно!

Я сделал так, как он просил, и испытал намного меньше затруднений по поводу закрытия окон, чем предполагал: Адриенна была уже погружена в глубокий сон, а Роксанна обладала врожденной ненавистью французских крестьян к свежему воздуху.

³³ Кюре (франц.).

– Отлично, очень хорошо! – возрадовался де Гранден, когда я присоединился к нему. – Теперь мы будем ожидать второй половины ночи – и тогда, о, возможно, – я покажу вам кое-что такое, что вы будете вспоминать еще пару лет, друг мой Тробрэдж.

Он вышагивал как зверь в клетке в течение четверти часа, куря одну сигарету за другой, и потом воскликнул: «Пора! *Aller au feu!*³⁴», поднял гигантский меч и прислонил его к плечу, словно солдат винтовку.

Мы спустились по коридору к лестнице – и тут он резко повернулся ко мне, едва не пронзив лезвием меча, возвышающимся на два фута над его плечом.

– Еще одно дело, друг мой Тробрэдж! – повелел он. – Давайте посмотрим, что там с мадемуазель Адриенной. *Eh bien*, разве не несем мы цвета ее знамени в сражение этой ночью?

– Не дурите! – настиг нас хриплый женский голос у двери спальни Адриенны. – Я против всего, что против меня. Завтра же упаковывайте свою одежду и все, что у вас там есть, и покиньте этот дом!

– О, в чем дело? – воскликнул де Гранден, дойдя до спальни и узрев горько плачущую Роксанну и возвышающуюся над ней госпожу Биксби, подобно кохинской курице, пугающей полуголодного воробья.

– Я скажу вам, в чем дело! – злобно ответила хозяйка дома. – Я пришла пожелать спокойной ночи моей дочери несколько минут тому назад, и что же – черт побери! – двери для меня закрыты! Я увидела горничную, велела открыть двери и убираться. Вошедши в комнату, я обнаружила все окна запертыми – при такой-то погоде! А она всё висит на дверях, отказываясь подчиниться! Она покинет этот дом завтра ранним утром, это точно!

– О, мсье Трору... брэдж... мсье де Гранден, – рыдала дрожащая девушка. – Я только повиновалась вашим приказам, а... а она... освободила меня от моих обязанностей... О, я так виновата!

Маленькие зубы де Грандена щелкнули как миниатюрная стальная ловушка.

– И вы вынудили девушку открыть двери? – спросил он, якобы с недоверием, но пристально глядя на госпожу Биксби.

– Конечно, я сделала это, – возмущенно ответила она. – И я хотела бы знать, что у вас за дела с ней. И я...

Он отпрянул от нее и бросился в спальню как сумасшедший.

Мы заглянули через него на кровать. Она пустовала. Адриенны Биксби не было.

– Почему?... как?... где она может быть? – воскликнула госпожа Биксби, растеряв все свое властолюбие.

– Я скажу тебе, где она! – вскричал де Гранден с побелевшими губами. – Она – там, куда ты послала ее, ты, назойливая старая невежда, ты, ты... *o, mon Dieu...* если бы ты была человеком, тогда я смог бы остановить твое сердце!

– Что вы себе... – начала она в гневном замешательстве, но он прервал ее воплем:

– Заткнись, ты! В своей комнате, глупая, преступно глупая, умоляй *le bon Dieu* на своих голых коленях, чтобы свинское невежество матери не стоило жизни дочери этой ночью! Ну, Тробрэдж, друг мой, уходим; дыхание этой женщины – смрад, и мы должны поспешить, если хотим уничтожить ее дурость. Молите Господа, чтобы мы не опоздали!

Мы помчались вниз, пересекли коридоры, уходящие к старому крылу замка, углубились вниз на уровень древнего рва, пока не предстали перед входом в крипту.

³⁴ В атаку! (франц.)

– Ах, – едва дышал де Гранден, опустив свой меч и отирая пот со лба тыльной стороной руки, – ни звука, друг мой Трубридж. Что бы ни случилось, что бы вы не увидели, не кричите; мы убьем ее, если разбудим!

Подняв руку, он начертил мечом крест, бормоча невнятно «*in nomine*»³⁵. Я с некоторым изумлением наблюдал за циничным, насмешливым маленьким ученым, вдруг утратившим свой агностицизм и возвратившимся к простому акту детской веры.

Взяв меч в обе руки, он толкнул дверь часовни ногой, шепнув мне:

– Держите высоко фонарь, друг мой Трубридж; в нашем деле мы нуждаемся в свете.

Луч от моего фонаря проник в темную сводчатую часовню – но я его едва не выронил, увидев то, что увидел.

Стоявшая перед древним полуразрушенным алтарем, обнаженная, мерцающая белым телом, прекрасная, словно изящная мраморная статуя под солнцем – это была Адриенна Биксби.

Ее длинные струящиеся волосы, напоминающие мне расплавленное в тигле золото, стекали по плечам к талии. Одна рука поднята властно, а другая ласкала нечто колеблющееся и извивающееся перед ней. Губы, раздвинутые в улыбке, обнажали сверкающие зубы, как у волшебницы Цирцеи, увлекающей терпящих крушение моряков. Она напевала медленную чувственную мелодию – из тех, что я никогда не слышал и не пожелал бы услышать снова.

Я в изумлении смотрел на это, но, присмотревшись, я увидел то, отчего кровь застыла в жилах: ее стройное девственное тело от бедер до плеч обвивала *гигантская пятнистая змея*.

Отвратительная, в форме клина, голова чудовища раскачивалась буквально в полудюйме от лица девушки, выпуская блестящий язык и облизывая ее полураскрытые губы.

Змея, обвившаяся кольцами вокруг улыбающейся пленницы, была необычной. Ее туловище переливалось золотистыми и зелеными пятнами, словно эти цвета были положены щедрыми мазками, ее гибкий язык был алым, подобно языку пламени; ее глаза были большими и синими, как у людей, но с ужасающим взглядом, присущим только змеям.

Де Гранден прыгнул в часовню одним из своих гибких кошачьих прыжков и едва слышно прошипел:

– Змея еси, *Raimond de Broussac*, и змеею станешь! *Garde à vous!*³⁶

Большая змея медленно повернула голову, расплела свои кольца вокруг тела искося смотрящей девушки, соскользнула на пол и как молния бросила свое зелено-золотистое тело на де Грандена.

Хотя нападение чудовища было быстрым, де Гранден оказался еще быстрее. Подобно тени летящего ястреба, маленький француз ускользнул в сторону, а голова рептилии стремглав ударилась о гранитную стену, как волна о нос судна.

– Раз! – насмешливо прошептал де Гранден, взмахнул тяжелым мечом и отрезал фута два от хвоста змеи так же аккуратно, как швея отрезает нить ножницами. – *En garde, fils du diable*³⁷.

Извиваясь, словно под источником напряжения, змея собралась для следующего выпада; ее ужасающие, подобные человеческим, глаза, светились безумной ненавистью к де Грандену.

На этот раз, пытаясь нанести удар, он проиграл гигантской рептилии. Он был опутан кольцами, поднят более чем на шесть футов, и атакован быстрыми ударами головой. Но меч де Грандена, подобно *chevaux-de-frise*³⁸, разил и направо, и налево, и по центру. Всякий раз, когда голова чудовища атаковала маленького человека, путь голове преграждало лезвие с древним боевым девизом и свирепые голубые глаза.

³⁵ Во имя (Господне) (лат.).

³⁶ Здесь: Берегись! (франц.)

³⁷ Берегись, сын дьявола! (франц.)

³⁸ Копью (франц.).

– Ха-ха, – дразнился де Гранден, – бороться с мужчиной тяжелее, чем околдовывать женщину, *n'est-ce-pas, m'sieur le serpent?*³⁹ Ха, получай это!

Как колесо живого пламени, меч повернулся в воздухе, и острая сталь легко перерубила тело рептилии на шесть дюймов ниже головы.

– *Sa-ha, sa-ha!* – На лице де Грандена было выражение необычайной ярости, его маленький рот оскалился под оцетинившимися усами как у рычащего дикого кота. Меч поднимался и падал последовательными ударами, разделяя корчащееся тело змеи на дюжину, десятки, полсотни сегментов.

– Ш-ш-ш, никакого шума! – предостерег меня де Гранден, когда я собирался что-то сказать. – Сначала прикройте наготу бедного ребенка, ее платье лежит вон там на полу.

Я обернулся и увидел шелковую ночную рубашку Адриенны, лежащую в раздавленном змеином кольце рядом с алтарем. Посмотрев с любопытством и отвращением на девушку, я увидел, что она все еще сохранила ту же самую неподвижную, чувственную улыбку; ее правая рука все так же механически висела в воздухе, будто лаская верхнюю часть отвратительной твари, уже подрагивающей в конвульсиях у ее белых ног.

– Да ведь, она спит, де Гранден! – воскликнул я в изумлении.

– Ш-ш-ш, ни звука! – снова предостерег он, прикладывая палец к губам. – Накиньте ей на голову одежду, друг мой, и осторожно возьмите ее на руки. Она не должна ничего знать.

Драпируя ничего не сознающую девушку в шелковую одежду, я заметил на ее нежной плоти длинный спиралевидный проступающий синяк.

– Осторожней, друг мой Трубридж! – командовал де Гранден, поднимая фонарь и меч и следуя впереди из часовни. – Несите ее нежно, безгрешную бедняжку. Только не разбудите, умоляю вас. *Pardieu*, если ее мать раскроет свой сварливый рот рядом с этим бедным ягненком, я сделаю с ней то же, что и со змеей. *Mordieu*, пусть сожжет меня сатана, если это будет не так!

³⁹ Не так ли, господин змей? (франц.)

11

– Трубридж, Трубридж, друг мой, идите и смотрите! – прозвучал голос де Грандена у меня над ухом.

Я сел, осматриваясь спросонья. Дневной свет едва забрезжил: серый цвет смешивался с едва пробивающимся розовым нового дня; за окном пели черные дрозды.

– А? Что случилось? – спросил я, ставя ноги на пол.

– Многое, очень многое, уверяю вас, – ответил он, с удовольствием разглаживая сначала один ус, затем другой. – Поднимайтесь, друг мой, поднимайтесь и пакуйте свои сумки; мы должны ехать немедленно, тотчас же!

Пока я мылся, брился и собирал вещи, он важно вышагивал по комнате и на все мои вопросы отвечал только просьбами поторопиться. Наконец, в его сопровождении я оказался на лестнице с пакетами, бьющими меня по коленям.

– Смотрите! – вскричал он, указывая на нижний зал. – Разве это не прекрасно?

На кушетке перед большим незажженным камином сидела Адриенна Биксби, одетая и готовая к поездке. Ее тонкие белые руки лежали в других, загорелых руках, ее золотистая головка покоилась на широком грубом плече.

– Мсье Трубридж, – восторженно промурлыкал де Гранден, – позвольте мне представить вам мсье Рэя Кифера из Оклахомы, делающего счастливой нашу дорогую мадемуазель Адриенну немедленно, сейчас же. Ну, *mes enfants*⁴⁰, мы должны идти, – он лучезарно улыбнулся влюбленной паре. – Американский консул в Руане соединит вас узами брака, и тогда уже недалеко радостная свадебная поездка, и быть может ваше счастье никогда не будет меньше, чем в этот день. Я оставил записку мсье вашему отцу, мадемуазель; будем надеяться, он даст вам свое благословение. Однако счастье и так вас уже благословило.

Большой авто ждал снаружи, Роксанна сидела рядом с шофером, на страже багажа Адриенны.

– Я встретил мсье Кифера этим утром в парке, – поведал мне де Гранден, когда автомобиль набрал скорость, – и заставил его ждать, пока разбужу его возлюбленную и Роксанну. Ха-ха, вчера вечером Сварливая Мадам приказала Роксанне упаковать свои вещи и оставить дом рано утром! *Eh bien*, и она оставила, *n'est-ce-pas?*

Под нашим с де Гранденом присмотром влюбленные вошли в консульство и через несколько минут появились с брачным свидетельством, снабженным большой государственной печатью Соединенных Штатов Америки.

Де Гранден лихорадочно рылся в сточных канавах, наконец, обнаружил изодранный старый ботинок и бросил его вслед им, удаляющимся⁴¹ вместе с хихикающей Роксанной, в Швейцарию, Оклахому и в счастье.

– Тысяча зеленых чертиков! – побожился он, украдкой вытирая влажные глаза. – Я так счастлив видеть ее на попечении милого молодого человека, любящего ее, что смог бы поцеловать даже эту зверскую мадам Биксби!

⁴⁰ Дети мои (*франц.*).

⁴¹ Европейский обычай бросать башмак вслед молодоженам, отправляющимся в свадебное путешествие – на счастье. – *Прим. ред.*

12

– А теперь, де Гранден, расскажите мне все об этом, или я выдавлю из вас правду! – пригрозил я в купе парижского экспресса.

– Ла-ла, – воскликнул он с ложным негодованием, – как он свиреп, этот *americain!*⁴² Ну что ж, тогда, *cher ami*, начнем сначала.

Помните, я сказал вам, что здания приобретают дурную репутацию, создаваемую людьми? Более того, друг мой: они приобретают характер.

Бруссак – старинное место; поколения мужчин родились и жили в нем и нашли свою смерть; и воспоминания этих личностей – как они мечтали, думали, любили и ненавидели – написаны прямо на стенах дома, – для того, кто захочет их прочесть. С этими мыслями я отправился в Бруссак, чтобы разузнать причину череды смертельных случаев с арендаторами *château*.

Но к счастью для меня имелось нечто более материальное для чтения, чем атмосфера дома – большая библиотека семьи де Бруссаков с записями о тех, кто был хорош, о тех, кто не был так хорош, и о тех, кто не был хорош вообще. Среди этих записей я нашел следующую историю.

В те времена, когда ваша Америка еще не была открыта, в Бруссаке жил некий мсье Раймон. Рядом с ним грехи римских императоров казались детской забавой. Чего он желал, то и забирал – а большинство его желаний склонялось к соседским крестьянкам. Большую часть времени он проводил в грабежах, разбоях и убийствах.

Eh bien, он был могущественным человеком, этот мсье Раймон, но епископ Руана и папа Римский были более могущественными. Наконец, дурной джентльмен предстал лицом к лицу перед счетом своих грехов: там, где гражданские власти боялись действовать, вступилась церковь и привела его к суду. Послушайте, что я нашел среди бумаг в *château*, друг мой. Слушайте и удивляйтесь!

Он вытянул пачку бумаг из своего саквояжа и начал читать медленно, переводя:

Наступил день совершения казни злодея господина Раймона, и огромная процессия вышла из церкви, где множество верующих благодарило за избавление земли от чудовища.

Франсуа и Анри, злодейские соучастники преступлений де Бруссака, примиренные с Матерью Церковью, получили милосердие удушения перед сожжением, но господин Раймон не раскаялся ни в чем и шел к месту казни с дьявольской улыбкой на лживо-благородном лице.

Когда он проходил под охраной к разложенному костру, настоятельница монастыря Милосердной Богоматери прибыла со своими монахинями, чтобы плакать и молиться за души осужденных, даже за душу нераскаявшегося грешника Раймона де Бруссака.

Проходя мимо того места, где стояла аббатиса с монахинями, он остановился и насмеялся над нею: “Что, старая курица, ищешь потерянных птенцов из своего выводка?” (Было известно, что три послушницы монастыря Милосердной Богоматери были похищены этим мерзавцем; разразился большой скандал.)

Тогда госпожа аббатиса молвила такие слова этому злодею: “Змея еси, *Raimond de Broussac*, и змеею станешь, и змеею останешься, пока

⁴² Американец (франц.).

добродетельный и праведный не разрубит твоё грязное тело на столько частей, сколько недель в году!»

И я, созерцающий и слышавший всё, клянусь на распятии: когда огонь был разожжен под злодеем и его греховное тело было сожжено дотла, зелено-золотая змейка появилась из огня и, несмотря на усилия охранников поймать ее, уползла в лес *château* Бруссаков.

– Ну, что вы думаете об этом, друг мой Трубридж? – спросил он, откладывая бумаги рядом на сиденье.

– Скорее любопытная средневековая легенда, – ответил я, – но едва ли она убедительна сегодня.

– В самом деле, – признал он. – Но в вашей английской пословице говорится: где есть много дыма, должно быть и небольшое пламя. Ещё кое-что нашел я в бумагах, – вот, например:

Прах этого Раймона де Бруссак не мог быть захоронен в часовне *château* среди его предков и потомков, поскольку часовня расположена на освященной земле, а он умер отлученным от церкви. Его похоронили в сосновом лесу перед домом, где он распутничал, и на могильном камне написали, что лежит он здесь навеки.

В годовщину смерти священник Бруссаков совершал богослужение в часовне и увидел зелено-золотую змею, толще, чем монашеский пояс и не длиннее человеческого предплечья, вползшую в часовню и напавшую на святого отца с такой яростью, что ему стоило немало сил защититься.

Прошел еще год, и слуга, наполняющий маслом лампаду в часовне, узрел подобную змею, но теперь выросшую с человеческую руку; она также напала на слугу и едва не убила его.

Из года в год записи продолжают. Часто в Бруссак замечали змею, с каждым последующим разом казавшуюся больше, чем прежде.

Также, была цепь странных историй: о местных женщинах, блуждавших в лесах Бруссака и показавших странные синяки на теле, а потом умерших вследствие необъяснимых причин. Все до одной, *mon ami*, погибли.

Одна из них была членом семьи де Бруссаков, отдаленной родственницей самого господина Раймона; она собиралась постричься в монахини. Однажды во время молитвы в часовне глубокий сон объял ее, и после этого, в течение многих дней она была рассеянной и утратила интерес ко всему, даже ее религиозный пыл угас. Всем, кто наблюдал за нею, она казалась святой; она часто ходила по ночам в часовню. Однажды утром она там и была найдена мертвой: но на ее застывшем лице не было гримасы предсмертной агонии, а лишь злая улыбка брошенной женщины. Она осталась с ней и после смерти.

Все это я прочел к моменту сообщения егеря об огромной змее в саду, и запомнил, так как легенда могла оказаться реальностью – надо было только проверить факты.

Вспомните, как мы рассыпали по полу часовни муку, как потом на следующий день читали следы!

Я вспомнил также о бедной мадам Биддл, что сошла с ума в *château Broussac*, однажды случайно забрела в часовню, и теперь непрерывно кричит об огромной змее, *целующей* ее. Доктор, сопровождавший ее в лечебницу, рассказал мне о спиральном синяке вокруг руки леди.

Pardieu! Я решил, что проверю эти легенды еще немного, искал и искал, пока не нашел могилу этого злого господина Раймона. Она была точь-в-точь как описал летописец; чтобы доказать это, я взял вас с собой и заставил прочитать надпись на надгробной плите. *Morbleu!* Все еще сомневаясь, я изготовил заграждение с острыми гвоздями, что могли поцарапать

живот любой змеи – если это была действительно змея, – словом, тому, кто попытается сползти по нему. *Voilà*, следующее было лучше. Тогда я узнал наверняка, что девушка находилась под влиянием змеи господина Раймона, как когда-то та монахиня, встретившая в давние дни трагическую смерть.

Я тоже чему-то учусь. Эта демоническая змея, этот пережиток проклятого Раймона де Бруссака, походила на естественную змею. Материальные железные гвозди не впустили бы его домой, его злоба долго ходила под проклятием. Если правдой было то, что единственное оружие могло убить это тело, и единственный весьма храбрый человек мог бороться с ним... «*Cordieu*, я – тот человек!» – сказал Жюль де Гранден Жюлю де Грандену.

Но тем временем – что я вижу? *Hélas!* Этот злодей имеет теперь большое влияние на бедную мадемуазель Адриенну и может заставить ее, согласно злему проклятию, встать с кровати ночью и идти босиком в сад, чтобы оторвать заграждение, что я установил для ее защиты.

Nom d'un coq! Я возмущен, я разъярен. Я решаю, что этот дьявольский змей жил уже слишком долго; я сделаю то, что предписала госпожа аббатиса и разрежу его грязное тело на столько частей, сколько недель в году!

Morbleu! Я отправляюсь в Руан и получаю этот святой меч; я возвращаюсь, думая, что я поймаю змею, ждущую в часовне для свидания – потому что я запретил мадемуазель выходить. Но ее глупая мать нарушила все мои планы, и я должен был бороться со змеей почти в тишине – я не мог кричать и проклясть ее, как положено, иначе я разбудил бы девушку и она сошла бы с ума, как мадам Биддл.

Eh bien, возможно, это и к лучшему. Если бы я произнес все грязные проклятия, приготовленные мною для убийства голубоглазой змеи, веса всех священников, пасторов и раввинов мира не хватило бы, чтобы отпустить грехи с моей души.

Остров исчезнувших судов

1

«Меврув», следующий в Суматру из Амстердама, стоял пришвартованным на голландском побережье в час дня в 1925 году. Среди голландских колонистов я узнал знакомую фигуру. Маленький человек с прямой военной выправкой, с навощенными усиками и сияющими голубыми глазами был так же заметен на фоне толпы мягкотелых плантаторов, торговцев и мелких администраторов, как *fleur-de-lis*⁴³ на грядке с капустой.

– Бога ради, де Гранден! Что вы делаете здесь? – изумился я, хватая его за руку. – Я думал, вы вернулись к своим микроскопам и пробиркам после того, как разгадали тайну замка Бруссаков.

Он усмехнулся, словно белокурый брат Мефистофеля, пожал мне руку и пошел со мной.

– *Eh bien*, – кивнул он, – я тоже так думал, однако не столь внимательные господа Ллойды полагают по-другому. Они прислали мне срочное сообщение и попросили расследовать одно дело на другом конце земли. Я не хотел ехать. Лето в разгаре, и черные дрозды поют в кронах деревьев Сен-Клу. Кроме того, у меня много несделанной работы. Но они сказали: «Назовите свою цену, без вопросов» – а, *hélas*, курс франка сейчас так упал! Я сказал им: «десять фунтов стерлингов за каждый день моей поездки, плюс необходимые расходы». Они согласились. *Voilà*. И вот я здесь.

Я смотрел на него с изумлением.

– Ллойды? Десять фунтов стерлингов в день? – повторил я. – Что творится в этом мире?..

– Ля-ля! – воскликнул он. – Это длинная история, друг мой Трубридж, и глупая сделка, – но, во всяком случае, английские деньги нормальные. Послушайте, – он понизил свой голос до конфиденциального шепота, – вы знаете этих господ Ллойдов, *hein*? Они страхуют суда в случае их пропажи. И это их дело сейчас стало и моим делом. В последнее время у английских страховщиков было много требований выплаты на суда с хорошей репутацией. Например, на исправное небольшое голландско-индийское судно «Ван Дэм» водоизмещением в двенадцать тысяч тонн. Оно отправилось из Роттердама в Суматру со специями и шелками, с королевским жемчугом, запертом в сейфе. Где оно теперь? – он выразительно развел руками и пожал плечами. – Никто не знает! О нем никогда никто больше не слышал, и Ллойды должны были компенсировать ценность его владельцам. Вот французский пароход «Лориент» тоже растворился в воздухе, и британский сухогруз «Найтингел», и шесть других судов ушли. А куда ушли, никто не знает, и господа Ллойды совершают выплаты. И все это в пределах одного года. *Parbleu*, слишком много! Английская компания платит свою страховку как истинный спортсмен, но она уже начинает вдыхать аромат мертвой рыбы. Они наняли меня, Жюля де Грандена, исследовать это дурацкое дело и доложить им, куда пропали суда.

Для этого может пройти год, может пройти только месяц, может пройти время, пока я не стану лысеть, как вы, друг мой Трубридж, – я не знаю. Вне зависимости от этого я буду получать мои десять фунтов каждый день плюс все непредвиденные расходы. Скажите мне, не поступают ли эти господа Ллойды опрометчиво впервые за их долгую карьеру?

– Похоже, что – да, – согласился я.

⁴³ Королевская лилия (франц.).

– Нет, – ответил он с одной из своих волшебных усмешек, – вспомните, друг мой Трубридж, – господу Ллойды, как известно, никогда не теряли деньги ни в какой сделке. *Morbleu!* Жюль де Гранден, как говорят американцы, вас станут ненавидеть!

«Меврув» продвигался, покачиваясь, через прохладный европейский океан, летние моря и, наконец, через тропические воды Полинезии. Пять ночей в смальтово-синем небе пылали звезды, на закате шестого дня воздух сгустился. К десяти вечера корабль был задрапирован в покров из черного бархата, словно укутанный заварной чайник – так непроницаема была темнота. В десяти футах от светящихся иллюминаторов все объекты оказались неразличимыми, в двадцати – невидимыми, за исключением, разве что, фосфоресцирующих прыгающих морских обитателей. Сам океан был частью окружающего нас мрака.

– Ох, не нравится мне все это, – пробормотал де Гранден, когда раскурил суматрскую сигару из лавочки стюарда и энергично ею запыхтел. – Такая тьма – время для дурных дел, друг мой Трубридж.

Он повернулся к вахтенному офицеру, оказавшемуся рядом.

– Мы ожидаем шторм, мсье? – спросил он. – Мгла предвещает тайфун?

– Нет, – отвечал голландец. – Это есть вулканический пыль. Часть дозы вулкана находится в извержений снова. И пепел, и дым разбрасывать на сто миль. Завтра, возможно, или через день, мы увидим солнце опять.

– Ага! – усвоил информацию де Гранден. – И эта вулканическая мгла часто бывает в этой долготе и широте, мсье?

– *Ja*, – отвечал тот. – Адский дымоход часто работать, минхер.

– *Cordieu!* – тихо чертыхнулся де Гранден. – Полагаю, он сказал правду, друг мой Трубридж. Теперь, если... *Grand Dieu*, глядите! Что это?

В некотором расстоянии от нашего борта желтая ракета описала параболу по черному небу и разорвалась целым созвездием искр высоко над горизонтом. Вторая вспышка последовала за первой, потом – третья.

– Ракеты, – воскликнул де Гранден. – Кажется, там судно терпит бедствие.

Зазвонила рында, с мостика был отдан приказ, винты пришли в движение, и судно начало разворачиваться в сторону сигналов бедствия.

– Я думаю, лучше будет подготовиться, друг мой, – прошептал де Гранден, отцепляя спасательные жилеты от корабельной стойки над нами. – Ну, надевайте же! И если в вашей каюте есть что-то ценное, возьмите это поскорее, – посоветовал он.

– Вы сошли с ума, – я отстранился, отодвигая спасательное средство. – Мы не в опасности. Огни были на расстоянии, по крайней мере, в пяти милях отсюда, и даже если другое судно сидит на рифе, наш шкипер сейчас никак не может напороться на мель.

– *Nom d'un nom!* – выругался маленький француз. – Вы смешны, друг мой Трубридж! У вас что – нет глаз? У вас – пустая голова? Вы не заметили, откуда выстрелили эти ракеты?

– Откуда выстрелили? – повторил я. – Конечно, заметил: с палубы, или возможно, с мостика корабля примерно в пяти милях от нас.

– Да? – саркастически прошипел он. – Пять миль, говорите? И вы, врач, разве не знаете, что человеческий глаз видит только до пяти миль на плоской поверхности? Тогда как эти ракеты появились на таком расстоянии выше, чем наша палуба? Они должны быть совсем на горизонте, а они показались на такой высоте!

– Ерунда! – возразил я. – Кто еще будет запускать ракеты здесь, в этой части света?

– Кто, действительно? – повторил он, мягко поправляя на мне спасательный жилет. – За ответ на этот вопрос, *mon ami*, господу Ллойды платят мне десять фунтов в день. Прислушайтесь!

Отчетливо рядом с нами слышался рев волн, разбивающихся о камни.

Лязг! Прозвучал приказ с мостика: «стоп, машина!». Механизмы загремели, в темноте раздались хриплые голоса, корабль содрогнулся, хотя двигатель истерически пытался дать ход назад.

Слишком поздно! Как игрушечная лодка, пойманная внезапным порывом ветра, мы на скорости продолжали мчаться вперед.

Раздались душераздирающие звуки столкновения, и мы с де Гранденом, упав, прокатились по палубе как два бильярдных шара, посланные «Меврувом» в лузу.

– Быстрее, быстрее, друг мой! – кричал де Гранден. – Прыгайте и плывите со мной! Может, я и не прав, *prie-Dieu*, но дьявол скоро будет здесь! Давайте!

Он поднялся на ноги, на мгновение устойчиво встав на палубе, и тут же соскользнул в темные воды футов на семь ниже обреченного судна. Я легко последовал за ним в быстрый поток волн.

– Черт побери, старина, вы были совершенно правы! – поздравил я своего компаньона, но он резко оборвал меня.

– А вы были глупы! – жестко сказал он. – Поменьше болтовни, побольше дела. Гребите, гребите же! И как можно шумнее, *nom de Dieu!* Мы гибнем!

Что-то большое, словно подводная лодка, слабо фосфоресцируя, вынырнуло из глубины вод прямо к моим ногам. Де Гранден схватил меня за плечи и мы вместе нырнули на глубину, насколько позволяли спасательные жилеты. На мгновение его призрачный силуэт переплелся с силуэтом огромной рыбы: казалось, он собрался обхватить чудовище, но тут же маленький француз быстро вынырнул на поверхность, а ее тяжелое тело опустилось на дно.

– *Mordieu!* – прокомментировал он, выплевывая воду. – Это было удачное спасение, друг мой. Секундой позже ваша нога была бы у нее в желудке. Удача для нас. Я знаком с уловкой ловцов жемчуга – надо разрезать жабры, и большой удачей для нас оказалось, что я прихватил с собой нож.

– Что это было? – спросил я, изумленный его работой. – Оно было недостаточно большим, чтобы быть китом.

Он встряхнул головой и сморгнул воду.

– Это был наш друг, *monsieur le requin* – акула. Он всегда голоден, и вы были бы лакомым кусочком в его меню, друг мой.

– Акула! – недоверчиво воскликнул я. – Да нет же, они нападают со спины и кусают, а эта тварь направлялась прямо ко мне.

– *Ah, bah!* – скривился он. – Это все бабушкины сказки. Говорю вам, *le requin* мог бы ухватить вас вверх тормашками и проглотить вашу ногу до колена, если бы я не взрезал ему тело.

– Боже мой! – я неистово заплескался. – Так мы можем быть сожранными в любой момент!

– Можем, но не обязательно, – спокойно отвечал он. – Если берег не слишком далеко, собратья этого парня будут слишком заняты, пожирая его, и не станут обращать внимание на такое маленькое жаркое, как мы. *Grace à Dieu*, кажется, я уже чувствую под ногами твердую землю.

Так оно и было. Мы стояли по плечи в воде на покатом берегу, и океанские волны нежно подталкивали нас к суше. Дюжина шагов – и мы благополучно достигли линии прилива, легли животами вниз на теплый песок и большими глотками вдыхали благоуханный морской воздух. Не знаю, что делал де Гранден в темноте, а я молча приносил такие благочестивые благодарственные молитвы, которые никогда и не ведал. Но молитвы мои были прерваны французскими непристойными ругательствами.

– Что происходит? – спросил я, но тут же затих: рука де Грандена сильно сжала мое запястье.

– Прислушайтесь, друг мой, – скомандовал он, – взгляните в судно, что мы оставили, и скажите: был ли я мудр, когда велел покинуть его?

За рифом в тихой лагуне на фоне темной ночи чернел силуэт «Меврува», кое-где еще освещенный огнями. Два, три, четыре, полдюжины небольших черных силуэтов суденышек сновали вокруг него, как муравьи у трупа дохлой крысы. Вспыхнуло пламя ракетниц, и звуки выстрелов раздалось из лагуны. Послышались один за другим вопли ужаса, крики женщин, и затем над водой расстелилась тишина, более зловещая, чем любые звуки.

Полчаса, должно быть, мы с де Гранденом напряженно стояли на пляже, всматриваясь в судно и ожидая признаков возобновленной жизни. Один за другим мигнули огни иллюминаторов, и все погрузилось во тьму.

– Поищем-ка лучше убежища в зарослях, друг мой, – непринужденно объявил де Гранден. – Чем дальше мы уберемся с глаз, тем будет лучше для нашего здоровья.

– Что, черт побери, всё это значит? – спросил я, следуя за ним.

– Что значит? – отозвался он нетерпеливым эхом. – А то и значит, что мы натолкнулись на прекрасное гнездо пиратов. Достигнув этого острова, мы шагнули из огня да в полымя, друг мой Тробрэйдж. *Mille tonneres*, какой ты дурак, Жюль де Гранден! Ты должен был потребовать с этих господ Ллойдов пятьдесят фунтов стерлингов в день! Ну, друг мой Тробрэйдж, давайте искать убежище. И побыстрее.

2

Покатый пляж сменился линией валунов на сто ярдов вглубь, те, в свою очередь, перешли в скалы, заросшие кустарником и подлеском. Когда мы перешагнули уже несколько сотен поваленных деревьев, неожиданно выступающих среди камней, де Гранден остановился в роще.

– Мы можем отдохнуть здесь, как и в другом месте, – философски заметил он. – Банда вряд ли будет охотиться снова этой ночью.

Я был слишком сонным и уставшим, чтобы спрашивать, что он имел в виду. События последнего часа были полным сюрпризом – как гастролирующие фокусники для батрака.

Спустя полчаса, а, может быть, только пять минут, трудно сказать, я был разбужен приглушенным взрывом, а потом еще двумя.

– *Mordieu!* – послышался голос де Грандена. – Друг мой Труубридж, поднимайтесь и глядите!

Он потряс меня за плечо и потащил на прогалину. Вдалеке в лагуне я увидел громадину «Меврува», разваливающуюся на части и скользящую в зеленые кипящие воды, словно риф внезапно нагрелся. Волна домчалась до берега и разъяренно отхлынула от блестящего песка.

– Почему... – спросил я, но он ответил мне прежде, чем я успел сформулировать вопрос.

– Динамит! – воскликнул он. – Ночью или ранним утром они разграбили судно, а теперь уничтожили его остатки взрывчаткой – чтобы остов не предупредил другие суда. *Pardieu!* У них все отлажено. Капитан Кидд и Черная Борода были первокурсниками в колледже преступлений, друг мой Труубридж. А здесь мы имеем дело уже с аспирантами. Ах, – он схватил меня своей женственной изящной ручкой, – посмотрите, что это там внизу на пляже?

Проследив, куда он указывает, я обнаружил за выступом скалы струйку дыма.

– Вот оно что! – радостно воскликнул я. – Какие-то люди все-таки сбежали с корабля! Добрались до берега и развели костер! Давайте же присоединимся к ним! Эй, мы здесь, привет! Вы...

– Глупец! – прошептал он подавленно, захлопнув мне рот рукой. – Вы хотите нас погубить, да? Во имя доброго Бога, прекратите свой ослиный вой, или нас услышат!

– Но, де Гранден, у них наверняка есть еда, – возразил я, – а у нас нет ничего. Мы должны присоединиться к ним и вместе разработать план спасения.

Он посмотрел на меня как школьный учитель на нерадивого ученика.

– Без сомнения, у них есть еда, – признал он. – Но вот какая это еда, вы можете мне сказать? Быть может... *nom d'un moineau, regardez-vous!*⁴⁴

Будто в ответ на мое приветствие, пара весьма злодейского вида папуасов появились на скале, посмотрели в сторону, где мы прятались, и повернули обратно. Через мгновение они появились снова, уже с большими копьями, и направились к нам.

– Должны ли мы пойти навстречу им? – спросил я с сомнением. Эти копья не выглядели слишком дружелюбными.

– *Mais non!* – решительно ответил де Гранден. – Быть может они и дружелюбны, но я не доверяю никому на этом проклятом острове. Лучше давайте скроемся и наблюдаем.

– Но они могут дать нам что-нибудь поесть, – убеждал его я. – Мир сейчас цивилизованный, не такой, как во времена капитана Кука.

– Однако, – ответил он, – давайте сначала посмотрим, а вопросы будем задавать позже.

Я затаился рядом с ним и присел на корточки, поджидая дикарей. Но я забыл, что у людей, живущих в примитивной среде, есть таланты, незнакомые их цивилизованным собра-

⁴⁴ Черт побери, смотрите! (франц.)

тням. Еще вдальеке они остановились, обменялись словами, неслышными нам, пристально посмотрели на нашу рошу и угрожающе подняли копьа.

– *Ciel!* – пробормотал де Гранден. – Мы обнаружены.

Он взялся за один из стволов кустарника и мягко тряхнул его.

Ответ был мгновенен. Копье просвистело в четверти дюйма от моего уха, и дикари начали быстро карабкаться к нам: один с копьем, изготовленным для броска, другой с убийственным ножом на поясе, составляющим единственный предмет его одежды.

– *Parbleu!* – отчаянно прошептал де Гранден. – Сыграйте в мертвеца, друг мой. Падайте из кустов и лежите, будто копьа убило вас.

Он внезапно толкнул меня в открытое пространство. Я грохнулся на землю, весьма реалистично изображая труп и отчаянно надеясь, что дикари не станут бросать второе копьа, дабы убедиться в моей смерти.

Хотя мои глаза были закрыты, я чувствовал, что они стояли рядом, и странное холодное ощущение между лопатками предсказывало мне скорый удар ножа.

Приоткрыв один глаз, я увидел голые ноги одного из папуасов у моей головы и прикидывал, мог ли бы я схватить его за щиколотки и обезвредить прежде, чем он нанесет удар. Но тут его ноги внезапно подкосились, словно стволы деревьев в шторм, и он всей тяжестью свалился мне на спину.

Я вскочил и увидел, как де Гранден сцепился в смертельной схватке с дикарем. Другой лежал подле меня, пронзенный ниже левой лопатки брошенным де Гранденом копьем.

– *À moi*, друг мой Трoубридж! – закричал маленький француз. – Быстрее, или мы погибнем!

Я толкнул мертвого папуаса и вцепился в соперника де Грандена, как раз когда тот собирался ударить ножом моего компаньона.

– *Bien, très bien!* – выдохнул француз, погружая лезвие своего ножа по рукоятку в грудь дикаря. – Действительно, очень хорошо, друг мой Трoубридж. Я швырнул копьа, конечно, не так, как мальчишкой в школе, и сильно сомневался в моей способности убить единственным броском из засады. Но к счастью, мои руки не утратили ловкости. *Voilà*, мы открыли прекрасный счет! Давайте же похороним их.

– ...Так ли необходимо было убивать этих бедняг? – спросил я, помогая рыть могилу ножом одной из жертв. – Разве мы не смогли бы объяснить им, что не нанесем вреда?

– Друг мой Трoубридж, – отвечал он, передыхая, когда мы тащили одно из голых тел в мелкую, вырытую нами траншею, – никогда, боюсь, вы не изучали мозг гуся. С такими парнями, как они, как и с той акулой, в целях безопасности надо предпринимать шаги первыми. Мы же вырыли могилу не из нежности к этим канальям. *Ah, non*. Мы хороним их, чтобы их друзья не нашли, и чтобы грифы не прилетели, указав на это место. Итак, они похоронены. Возьмите это копьа и идите за мной. Я глянул бы на тот костер.

Мы осторожно взобрались на скалу, ниже которой как раз горел костер, заботясь, чтобы нас не заметили возможные лазутчики, высланные аборигенами. Прошло больше часа с начала наших маневров. Когда мы увидели то, что происходило внизу, мой желудок сжал резкий спазм, и я чуть не упал с крутой скалы, но меня вовремя подхватил де Гранден.

Присев на корточки вокруг пылающего костра, словно волки вокруг оленя, около двух десятков голых дикарей взирали на привязанного к колу мертвого белого человека. Перед ним стояли два здоровенных папуаса с боевыми дубинами, красными на концах, повествующими о дьявольской работе, которую только что завершили. На дубинах была кровь. Черные изверги разбили голову своего беспомощного пленника, и один из них сейчас разрезал веревки, которыми тот был привязан к колу.

Но рядом с ним стоял еще один кол, и когда я увидел его, кровь застыла в моих жилах – к нему была привязана белая женщина, все еще живая. В ней я признал жену голландского плантатора, собирающуюся присоединиться к своему мужу в Суматре.

– Боже мой! – вскричал я. – Это – женщина, белая женщина. Мы не можем позволить этим дьяволам убить ее!

– Тише, друг мой, – предостерег меня де Гранден, оттаскивая от края скалы. – Нас двое, их намного больше. Разве мы поможем бедняжке, если помчимся вниз и будем убиты?

Я повернулся к нему в ярости.

– И вы называете себя французом? – издевался я над ним. – У вас не достает галантности, чтобы попытаться ее спасти? Какой же вы француз!

– Галантность хороша на своем месте, – признал он. – Но ни один француз не будет так глуп, чтобы потратить жизнь задаром. Помогло бы ей, если бы нас схватили, уничтожили, или, еще хуже того, съели? Мы, врачи, разве стремимся отдать наши жизни, когда находим пациента безнадежно больным? Нет, мы живем, чтобы бороться с болезнями других – мы можем уничтожить вирусы. Так же и сейчас: спасти эту бедняжку мы не можем, но отомстить за нее убийцам мы, должно быть, в состоянии. Я, Жюль де Гранден, клянусь в этом! Ох, он идет к ней!

В этот момент один из мясников-канибалов ударил ничего не сознающую женщину дубиной. Кровь окрасила ее бледно-желтые волосы, бедняжка судорожно вздрогнула и обвисла на веревках.

– *Par le sang du diable*, – заскрежетал зубами де Гранден, – если добрый Господь мне поможет, клянусь смертью продажных бошей, они заплатят за каждый волосок этой бедняжки!

Он отвернулся от гнусного зрелища и начал подниматься на скалу.

– Уходим, друг мой Трубридж, – сказал он. – Мы не должны видеть тело женщины, служащее мясом. *Pardieu*, мне почти жаль, что я не последовал вашему сумасшедшему совету попытаться спасти ее, мы убили бы некоторых из них! Независимо от этого, мы уьем их всех, или пусть господу Ллойды не заплатят мне ни пенса.

3

Чувствуя себя в безопасности от дикарей, слишком поглощенных своей оргией для того, чтобы отыскивать новые жертвы, мы пробирались к горному пику, возвышающемуся усеченным конусом в центре острова.

С высокой площадки, на которую мы забрались, мы могли во все стороны видеть океан и узнать о нашем местопребывании. Очевидно, островок был вершиной подводного вулкана. Он был овальным, примерно в пять миль длиной и две с четвертью мили в ширину в самой большой его части и круто вздымался из океана; только в одном месте образовывался пляж не более чем в триста или четыреста футов. С каждой стороны вокруг острова выступали из воды, часто по три-четыре, рифы и скалы (без сомнения меньшие пики горы, незатопленная вершина которой составила остров) – таким образом, никакое судно большей величины, чем китобойное, не могло подойти близко к острову, не напоровшись на полузатопленные скалы.

– *Nom d'un petit bonhomme!* – прокомментировал де Гранден. – Идеальное место для их целей, *c'est certain*. Ах, смотрите!

Он увлек меня к гребню скалы, ближе к дорожке, по которой мы поднялись. Там я увидел прикрепленный тремя болтами к камню железный желоб, черный от пороха, устремленный к небу под углом около пятидесяти градусов.

– Видите? – спросил он. – Это предназначено для стрельбы ракетами: посмотрите на пороховые отметины. А вот, – тут его голос сорвался от возбуждения, – смотрите, что перед нами!

Над нами стояли, на расстоянии около двадцати пяти футов друг от друга, две мачты двенадцати футов в высоту, оснащенные шкивами и веревками. Приблизившись, мы обнаружили на них фонари: зеленый на правом, красный на левом. «Умно, умно», – пробормотал де Гранден, переводя глаза от одного к другому.

– Посмотрите, друг мой. Ночью лампы могут гореть на концах этих мачт, их могут плавно поднимать и опускать. На расстоянии на фоне этой черной горы они будут имитировать корабельные фонари. Злосчастный мореплаватель поведет свое судно на этот огонь, думая, что он близко. Мы с вами хорошо знаем, что случается потом. Давайте посмотрим, что тут есть еще!

Обойдя пик, мы разглядели внизу соломенные крыши ульев туземной деревни; на узкой полосе песка перед ними лежала дюжина папуасских каноэ.

– Ага, – промолвил де Гранден, осмотрев хижины, – это здесь живут мясники! Этого места следует избегать, друг мой. А теперь, друг мой Тробразидж, нам надо найти место жительства того, кого вы, американцы, называете руководителем.

Я осмотрел местность внизу, но нигде не заметил крыши.

– Нет, – ответил я после вторичного осмотра. – Ничего похожего на дом белого. Но отчего вы думаете, что здесь есть белые?

– Ха-ха! – рассмеялся он. – Разве крыса не узнает, в каком из домов есть кошка, если слышит ее мяуканье? Вы думаете, эти *sacré* едоки людей знают достаточно, чтобы настроить такую дьявольскую машину? Или что они озаботятся после грабежа судна взрывать его динамитом? Нет, нет, друг мой, это работа белого, и мерзкая работа, к тому же. Давайте исследовать.

Мы осторожно спускались вниз по скользкой тропинке, смотря направо и налево в поисках чего-либо, напоминающего жилище белого. Несколько сотен футов ниже тропинка раздвоилась: одна уводила к папуасской деревне, другая – к узкой полоске пляжа, прегражденной пещерой в крутом камне.

Я осмотрелся и не поверил своим глазам: на песке у скалы стоял привязанный аккуратный маленький катер с плоским дном, предназначенный для плавания по скалистому побере-

жью, оснащенный уютной закрытой каютой. На носу был закреплен пулемет системы Льюиса, аналогичный агрессивно выглядывал из каюты.

– *Par la barbe d'un bouc vert!* – восхищенно чертыхнулся де Гранден. – Это изумительно, великолепно, превосходно! Давайте-ка, друг мой Трубридж, использовать это чудо! Оставим этот адский остров немедленно, сейчас же! *Par la...*

Его ругательство осталось произнесенным: де Гранден уставился мимо меня с выражением суеверного человека, внезапно столкнувшегося с призраком.

– Конечно же, джентльмены, – произнес учтивый голос позади меня, – вы не собираетесь уехать, не воспользовавшись моим гостеприимством? Это было бы невеликодушно.

Я повернулся, будто ужаленный осой, и наткнулся на насмешливый взгляд темнокожего молодого человека лет тридцати. От верхушки безупречного тропического шлема до безукоризненно отполированных желтых сапог для верховой езды он воплощал собой образчик великолепно одетого европейца в тропиках. Ни пылинки не было на элегантно белом жакете и на зауженных по моде бриджах; и когда он взмахнул в приветствии серебряным хлыстиком, я увидел тщательный перламутровый маникюр на ухоженных тонких пальцах.

Де Гранден положил руку на нож в ножнах, но, прежде чем успел вытянуть его, пара угрюмых малайцев в жилетах хаки и саронгах выступили из кустов и деловито нацелили на нас винтовки системы «Маузер».

– Не хотел бы я оказаться на вашем месте, да и не окажусь никогда, – протяжно пропел молодой человек. – Эти парни – прекрасные снайперы, и убьют вас прежде, чем вы сделаете хоть одно движение. Вы не возражаете, конечно, – он протянул руку за ножом и небрежным движением бросил его в воду. – Спасибо, так намного лучше. А то с подобными вещами может случиться что-нибудь скверное.

Мы с де Гранденом следили за ним в безмолвном изумлении, он же продолжал так, словно наша встреча была самым обычным делом.

– Мистер Трубридж, – прошу прощения, минуту назад я услышал ваше имя, – вы не будете столь любезны, не представите мне вашего друга?

– Я – доктор Сэмюэль Трубридж из Харрисонвилля, Нью-Джерси, – размышляя, не сошел ли я с ума, – а это – доктор Жюль де Гранден из Парижа.

– Как это мило с вашей стороны, – отвечал он с улыбкой. – Боюсь, я пока что должен быть менее откровенным и соблюдать анонимность. Однако вы же должны меня как-то называть! Пусть я буду Гунонг Безэр. Подобное дикое нехристианское имя подойдет лучше, нежели вы станете свистеть или окликать меня: «эй, вы!», если захотите привлечь мое внимание. Что ж, а теперь... – он легко поклонился, – добро пожаловать в мою скромную берлогу... Да, это здесь – дверной проем прямо перед вами.

Все еще под прицелами угрожающих винтовок малайцев мы с де Гранденом прошли в расселину в скале, спустились по узкому проходу, более темному, чем подвал без окон, повернули налево и резко остановились, недоуменно мигая глазами.

Перед нами, простираясь до бесконечности, предстали огромные апартаменты, выложенные черными и белыми мраморными плитами по полу, с двойной беломраморной колоннадой и сводчатым потолком из блестящих медных панелей. Дальше зал продолжал коридор, в котором через промежутки примерно в двадцать футов с полированного потолка свисали серебряные масляные лампы с кристаллическими шарами. Это делало помещение столь же ярким, как экваториальный полдень.

– Не очень плохо, правда? – заметил наш хозяин, наблюдая за нашим удивлением. – Это только прихожая, джентльмены. Вы и понятия не имеете о всех чудесах этого подводного дома. Например, смогли бы вы выйти отсюда? Найдите входную дверь!

Мы обернулись, как солдаты по команде, и уставились на дверной проем: на его месте оказалась та же мраморная плита, что и везде.

Гунонг Безэр удовлетворенно хихикнул и дал приказ одному из охранников на резком гортанном малайском языке.

– Если вы повернетесь, джентльмены, вы удивитесь вновь, – обратился он к нам.

Послушавшись, мы обнаружили рядом с собой двух малайцев.

– Эти парни проведут вас в ваши комнаты, – объявил Гунонг Безэр. – Будьте любезны последовать за ними. Пытаться разговаривать с ними бесполезно – они не понимают чужой речи; что же касается их родного языка – они не обременены образованием, и письму не обучены. А что до разговоров... – он резко приказал что-то молодым людям, и те немедленно разинули рты, будто зевнули. Мы с де Гранденом ужаснулись: во ртах парней зияла пустота. Их языки были отрезаны у основания.

– Вот видите, – продолжал Гунонг все тем же мелодичным протяжным голосом, – эти парни не пробавляются сплетнями. Полагаю, что смогу предоставить вам вечерний костюм, доктор де Гранден. Но вам, доктор Труубридж... – прибавил он, извиняясь, – вы, прошу прощения, гм, немного тучны, чтобы примерить одежду, сшитую на меня. Как жаль! Однако вам наверняка подойдет костюм капитана Ван Туна... гм, уверен, что он где-то в кладовой... А теперь, пожалуйста, прошу следовать за вашими гидами. – Он любезно поклонился каждому из нас. – А я покину вас на некоторое время, прошу меня извинить.

Прежде чем мы успели ответить, он отдал приказ, и откуда-то из-за колонны появились трое малайцев. Мы услышали, как щелкнула мраморная плита.

– Но, мсье, это невероятно, это удивительно... – начал было де Гранден, шагнув вперед. – Вы должны объяснить, я требую... *Cordieu*, он ушел!

Так оно и было. Словно его тело распалось в эфир: Гунонг Безэр исчез. Мы остались в освещенном коридоре наедине с нашими безъязыкими охранниками.

Кивая и ухмыляясь, парни показали нам следовать за ними вниз. Один из них шел в нескольких шагах впереди нас и отдернул шелковую занавесь, открыв узкий дверной проем, через который мог пройти только один человек. Повинуясь его жестам, я вошел первый, сопровождаемый де Гранденом и нашими немymi гидами. Тот, что шел впереди нас, через несколько шагов вдруг издал жуткий крик. Мы поглядели на него, задаваясь вопросом, чтобы это значило. Но второй малаец только ухмыльнулся с того места, где был дверной проем. Я говорю «был», потому что на месте его теперь стояла каменная стена – без всякой трещины.

– *Sang du diable!* – пробормотал де Гранден. – Мне не нравится это место. Оно напоминает мне ту мрачную крепость инквизиции в Толедо, где святые отцы, одетые демонами, появлялись и исчезали по своему желанию к изумлению истинно верующих суеверных еретиков.

Я с трудом подавил дрожь. Этот подземный дом напоминал и другие практики испанской инквизиции, помимо невинных представлений монахов.

– *Eh bien*, – пожал плечами де Гранден, – ведите же, *diablotins*⁴⁵, – он обернулся к нашим темнокожим гидам, – мы следуем за вами.

Мы стояли в длинном коридоре, облицованном полированными мраморными плитами черного и белого цвета. Несколько ответвлений пересекало его под прямыми углами. Проход был освещен масляными лампами, свисающими с потолка, как и в большой прихожей.

За нашими гидами мы свернули направо в проход, точную копию первого, и после долгого шествия, наконец, остановились перед сводчатым проемом. Затем мы вошли в большую квадратную комнату без окон, но хорошо освещенную лампами. В ней стояли две китайские кровати из бамбука, низкий бамбуковый туалетный столик и несколько стульев из тростника.

Один из парней знаками велел нам раздеться, другой выбежал и почти тотчас вернулся с двумя небольшими купелями из листового железа и поставил их в центре комнаты. Затем

⁴⁵ Бесенята (франц.).

вновь покинул нас и вернулся со столиком на колесах, на котором помещались шесть больших глиняных кувшинов: четыре с горячей, два с холодной водой.

Мы вступили в ванны. Парни натерли нас ароматным сандаловым маслом. Когда оно впиталось в нашу кожу, они вылили на нас содержание горячих кувшинов, а затем и ледяную воду. Затем нас завернули в полотенца из грубого полотна. Вскоре мы были высушены и улажены, как посетители турецкой бани.

Я немного обеспокоился, когда мой слуга достал грубую бритву и жестом показал на один из плетеных стульев. Но парень оказался весьма квалифицированным парикмахером, к тому же совершенно безмолвным – в отличие от говорливого американского, как подумалось мне.

Вскоре на плетеных подносах были доставлены вечерние костюмы и белоснежное белье с острым приятным гвоздичным запахом. Когда же мы завершили наш туалет, один из парней принес маленькую шкатулку из полированного кедра с длинными черными сигарами, что продаются в розницу по доллару за штуку в Гаване.

– *Nom d'un petit bonhomme!* – воскликнул де Гранден, выпуская струйку ароматного дыма. – Изумительно, великолепно, превосходно – но мне не нравится все это, друг мой Трубридж!

– Чуть! – отвечал я, расслабленно пыхтя сигарой. – Вы боитесь собственной тени, де Гранден! Что сегодня с нами происходило: крушение судна, преследование людоедами, голодание и прочие опасности, – а теперь мы в чистой одежде, в комфорте, которого нет даже дома, и в безопасности.

– В безопасности? – повторил он с сомнением. – В безопасности, вы сказали? А что вы думаете о капитане Ван Туне, об одежде которого для вас говорил наш хозяин, таинственный мсье Гунонг?

– Да, действительно, он что-то там говорил о капитане Как-там-его, – подумав, согласился я. – Ну и что из этого?

Маленький француз близко подошел ко мне и зашептал в ухо:

– Франц Ван Тун был капитаном голландско-индийского «Ван Дэмма», шедшего из Роттердама в Суматру и пропавшего, как мне известно, со всеми пассажирами на борту...

– Но...

– Ш-ш-ш, – прервал он меня. – Двое слуг показывают нам, что нас ждут в другом месте. Я посмотрел на двух немых и вздрогнул от их ухмылок.

4

Слуги провели нас по сложной сети коридоров, пока мы окончательно не запутались, наконец, остановились по бокам сводчатого прохода, и, низко кланяясь, показали, что нам надо войти.

Мы шагнули в длинную мраморную комнату, которая, в отличие от других здесь, была плохо освещена – только четырнадцать восковых свечей в двух серебряных канделябрах стояли в противоположных концах стола в стиле Шератона⁴⁶ из полированного красного дерева. На его гладкой поверхности отражались предметы серебряного столового сервиза, достойного королевского стола.

– О, джентльмены! – Гунонг Безэр в безупречной вечерней одежде приветствовал нас из дальнего конца комнаты. – Надеюсь, вы принесли с собой хороший аппетит. Я же достаточно голоден. Вы присоединяетесь ко мне?

Малайские слуги, что с самого начала сопровождали нас, теперь сменили жилеты-хаки и саронги на отглаженные костюмы белого полотна, а их винтовки были заменены на пистолеты «люгер»⁴⁷ большого калибра, заметные под алыми шелковыми поясами.

– Жаль, что не могу предложить вам коктейли, – извинился наш хозяин, когда мы расселись. – Но лед не доступен моему небольшому хозяйству. Однако, морские пещеры вполне приемлемы как холодильники. Поэтому, полагаю, охлажденное вино вполне заменит коктейли.

– Ах, – он перевел застенчивый взгляд с де Грандена на меня, – вы не будете так любезны попросить благословения, доктор Трuebas? Мне кажется, вы сможете это сделать.

Поразившись таким предложением, я вознес молитву и едва не упал со стула, открыв глаза по завершении. Пока мы молились, слуги отдернули занавеси из роскошного батика, драпирующего стену, за которыми открылось стекло с зелеными водами океана. Мы сидели на морском дне.

– Остроумная идея, не правда ли? – Гунонг Безэр обратил улыбку к нашим удивленным лицам. – Все это придумал я. Извольте видеть, как маленькие ребятки с плавниками резвятся поблизости от нас. Чертовски трудно было собрать рабочих для постройки всего этого, но многие специалисты разных профессий посещали этот остров, и мне удалось осуществить мой замысел.

– Но, мсье, это же дорого! – заявил де Гранден в типично галльской манере. – Это же безумно дорого!

– Совсем нет, – небрежно отвечал молодой человек. – Нищих надо кормить, и большинство из них привыкло к местной еде, а это не так уж дорого.

– Но зарплата! – упорствовал де Гранден. – Мсье, этот дом – гениальное произведение, чудо техники. Даже пьющие архитекторы и инженеры, способные создать такое, должны были потребовать баснословные гонорары... А рабочие, резавшие и полировавшие мраморные плиты – их целая армия! И их зарплата должна была стать безумной!

– Большая часть мрамора была спасена из пустовавших голландских колониальных дворцов, – ответил Гунонг Безэр. – Вы же знаете, что Голландия создала могущественную империю на здешних островах около столетия назад. И плантаторы жили во дворцах, достойных королей. Когда все это потерпело крах, никто не мог заботиться о дворцах. Что же касается зарплат... – он небрежно взмахнул рукой, изукрашенной драгоценными камнями. – Я богат,

⁴⁶ Неоклассический стиль мебели, для которого характерны изысканные прямые линии и легкость конструкции. Назван в честь Томаса Шератона (1751–1806). – *Прим. ред.*

⁴⁷ Пистолет Георга Люгера, он же «парабеллум». – *Прим. ред.*

но эта статья расходов не очень отразилась на моем состоянии. Вы помните средневековую историю, доктор де Гранден?

– А? Ну, конечно, – ответил француз. – Но...

– Помните, что предпринимало дворянство и духовенство, чтобы сохранить тайну планов их замков и монастырей? – Он замолчал, насмешливо улыбаясь де Грандену.

– *Parbleu!* Вы не могли... Не смогли бы... Вы не посмели бы... – француз вскочил со стула и воззрился на нашего хозяина, словно бешеная собака.

– Ерунда, конечно, смог бы – и сделал, – отвечал тот добродушно. – Почему нет? Эти люди были только частями плавающих обломков крушения, которых никто не спас. Кто об этом мог знать? А мертвецы не любят общаться. Почти шутка получилась.

– Но вы это мне рассказываете? – де Гранден недоверчиво смотрел на него.

Лицо нашего хозяина оставалось совершенно непроницаемым очень долго, пока он смотрел на де Грандена. Потом его угрюмое лицо внезапно озарилось улыбкой, и он спросил:

– Я могу предложить вам еще немного вина, мой дорогой доктор?

Я с удивлением посмотрел на моих компаньонов. Гунонг Безэр сделал какое-то злое замечание, доктор де Гранден быстро на него отреагировал, дальнейшая их беседа касалась мертвецов, которые молчат... Попробуйте, как и я, найти ключ к их загадочному разговору. Средневековые замки и монастыри? Мертвецы? Я мысленно проговорил это. Что бы это значило? Гунонг Безэр нарушил ход моих мыслей, вежливо спросив:

– Доктор Трубридж, я могу вам предложить еще немного белого мяса? Мы находим это белое мясо, – эти слова им немного подчеркивались, – восхитительным. Очень нежным, и прекрасно приправленным. Как оно вам?

– О, да. Оно отличается от всего, что я когда-либо пробовал. Оно напоминает мне молодую свинину, но разнится и с ней. Это, действительно, специфика островов, мистер Гунонг?

– Ну, гм... – он чуть заметно улыбнулся, отрезая ломтик восхитительного жаркого и кладя мне в тарелку. – Не могу сказать, что оно специфично для наших островов, но способ приготовления в моем доме немного необычный. Местные жители называют это животное «длинной свиньей». Действительно, отвратительного вида существо, пока оно живет, но прекрасное, когда убито и должным образом приготовлено. Чем могу служить, доктор де Гранден? – он с улыбкой обратился к французу.

Я чуть не подпрыгнул от изумления, увидев физиономию де Грандена. Он склонился вперед на своем стуле; его голубые круглые глазки почти вылезли из орбит; его загорелые щеки были зелены как цвет замазки. Он уставился на нашего хозяина с видом профессионального гипнотизера.

– *Dieu, grand Dieu!* – едва выдохнул он. – «Длинная свинья», вы сказали? *Sang de St. Denis!* И я съел это!

– Дружище, вам плохо? – вскричал я, вскакивая со своего места и спеша к нему. – Ужин не пошел?

– *Non, non!* – он отстранил меня, все еще задыхаясь. – Сядьте, друг мой Трубридж, сядьте. Но, *par l'amour de Dieu*, умоляю, не ешьте ни куска этого проклятого мяса, – хотя бы сегодня.

– О, дорогой сэр, – мягко сказал Гунонг Безэр. – Вы портите аппетит доктору Трубриджу, а он так наслаждался этим восхитительным мясом! Это нехорошо. Точно, не хорошо.

Он угрюмо уставился в свое серебряное блюдо, затем дал знак одному из слуг убрать его и быстро добавил что-то на малайском языке.

– Возможно, небольшое развлечение сгладит этот неприятный *инцидент*, – сказал он нам. – Я послал за Мириам. Вам она понравится, полагаю. У меня на нее большие надежды – думается, у девочки задатки великой *артистки*.

Слуга, убиравший мясо, возвратился и прошептал что-то на ухо хозяину. Выслушав, тот преобразился: тонкое, воспитанное лицо Гунонга Безэра приняло такое выражение ярости, подобное которому я не встречал на человеческом лице.

– Что?! – вскричал он на английском, хотя малаец его явно не понимал. – Я займусь этим, и мы увидим, кто говорит «должен», а кто «может» в этом доме.

Он встал и поклонился нам.

– Извините меня, пожалуйста. У нас возникло небольшое недоразумение, и мне необходимо разобраться с этим. Полагаю, вам не придется долго ждать. Хуссейн предоставит вам все, что необходимо. Он не понимает по-английски, но вы можете объясняться с ним знаками.

– Скорее же, де Гранден, – попросил я, когда Гунонг в сопровождении одного из малайцев покинул комнату.

– А? – спросил француз, подняв глаза от блюда. – Что вы хотите знать, друг мой?

– Что это за речи о средневековых строителях и молчащих мертвецах?

– Ах, это, – ответил он с облегчением. – Разве вы не знаете, что если сюзерен в средневековье давал заказ архитектору, это было эквивалентно смертному приговору? Архитектор, прорабы, основные рабочие после выполнения заказа обычно умерщвлялись, чтобы не выдать врагам тайные ходы или не продублировать проект другому дворянину.

– Значит, Гунонг Безэр намекал, что убивал людей, построивших этот подводный дом для него? – я в ужасе застыл.

– Именно так, – ответил де Гранден. – Но плохо другое. И это уже личное. Помните, я удивился, что все это он рассказал нам?

– Боже правый, да! – воскликнул я. – Он имел в виду...

– Что, умерев, мы уже ни о чем не расскажем, – добавил де Гранден.

– А те разговоры о «белом мясе», о «длинной свинье»?

Он судорожно выдохнул, будто по мраморной пещере пронесся ледяной холод.

– Тробрэйдж, друг мой, – тихо и серьезно произнес он. – Вы должны узнать и это. Но должны управлять собою. Ни словом, ни знаком вы не должны выдавать свое знание. Везде на этих дьявольских островах местные жители, эти темнокожие злодеи, едят людей. И именуют свою пищу «мясом длинной свиньи». Тот бедолага, которого мы видели сегодня утром, и та несчастная голландская женщина – они, друг мой, и были «длинными свиньями». Они стали «белым мясом» в адском меню этого вечера. И именно это мы ели за этим проклятым столом!

– Боже мой! – я приподнялся, и тут же сел обратно, почувствовав спазм в желудке. – Мы... вы... мы ели *ее* плоть...

– Ш-ш-ш! – оборвал меня он. – Молчите, друг мой! Ничем не выдавайте себя! Вот он идет!

Слова де Грандена прозвучали словно театральной репликой для входа Гунонга Безэра сквозь шелковые портьеры, с улыбкой на смуглом лице.

– Мне так жаль заставлять ждать вас, – извинился он. – Но проблема устранена, и мы можем продолжать развлекаться. Мириам несколько застенчива перед незнакомцами, но я... гм... убедил ее выйти к нам.

Он повернулся к дверям и махнул кому-то рукой.

Три малайца, одна сморщенная старуха и два молодых человека, возникли из дверного проема. Женщина с бамбуковым барабаном следовала впереди. Положив ей руку на плечо, за ней шел первый мальчик; второй держался за него. Вскоре стало понятно, почему. Старуха, хоть и почти параличная, обладала единственным на троих, жутким, налитым кровью глазом... У обоих мальчиков были травмированные и запавшие веки; их глазные яблоки были грубо вырваны из дрожащей плоти.

«Ха-рум! Ха-рум!» – вскричала старая карга, и оба слепых мальчика уселись на мраморном полу. Один из них поднес к губам тростниковую флейту, другой тронул рукой цитру, издавшую звук, подобный стону кота, страдающего *cholera morbus*.⁴⁸

«Ха-рум! Ха-рум!» – снова воскликнула ведьма и застучала по барабану пальцами и ладошками вместо барабанных палочек. «Тук-ак-а, тук-ак-а!» – барабанный бой разрастался и перешел во что-то непрерывное.

Флейта и цитра поддержали пламенный ритм, и фантазмагоричная музыка заполонила всю комнату, завертевшись в воздушном пространстве с мраморными стенами. Это было не похоже на то, что я когда-либо слышал: назойливое скуление замученных инструментов вызвало слушателей к животным инстинктам и высвобождению эмоций, подобно воздействию опиума. Музыка взвивалась и летала, все быстрее и быстрее – шелковые занавески раздвинулись, и на мраморный пол скользнула девушка.

Она была молода, лет шестнадцати или семнадцати, и гибкое изящество ее движений происходило скорее из ее природы, чем из обучения. Традиционный саронг, перетянутый ремешками на лодыжках и стянутый золотым поясом шести дюймов шириной на талии, плотно облегал ее грудь. На тонкой шее – ожерелье из сверкающих рубинов; все остальные части тела были обнажены, только руки были обвиты браслетами из золотых змеек с изумрудными глазами, да еще запястья украшали тройные ряды колокольчиков с ястребами. Над инкрустированными жемчугом бархатными босоножками красовались искусные индийские браслеты, а в черных волосах – алмазная гребенка, достойная королевы.

Великолепный голубоватый алмаз, закрепленный на левом крыле ее носа, и нить жемчуга вокруг ее талии, свисающая к подолу шелкового саронга, были достойны выкупа Павлиньюго трона⁴⁹ Великого Могола. Несмотря на щедро наложенную косметику – сурьму вокруг век, кошениль⁵⁰ на губах и щеках, уголь на бровях, – она была красива той женской красотой, которая вдохновила древнего Соломона сочинить «Песнь песней». Никто, кроме еврейской расы, да еще, возможно, выходцев с аравийского полуострова, не мог породить столь манящую красоту Мириам, танцовщицы в доме под морем.

Двигаясь на мягких бархатных босоножках вперед и назад под музыку старой ведьмы и слепых музыкантов, девушка сплетала свой танец, как кружево или паутину, позвякивая колокольчиками на запястьях и щиколотках с искусством испанской танцовщицы.

Наконец, танец завершился.

Задрожав как лист, Мириам бросилась на пол и легла перед Гунонгом Безэром в позе презренной покорности. Он что-то сказал ей резко по-малайски – видимо, это было разрешение уйти, – и она поднялась с покорностью собаки, ожидающей наказания от хозяина, и убежала из комнаты, оставляя за собой звон колокольчиков.

Старая карга тоже поднялась вместе со своими слепыми компаньонами, и мы остались втроем под мерцающим светом свечей и неусыпным наблюдением безмолвных малайских охранников.

– Ну как вам, она красива? – спросил Гунонг Безэр, раскуривая сигарету и выпуская дым к потолку.

– Красива? – выдохнул де Гранден. – *Mon Dieu*, мсье, она великолепна, она превосходна! Убейте меня, она божественна! Никогда не видел столь замечательной танцовщицы – *nom de Dieu*, я онемел, как рыба! Нет слов ни в одном языке, чтобы описать ее!

⁴⁸ Холерой (лат.).

⁴⁹ Золотой трон Великих Моголов, самый роскошный трон в мире (по описанию европейцев), символ персидской монархии. – Прим. ред.

⁵⁰ То же что кармин и киноварь – красный краситель, получаемый из продуктов обмена насекомого. – Прим. ред.

– А вы, доктор Тробрайдж, что думаете о моей маленькой Мириам? – обратился ко мне Гунонг.

– Она весьма хороша, – ответил я, понимая глупость моих слов.

– Ха-ха, – добродушно рассмеялся он, – вы говорите как консервативный янки, ей-богу. Итак, джентльмены, я кое-что должен вам сообщить. Но сначала, быть может, вы закурите? Полагаю, эти сигары хороши. Я выписываю их из Гаваны. – Он передал нам через стол полированную дорожную кедровую коробочку. – Ну, а теперь, – Гунонг глубоко затянулся, – немного семейной истории, а затем деловое предложение. Вы готовы, джентльмены?

Мы с де Гранденом кивнули, задаваясь вопросом: какова будет следующая глава этого невероятного романа.

5

– Когда мы сегодня так счастливо встретились, – начал наш хозяин своим приятным голосом, – я попросил, чтобы вы называли меня Гунонг Безэр. За отсутствием лучшего, это было просто название моего острова. Фактически, джентльмены, я – *почти* *достопочтенный* Джеймс Абингдон Ричардсон.

– *Parbleu*, мсье, – спросил де Гранден, – что означает «почти достопочтенный»?

Молодой человек выпустил облако ароматного дыма к медному потолку и наблюдал, как он поплыл кверху, и только потом ответил:

– Мой отец был английским миссионером, моя мать – принцесса по рождению. В ней не было малайской крови, доминировала арабская. Ее звали Лейла, Жемчужина Островов.

Мой отец покинул семью, они со старшей сестрой отошли от англиканской церкви и поехали к малайцам, чтобы распространять Евангелие среди невежественных язычников.

Он задумчиво затянулся сигарой и горько улыбнулся.

– Это был величественный мужчина шести футов роста, голубоглазый, кудрявый, с неотразимым голосом и огнем фанатизма, горящим в его сердце. Местное население, как арабы, так и малайцы, внимали его пламенному Евангелию, как в свое время обитатели Аравийской пустыни слушали проповеди Мухаммеда, погонщика верблюдов. Мой дедушка, пиратский принц, владевший мраморным дворцом и тысячей рабов, стал одним из новообращенных и приехал в миссию со своей десятилетней дочерью Лейлой. Он отдал ее в миссионерскую школу обучаться трогательному учению Пророка из Назареи. Она оставалась там четыре года.

Наш хозяин вновь сделал паузу, тихо попыхивая сигарой, видимо, стараясь выстроить свои мысли.

– Уверен, будет правильно назвать моего отца особым священником. Видимо, так. Он отличался от официальных представителей английского духовенства с их охотой на лис и тягой к мирскому.

Как вы знаете, женщины на Востоке созревают быстрее, чем ваши западные женщины. И вот, Лейла, Жемчужина Островов, возвратилась во дворец своего отца с маленьким мальчиком... Благочестивая сестра миссионера выгнала ее из миссии, как только узнала, что ей предстояло стать тетей маленького мальчика, родившегося вне освященного брака.

Старый пиратский принц был разъярен. Он казнил бы свою дочь и ее ребенка-метиса и напал бы на миссию с огнем и кинжалом, но моя мать познала христианское милосердие во время обучения в школе. Она была уверена, если пойти к моему отцу с таким количеством жемчуга, сколько ее руки могли удержать, и рубиновыми ожерельями, сколько может выдержать ее шея, то он примет ее и, как говорится, *гм*, сделает честной женщиной.

Однако то одно, то другое задержали ее на три года, и когда мы добрались до миссии, оказалось, что отец взял в жены английскую леди.

О, он принял драгоценности, принесенные моей матерью – не обидел ее отказом, – и взамен разрешил ей остаться в каморке. Она, родовитая принцесса, мыла полы и пекла хлеб, полностью подчиняясь жене моего отца. Я же, его первенец, подчинялся его законнорожденным младшим сыновьям.

Они были суровы ко мне. Белые мальчики, бывшие моими единокровными братьями, не упустили случая напомнить мне о бесчестии моей матери и моем собственном позоре. Моя мать жила в смирении и терпении; и мне досталась та же участь.

Когда мне было примерно десять лет, кузен моего отца, виконт Абингдон, сломал шею при охоте на лис. Умерев, он не оставил потомства, так что мой отец сделался английским поместным дворянином и возвратился домой, дабы принять титул.

Прежде чем уехать, он предложил моей матери деньги, чтобы отдать меня в обучение в магазин какого-то торговца. Но моя мать, несмотря на многолетнее рабство, все же оставалась принцессой королевской крови. И она помнила Священное писание, чтобы сказать: «Деньги твои в погибель тебе»⁵¹. Она плюнула ему в лицо и вернулась во дворец своего отца, сказав, что муж ее умер.

Меня послали учиться в Англию в школу – да, я учился в государственной школе, в Винчестере, потом поступил в Кембридж, но тут в тысяча девятьсот четырнадцатом вспыхнула война.

Чего ради я должен был бороться за Англию? Что Англия или англичане когда-либо сделали для меня? Это было требование крови – английской крови, наверное. Во всяком случае, я пошел в армию и был официально приписан к лондонскому полку. Всё в те дни было смертью или славой, вы знаете. «За Короля и Страну», и тому подобная чушь. Были стерты расовые различия, и каждый человек, безотносительно его цвета или сословия, был важен. Чушь!

Однажды вечером я зашел в офицерскую палатку и был представлен одному молодому человеку из другого полка. «Лейтенант Ричардсон, – сказал мой капитан, – это лейтенант Ричардсон. Странное совпадение: вы, парни, оба Джеймсы Абингдоны Ричардсоны. Должно быть, вы станете большими друзьями!»

Другой лейтенант Ричардсон осмотрел меня с головы до пят, затем приказал отчетливо, так, чтобы все в комнате могли услышать и понять: «Джеймс, мои ботинки нуждаются в полировке. Займитесь ими!»

Это был тот же самый приказ, который он отдавал мне в школе миссии сто тысяч раз. Он – достопочтенный лейтенант Джеймс Абингдон Ричардсон, *законный* старший сын виконта Абингдона. Я был...

Он прервался, глядя перед собой.

– Началась чертовщина. Офицеры, как вы знаете, не могли драться с другими офицерами... Я был уволен и вернулся на острова.

Дедушка мой умер, осталась только мать. Я вступил во владение всем имуществом. С этого дня я посвятил мою жизнь возмещению долга моему отцу через представителей его расы, встречающихся на моем пути.

Охота довольно хороша, ведь белые – такие глупцы! Судно за судном натыкалось на рифы, иногда следуя за сигнальными ракетами, иногда – за красными и зелеными фонарями там на холме.

Это было выгодно. Почти каждое судно было хорошей добычей. Признаюсь, ваше судно меня разочаровало в смысле денежном, но это компенсировалось удовольствием от вашей компании – уже кое-что.

У меня есть банда папуасов, делающих грязную работу; наградой им время от времени становится поедание нескольких заключенных. Я и сам не возражаю отведать «длинной свиньи», если ее мясо – белое. Но, – он неприятно улыбнулся, – условия пока еще не идеальны. Мне нужно установить в доме электричество, построить беспроводной аппарат, чтобы поймать больше... и, затем, есть еще женский вопрос. Помните, как сказано в Священном Писании: «не хорошо быть человеку одному»?⁵² Я уже познал это.

Старая Умера, та, что играла на барабанах сегодня вечером, и девушка-рабыня Мириам – единственные женщины в этом доме на сей момент, но я это вскоре исправлю.

⁵¹ «Но Петр сказал ему: серебро твое да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги» (Деян. 8:20).

⁵² «И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему» (Быт. 2:18).

Я поеду на один из крупных островов, куплю там несколько самых красивых дев на несколько месяцев и буду жить, как приличествует принцу – пиратскому принцу, каким был мой дедушка.

А теперь, белые, – его учтивость слетела с него как маска, и неукротимая ненависть засверкала в глазах, – мое предложение вам. Прежде, чем обустроить мой гарем, мне нужно заняться обстановкой. Я не могу доверить моим верным слугам сопровождение моих женщин, но вы оба подходите для этого прекрасно. Оба вы хирурги, и сможете произвести необходимые операции на теле друг друга. Мне все равно, кто из вас приступит первый – можете, если хотите, тянуть соломинку. Но это мой приказ, и мои желания являются законом на этом острове.

Мы с де Гранденом глядели на него в безмолвном ужасе, но он не заметил нашего изумления.

– Вы думаете, что можете отказаться, но это не так, – добавил он. – Ван Туну, капитану голландского парохода «Ван Дэм», и его первому помощнику было сделано такое же предложение, но они отказались. Они предпочли разговор с моим маленьким домашним животным. Думаю, они с удовольствием пересмотрели бы свое решение, когда время разговора наступило. В этом доме, единственном месте в мире, волей-неволей белые должны держать свое слово. Они обязаны были выполнить условия нашей сделки, и я могу сказать, престиж белой породы не пострадал.

Но вам, джентльмены, я дам большую возможность для обдумывания, чем голландцам. Я разрешу вам взглянуть на мое домашнее животное, а уж потом принять решение. Я предупреждаю: каково бы ни было ваше решение, вы должны исполнить его. Пойдемте.

Он повернулся к двум вооруженным малайцам за его креслом и пролаял приказ. Немедленно на нас с де Гранденом были направлены пистолеты, и мы поняли, что в случае приказа долго ожидать выстрелов не пришлось бы.

– Пойдемте, – властно приказал Гунонг Безэр, или Ричардсон. – Двигайтесь вперед, оба. И помните, любая попытка сопротивления приведет к пуле в затылок.

Мы прошли вниз по серии одинаковых коридоров, схожих с критским лабиринтом, миновали таинственные каменные двери, тут же захлопывающиеся за нами, потом другие – наши охранники ловко нажимали на скрытые рычаги в полу и стенах.

Наконец, мы очутились на своего рода балюстраде, окаймленной низким каменным бордюром с рядом резных каменных колонн. Ниже, среди крутых скал простирался узкий бассейн с неподвижной водой, а выше, приблизительно в двухстах футах в арке этой естественной пещеры виднелся кусочек звездного небосвода. Туман разошелся, и полная луна нарисовала «лунную дорожку» до нашей пещеры.

– Сюда, милашка, милашка! – позвал наш похититель, наклоняясь между колоннами. – Иди, посмотри на храбрых белых, что могут прийти поиграть с тобой! Сюда, милашка, иди же!

Мы глядели в фиолетовые воды, как потерянные души, заглядывающие в ад, уготованный им. Но никто не показался их глубины.

– Тупая скотина! – воскликнул метис и выхватил пистолет из-за пояса одного из охранников. – Иди же! Черт возьми, давай, когда я тебя зову!

Он бросил пистолет в бассейн.

Мы с де Гранденом в унисон издали вопль ужаса, и я почувствовал, как мой друг судорожно вцепился мне в запястье.

Пистолет был словно раскален: вода закипела от его прикосновения, глубокий иссиня-черный бассейн внезапно проснулся к жизни. На гладкой поверхности появилась рябь, а потом из воды показалось множество грубых щупальцев с огромными бородавками. Толстые, как пожарные шланги, щупальца извивались, словно змеи, время от времени вздымаясь над поверхностью воды. Следом появилось огромное тело монстра, прозрачно-серое, как у медузы, с парой отвратительных белых глаз, уставившихся на нас с жадностью.

– *Nom de Dieu de nom de Dieu!* – выдохнул де Гранден. – Морской дьявол! Гигантский осьминог!

– Именно так, – приветливо отозвался Гунонг Безэр. – Гигантский осьминог. Он хватается все, что ему попадается. У огромного слона, брошенного в воду, не больше шансов, чем у пескаря или, простите за неприятный пример, джентльмены, у вас. Теперь, возможно, вы понимаете, почему капитану Ван Туну и его первому помощнику было жаль, что они не приняли решение приступить, гм, к своим несколько экстраординарным обязанностям. Я не предоставил им такого шанса, как вам. Теперь же вы можете серьезно все обсудить, прежде чем принять решение.

Нет никакой спешки, у вас есть время сегодня вечером – примите решение завтра. Я буду ожидать вашего ответа за ужином. Милые джентльмены, мои парни проводят вас в вашу комнату. Доброй ночи и, гм, приятных снов!

Со смехом он отступил в тень, мы услышали звук закрывающейся потайной каменной двери и оказались на балконе одни.

– *Bon Dieu!* – в отчаянии вскричал де Гранден. – Труубридж, друг мой, как ошибаются люди, говорящие, что дьявол живет в аду! *Parbleu!* Что это?

Шум, его поразивший, исходил от смуглых босых ног.

Безъязыкие молодые люди в роли наших *valets de chambre*⁵³ неохотно повели нас, со страхом поглядывая за балюстраду, где скрывался в своем водном логовище морской дьявол.

– *En bien*, – пожал плечами француз. – Снова эти два чертенка. Ведите нас, *mes enfants*. Любое место лучше, чем этот порог ада.

⁵³ Лакеев (франц.).

6

– Что ж, теперь мы, как говорят американцы, находимся в затруднительном положении, друг мой Тробрэдж, – заявил он, когда уселся в одно из плетеных кресел и закурил сигарету. – Принять шаловливое предложение метиса – значит опозорить себя навсегда, и это неприемлемо. Но и быть съеденным этим дьявольским осьминогом столь же неприемлемо. *Morbleu*, знать бы раньше, я бы потребовал тысячу фунтов в день от этих господ Ллойдов и затем отклонил бы их предложение. Дерьмовая удача, как говорили ваши чудесные солдаты во время войны, друг мой.

Из-под бамбуковой кровати раздался какой-то шорох. Я безучастно уставился на кровать в полном безразличии к любому новому ужасу. Но, несчастный, к такому я готов не был.

Лишенная великолепного одеяния, в простом саронге и жакете из дешевого хлопка, едва прикрывавшем ее великолепное тело, с бусинкой из слоновой кости в носу вместо бриллианта, без всяких драгоценностей, Мириам, танцовщица, выползла из-под кровати и бросилась к ногам де Грандена.

– О, мсье! – произнесла она голосом, наполненным слезами. – Пожалейте меня, прошу вас, умоляю! Будьте милосердны ко мне, как могли бы пожалеть вашу сестру...

– *Morbleu*, дитя мое, о чем вы просите? – спросил де Гранден. – Как могу я пожалеть вас, если даже не могу избежать собственной смерти?

– Убейте меня, – ответила она отчаянно. – Убейте меня сейчас, пока есть время. Смотрите, я принесла вам это, – она отогнула складку дешевого саронга и достала национальный крис, короткий заостренный меч с волнистым лезвием.

– Нанесите мне удар им, – умоляла она, – а потом, при необходимости используйте его для своего друга и для себя; никакой другой надежды нет. Оглянитесь вокруг, разве вы не видите, что нет иного способа умереть в этой тюремной комнате? Когда-то здесь было стеклянное зеркало, но один пленный белый сломал его и преуспел в том, чтобы порезать свои запястья осколками. Он умер. С тех пор у Гунонга Безэра в этой комнате стоит металлическое зеркало.

– *Pardieu*, вы правы, дитя мое, – согласился де Гранден, разглядывая туалетный столик, над которым висело металлическое зеркало. – Но почему вы ищете смерти? Вы также предназначены для осьминога?

Она вздрогнула.

– Однажды, возможно. Пока я сохраняю свою красоту, у меня остаются шансы выжить. Каждый день старая Умера, одноглазая чертовка, учит меня танцевать, и когда я не нравлюсь ей (а ей очень трудно понравиться), она бьет меня бамбуковыми прутами по ступням, так, что я едва могу ходить. И Гунонг Безэр заставляет меня танцевать для него каждую ночь, пока я не валюсь с ног от усталости, и если я не улыбаюсь, когда танцую, или если я утомляюсь слишком быстро, пока он не разрешает мне остановиться, он бьет меня.

Всякий раз, когда судно попадает в его ловушку, он спасает некоторых офицеров и заставляет меня танцевать перед ними. Я знаю, что они должны пойти на корм дьявольскому чудовищу, и все же я должна улыбаться им, или он избьет меня так, что ноги мои будут кровоточить, а старуха будет избивать дальше, когда он устанет.

Мой отец был французом, мсье, хотя я сама родилась в Англии от испанской матери. Мы потеряли все наши деньги во время войны, поскольку мой отец управлял ювелирным магазином в Реймсе, и продажные боши украли все, что он имел. Мы приехали на острова после войны, и мой отец занимался торговлей. Мы возвращались домой на голландском судне «Ван Дэм», когда Гунонг Безэр поймал его в свою ловушку.

Меня он оставил, чтобы обучать местным танцам и мучить – видите, он вставил мне в нос кольцо, как рабыне. – Она подняла дрожащую руку к простой бусине в носу. – Мой отец – о, Бог Израиля! – был скормлен осьминогу на моих глазах мне же в назиданье: я отправлюсь за ним, если не буду покорной всем желаниям Гунонга Безэра.

Что ж, мсье, убейте меня и избавьте от мучений, – закончила она просто.

Пока девушка говорила, на лице де Грандена отразилась целая гамма эмоций: от ужаса до сострадания. Когда она закончила свой рассказ, он выглядел задумчивым.

– Подождите, подождите, моя милая, – попросил он, когда она совала крис в его руку. – Я должен подумать. *Pardieu!* Жюль де Гранден, вы глупец, вы должны думать теперь как никогда прежде!

Он погрузил лицо в ладони и склонил подбородок почти к коленям.

– Скажите мне, моя капусточка, – внезапно спросил он, – они позволяют вам выходить из этого проклятого дома днем, *hein?*

– О, да, – отвечала она. – Я могу пойти куда и когда угодно, если не занимаюсь танцами или не лежу избитой. На этом острове даже каннибалы на берегу не смеют дотронуться до меня из-за страха перед хозяином. Я принадлежу Гунонгу Безэру, а он скормит любого, кто коснется его собственности, огромному морскому дьяволу.

– А почему вы никогда не стремились умереть от своей собственной руки? – спросил подозрительно де Гранден.

– Иудеи не совершают самоубийств, – ответила она гордо. – Умереть от чьей-либо руки не возбраняется – дочь Иеффая умерла так. Но уйти из жизни своими руками, окрашенными в красный цвет своей крови, противозаконно для нас.

– Ах, да, я понимаю, – согласился он с коротким поклоном. – Вы, дети Иакова, стыдитесь так называемых христиан и соблюдаете свои заветы, дитя мое. *Eh bien*, но у всех нас есть совесть, моя красавица.

Давайте-ка рассмотрим: в ваших прогулках по этому ненавистному острову, не видели ли вы около той площадки, где установлены мачты, кустарников с ярко-красными листьями и фруктами как незрелые яблоки, что растут во Франции – низких кустарников с бледно-зелеными плодами?

Девушка задумчиво наморщила белый лоб, затем дважды кивнула.

– Да, – отвечала она. – Я встречала их.

– *Très bien*, – одобрил он. – Путь из этого злого места открывается перед нами, *mes amis*. По крайней мере, у нас есть шанс побороться. Теперь слушайте – и слушайте внимательно, мой маленький апельсинчик. От вашего внимания зависит наша свобода.

Завтра, когда у вас будет возможность покинуть этот дом, пойдите в то место, где растут эти фрукты, и соберите их столько, сколько сможете унести в своем саронге. Принесите эти плоды, *Cocculus indicus*, в дом и разотрите их в пюре в какой-нибудь фляге. В обеденный час вылейте содержимое фляги в воду, где живет осьминог. Не подведите нас, моя маленькая голубка! Добросовестное выполнение этого задания спасет наши жизни, *pardieu!* Если вы это сделаете, то мы не накормим мсье Октопуса собой, поскольку у него будет слишком маленький желудок, *parbleu!*

Когда вы выльете раздавленные фрукты в воду, спрячьтесь где-нибудь в тени и ждите нашего появления. Вы умеете плавать? Хорошо. Мы прыгнем в воду, и вы прыгайте с нами. Мы поплывем к той лодке, которой я собирался воспользоваться, пока мы не встретились с этим великолепным Гунонгом-Безэром-Джеймсом-Абингдоном-Ричардсоном. *Cordieu*, полагаю, что Жюль де Гранден все же не такой дурак, как я думал!

Доброй ночи, и пусть Господь ваших предков охраняет вас этой ночью и все ночи вашей жизни!

7

– Добрый вечер, джентльмены, – приветствовал нас в гостиной Гунонг Безэр следующим вечером. – Вы пришли к какому-то решению?

– Конечно же, – уверил его де Гранден. – Если выбирать несколько минут разговора с осьминогом и целой жизнью, или даже получасом созерцания вашего, не черного, но и не белого, лица, то мы отдаем предпочтение морскому животному. Оно, по крайней мере, делает то, что делает от природы; оно не мерзкая пародия на свой вид. Давайте пойдем в рыбий домик *tout vite*⁵⁴, мсье. Чем скорее мы закончим это дело, тем скорее будем избавлены от вас!

Ледяное самообладание Гунонга Безэра сменилось безумной яростью.

– Вы маленький дурачина! – закричал он. – Я научу вас вежливости! Ха-рум! – Он выкрикнул приказ, пронесшийся эхом по мраморной пещере. – Вы не будете так храбры, когда почувствуете, как его щупальца душат ваше маленькое тело и как его рот отрывает плоть от ваших костей прежде, чем вы потонете!

Он заорал на двух охранников, которые тут же выхватили винтовки и принялись подталкивать нас.

– Вперед, вперед, к гроту! – гневно завопил Гунонг. – Не думайте, что избегнете осьминога, сопротивляясь моим людям. Они не будут стрелять, а только избивать и тянуть вас к бассейну!

– Мсье, французский джентльмен никогда не устрашится смерти, предложенной малайским бастардом. Ведите нас!

Кровь прилила к лицу Гунонга Безэра, он едва сдерживался от ярости, приказывая охранникам тащить нас.

– Господь милосердный, надеюсь, помог нашей красавице исполнить свою работу, – прошептал де Гранден, когда мы остановились на балконе. – Мне не нравится эта часть нашей маленькой пьески. Если наш план потерпел неудачу, *adieu!* – И он поспешно сжал мне руку.

– Кто отправится первым? – спросил Гунонг Безэр.

– *Pardieu*, вы! – крикнул де Гранден и прежде, чем кто-либо понял его намерение, двинул своим маленьким кулачком в лицо изумленного метиса, разбив его в кровь, а потом схватил Гунонга за талию и бросил в черную воду. – Давайте, Трубридж! Нырять и плывите! Это наш единственный шанс!

Я не стал ждать второго предложения и прыгнул как можно дальше. Я плыл к дальнему концу пещеры, стараясь держать голову как можно ближе к воде.

Ужас окружил меня. В каждый миг я ожидал, что одно из склизких щупалец монстра схватит меня и утянет в глубину. Но чудовищное тело не поднялось из воды, никакие щупальца не настигли меня. Напротив, этот бассейн был столь же безопасен, как и любая из тысяч скалистых пещер на вулканическом побережье Малайских островов.

Пули хлестали справа и слева, рикошетом отскакивая от каменных стен. Но света было мало, и малайские стрелки потерпели неудачу.

– *Triomphe!* – объявил де Гранден, выплевывая воду, когда мы очутились на прибрежной гальке. – Мириам, моя красавица, вы здесь?

– Да, – ответил голос из темноты. – Я сделала, как вы велели, мсье, и огромный дьявол ушел на глубину, отведав толченые фрукты. Увидев, что он мертв, я не стала ждать и поплыла сюда.

– Это правильно, – согласился де Гранден. – Одна из пуль могла попасть в вас. Эти малайцы отвратительные стрелки, но бывают и несчастные случаи.

⁵⁴ Как можно быстрее (*франц.*).

– А теперь, мсье, – он обратился к обмякшему кулю, который буксировал позади себя, – у меня есть к вам маленькое деловое предложение. Вы можете сопровождать нас и отправиться к голландцам или британцам, чтобы быть повешенным, как грязный пират. Либо вы можете побороться за свою жалкую жизнь здесь и сейчас.

– Я не могу бороться с вами сейчас, – отвечал Гунонг Безэр. – Со своим трусливым джигитсу вы сломали мне руку, обманув и напав без предупреждения.

– Вот как? Какая неудача! *Mordieu*, каков негодяй!

Евразиец внезапно выхватил из сюртука нож и напал на де Грандена. С проворством кошки француз уклонился от удара и захватил его запястье. Другой рукой он жестко поразил Гунонга в горло, и тот беспомощно растянулся на песке.

– Сопроводите мадемуазель! – сказал мне де Гранден. – Ей не нужно видеть то, что я собираюсь сделать.

Раздались звуки драки, затем ужасное горловое хрипение.

– *Fini!* – беспечно заметил де Гранден, отмывая руки от темных пятен.

– Вы... – начал было я.

– *Mais certainement*, – с легкостью ответил он. – Я перерезал ему горло по всей длине. А что вы имеете против? Он был бешеной собакой – почему он должен продолжить жить?

Мы поспешили по пляжу к моторному катеру, пришвартованному у грота, и завели его.

– Куда это мы? – спросил я, когда де Гранден начал огибать скалистый мыс.

– Вы забыли, *cher* Труубридж, что у нас есть счет к этим каннибалам?

Мы быстро уладили дело. Подойдя близко к берегу, де Гранден закричал папуасам. Те вскоре выбежали, как сердитые пчелы из улья.

– *Sa ha, messieurs*, – кричал де Гранден. – Сегодня мы дадим вам другую еду! Жрите ее, *sacré canaille*⁵⁵, жрите!

Пулемет Льюиса лаял и захлебывался. С пляжа слышался хор криков и стонов.

– Что ж, отлично, – объявил де Гранден. – Они больше не станут есть белых женщин. Я все еще верю урокам, полученным в школе, и теперь скажу: они разделили гостеприимство дьявола со своим покойным хозяином.

– Но расскажите, что там было? – потребовал я объяснений, когда мы вышли в открытое море. – Что вы велели Мириам бросить в воду с осьминогом, де Гранден?

Он хихикнул.

– Если бы вы изучали биологию столько же пристально, как я, друг мой Труубридж, вы бы знали о прекрасном кустарнике *Cocculus indicus*⁵⁶. Ленивые аборигены полинезийских остров используют его плоды, чтобы умерщвлять рыбу у берега – так же, как мы убили оплаканного Гунонгом Безэром осьминога. Я заметил этот кустарник на острове, а когда узнал, что наша прекрасная иудейка может свободно гулять по острову, сказал себе: «Черт возьми, почему этот яд не откроет нам путь к свободе? *Voilà tout!*⁵⁷»

Проплывающий мимо голландский пароход подобрал нас два дня спустя. Пассажиры и команда широко открывали рты, пялясь на королевскую красоту Мириам и сомневались в правдивости истории де Грандена.

– *Pardieu!* – как-то ночью на палубе доверился он мне. – Боюсь, эти голландцы заблуждаются на мой счет, друг мой Труубридж. Быть может, мне надо порезать их уши в длину, чтобы научить уважать слово француза?

⁵⁵ В своей манере де Гранден говорит что-то вроде «Священные мерзавцы!». – *Прим. ред.*

⁵⁶ Кукольван индийский или рыболовная ягода. Ядовитое растение, встречается в Индии и на близлежащих островах. – *Прим. ред.*

⁵⁷ Вот и всё! (*франц.*)

Полгода спустя посыльный *Western Union* вошел в мой кабинет в Харрисонвилле и вручил голубой конверт. «Распишитесь», – сказал он.

Я разорвал конверт и прочел:

Сегодня вечером Мириам произвела сенсацию в Folies Bérgères⁵⁸. Мои поздравления! – Де Гранден.

⁵⁸ «Фоли-Бержер» – знаменитое варьете и кабаре в Париже. – *Прим. ред.*

Месть из Индии

Весь день мартовский ветер бормотал и рычал, как гигант, мучимый зубной болью. Когда опустилась тьма, он начал повышать голос. К девяти часам он визжал и кричал, как миллиард банши, страдающих *cholera morbus*. Я сел поближе к камину с горящим углем и попытался сосредоточиться на книге, забыть о воплях ветра и несчастьях дня, – но это не помогало.

Внезапно показалось, что к вою ветра примешался хриплый звук автомобильной сирены, а через мгновение последовал грохот перед входной дверью, как будто кто-то стоял снаружи и бил в панель со страшной силой.

– Если вы удивляться, сор, – сказала Нора, моя горничная, сунув нос в полуоткрытую дверь кабинета, – там жантельмен хочет видеть вас – итальянец, думаю так.

Нора сильно не одобряет «неместных» вообще, и итальянцев в частности, и когда они приходят – как они часто делают, – чтобы вызывать меня из дома в бушующую ночь, ее неодобрение не скрывается ни от посетителей, ни от меня.

Однако сегодня вечером я приветствовал такое вторжение чем-то вроде вздоха облегчения. Действия любого рода, даже путешествие на дюжину миль, чтобы обследовать итальянских рабочих, сломавших конечности, без особых надежд на компенсацию, обеспечили бы милостивое освобождение от тоски, охватившей меня.

– Приведите его, – приказал я.

– *Parbleu!* – воскликнул голос позади нее. – Он уже здесь! Вы думали, друг мой, что раз уж я пустился в путь в такую ночь, то буду ждать, пока обо мне доложит прислуга?

Я с восторгом вскочил с кресла и пожал обе тонкие руки моего визитера.

– Де Гранден! – восхищенно воскликнул я. – Жюль де Гранден! Что вы здесь делаете? Я думал, вы сейчас в своей лаборатории в Сорбонне.

– Нет-нет, – подтвердил он, передавая Норе мокрую шляпу и плащ и садясь у огня напротив меня. – В этом мире нет никакого покоя от злодеев, друг мой, а для Жюля де Грандена покоя нет вообще. Едва мы покончили с этим злодейским Гунонгом Безэром, как я срочно был послан в Бразилию, а когда моя работа была завершена, меня позвали в Нью-Йорк рассказать о моих экспериментах перед вашей ассоциацией врачей. *Eh bien*, боюсь, что я не увижу свою мирную лабораторию какое-то время, друг мой.

– О, так вы были в Бразилии? – задумчиво спросил я.

– Тробрэйдж, друг мой! – он импульсивно всплеснул руками. – Упоминание об этой стране вас огорчает? Скажите, чем я могу помочь?

– Хм, боюсь, что нет, – грустно ответил я. – Это странное совпадение: ваше прибытие оттуда сегодня. Видите ли, моя пациентка, бразильская леди, умерла сегодня, и о том, что убило ее, я знаю не больше, чем африканский бушмен о небулярной гипотезе⁵⁹.

– О-ля-ля! – усмехнулся он. – Друг мой Тробрэйдж, чтобы увидеть вас, стоит и дважды попутешествовать по всему миру. Сорок лет практики, и он беспокоится о неправильном диагнозе! Мой дорогой друг, разве вы не знаете единственного правдивого свидетельства, которое когда-либо давал врач, причиной смерти записывая «неизвестно»?

– Полагаю, так, – согласился я, – но этот случай необычен, де Гранден. Эти люди, Дриго, живут здесь всего несколько недель, и о них практически ничего не известно, за исключением того, что у них, похоже, много денег. Сегодня утром, около одиннадцати часов, меня вызвали к их единственному ребенку, дочери около восемнадцати лет, которую мы нашли в каком-то оцепенении. Не обморок, и еще не глубокая депрессия, просто сонное состояние, как у любой молодой женщины глубокой ночью. Никакой необычной деятельности с ее стороны не было:

⁵⁹ Теория, которая предполагает, что Солнечная система сформировалась из туманности. – *Прим. ред.*

она легла спать в свой урочный час накануне вечером и, по-видимому, пребывала в добром здравии еще за час, когда меня вызвали. Я не видел причин для врачебного вмешательства, скажу вам правду, потому что ее состояние не выглядело хоть сколько-нибудь серьезным, и, прежде чем я смог успокоить ее родителей и покинуть дом, она заснула. *Умерла менее чем за десять минут, потому что появился здоровый, естественный сон!*

– А-а-а? – отвечал он, повышая голос. – Это заинтересовало меня, друг мой. Это, пожалуй, новая, острая форма сонной болезни, с которой мы здесь столкнулись. Пойдемте, можете ли вы придумать какой-то повод пойти в дом к этим людям? Я бы задал им вопросы. Пожалуй, мы научимся чему-то на благо науки.

Я собрался было возражать, когда затрезвонил телефон.

– Доктор Трубридж, – раздался голос на другом конце провода, – говорит Джонстон, гробовщик. Можете ли вы прийти к Дриго, чтобы подписать свидетельство о смерти, или я привезу его к вам завтра? Я не могу получить информацию от этих людей. Они даже не знают, от чего умерла их дочь.

«Я тоже», – пробормотал я про себя, но вслух сказал:

– Да, мистер Джонстон, я сейчас приеду. У меня мой друг, тоже врач, я приведу его.

– Хорошо, – ответил он. – Когда мне придется снова спорить с этими даго⁶⁰, мне понадобится и вы, и ваш друг, чтобы подлечить мои нервы.

Одетая в платье из бесценного старого кружева, с белой сетчатой мантильей на гладких уложенных черных волосах, Рамалья Дриго лежала в искусно сделанном открытом гробу из красного дерева. Ее изящные, олеандрово-белые руки крест-накрест покоились на девственной груди; четки резного черного дерева, оканчивающиеся серебряным крестиком, переплетались в ее восковых пальцах.

– *Bon Dieu*, – вздохнул де Гранден, наклонившись над совершенным овальным лицом девушки. – Она была прекрасна, бедняжка! *Hélas*, она должна была умереть так рано!

Я пробормотал согласие, взял форму заключения, которую мистер Джонстон предложил мне, и написал «неизвестна» в пространстве, предназначенном для указания причины смерти, и «около полудня» в месте, выделенном для указания продолжительности последней болезни.

– Черт возьми, док, он странный, ваш друг-иностранец, – прокомментировал гробовщик, привлекая мое внимание толчком и кивая в сторону де Грандена. Маленький француз склонился над гробом, его пшеничные вощенные усы подергивались, как у настороженного кота; его тонкие женственные руки вопросительно поглаживали руки и грудь девушки, как будто они искали ключ к ее таинственной смерти под складками ее одежды.

– Он странный, – согласился я, – но здесь все в порядке. Я никогда не видел, чтобы он делал что-то без причины. Зачем...

Неуверенные шаги в зале прервали мое замечание, и мистер Дриго вошел в гостиную.

– Добрый вечер, доктор Трубридж, – приветствовал он меня с учтивым поклоном.

– Доктор де Гранден, – представил я француза.

– Для меня большая честь познакомиться с вами.

Де Гранден кивнул с рассеянной любезностью и отвернулся, шепотом обратившись к мистеру Джонстону.

– Вы бальзамировщик, друг мой? – спросил он почти с нетерпением, как мне показалось.

– Да, – удивился тот. – Мне выдана лицензия на практику на десять лет.

– И в этой стране принято бальзамировать мертвых, да? – настаивал де Гранден.

– Да, сэр. Но иногда...

– И когда бальзамирование не производится, это исключение, а не правило?

– Решительно, но...

⁶⁰ Презрительная кличка итальянца, испанца, португальца (*амер.*).

– Вы, конечно, бальзамировали бы, если бы прямо не было предписано обратное?

– Да, – признался Джонстон.

– Значит, это мсье Дриго запретил вам бальзамировать свою дочь?

Гроровщика будто иглой укололи.

– Как вы узнали? – спросил он.

Тень одной из его презрительных улыбок мелькнула на лице де Грандена, но ее немедленно заменили взглядом, более подходящим для этого случая.

– Во Франции, друг мой, – поведал он, – в отличие от Америки, бальзамирование по-прежнему остается редкостью. Но в Париже у нас есть молодой человек, канадец, который сохраняет мертвых как живых, и я у него многому научился. Я, например, узнал, что вы вводите сохраняющие растворы в плечевую, сонную, подмышечную или бедренную артерии. *Très bien*, если бы вы бальзамировали этого бедного ребенка, вы использовали бы одну из этих артерий, *n'est-ce-pas?* Вероятно, по американским законам не используют бедренную артерию для бальзамирования женского тела. Поэтому я осмотрел ее, чтобы убедиться, что вы перевязали руку или грудь этого бедного мертвого ребенка, что вы вставили свою жидкостную трубку в одну из артерий. Я не вижу повязки; я чувствую ее щеки, они крепкие, как жизнь. Поэтому я решаю, что бальзамирование не было сделано, и, зная ваш обычай здесь, я прошу узнать, кто распорядился об обратном. *Voilà*, это не волшебство дало мне знание, а обычный жизненный опыт.

Он взял меня за локоть.

– Пойдемте, друг мой Труубридж, – объявил он. – Здесь мы больше ничего не сможем поделаться. Оставим этот печальный дом скорби. Завтра, или на следующий день, возможно, у вас будет больше таких таинственных случаев, и мы сможем изучить их вместе. Между тем, давайте оставим то, чему не можем помочь.

Мы втроем, Джонстон, де Гранден и я, собирались уйти из дома, когда француз остановился, пристально глядя на живописный погрудный портрет, висящей на стене зала.

– Мсье Дриго, – спросил он, – простите мое неприличное любопытство, но кто этот джентльмен?

Что-то вроде ужаса появилось на лице того. Он ответил:

– Мой дедушка, сэр.

– Ах, но мсье, – возразил де Гранден, – этот джентльмен, он носит британскую форму, не так ли?

– Да, – ответил Дриго. – Отец моей матери был британским офицером, ее мать была португалкой.

– Спасибо, – быстро сказал де Гранден и последовал за мной через входную дверь.

На следующий день на маленьком кладбище при католической часовне хоронили Рамалью Дриго. Это была мрачная церемония, никто, кроме старого священника, семьи Дриго, де Грандена и меня, не присутствовал. Лишь плачущий мартовский ветер, казалось, вторил нашим тяжелым мыслям, качая ветвями безлистных ломбардских тополей.

– Это кладбище – старое? – предположил де Гранден, когда мы возвращались из церкви в мой дом после краткого выезда.

– Очень старое, – согласился я. – Святой Бенедикт является одним из самых ранних католических приходов в Нью-Джерси, и кладбище – одним из немногих в этом районе, относящимся к дням колоний.

– А вы не замечали в последнее время каких-нибудь странных цветных людей по соседству? – спросил он невпопад.

– Странных цветных людей? – повторил я. – Куда вас заносит, де Гранден? Сначала вы спрашиваете меня, старое ли кладбище, затем вы идете по касательной и хотите знать, есть ли тут какие-то странные негры по соседству. Вы...

– Скажите мне, друг мой, – прервал он меня, – как бедная мертвая девушка проводила время? Много ли она гуляла по деревне? Часто ли уходила по ночам?

– Ради всего святого! – я с удивлением посмотрел на него и чуть не пустил машину в придорожную канаву. – Вы полностью потеряли свой разум, или пытаетесь понять, насколько вы глупы? Я никогда не слышал таких бессвязных вопросов!

– А вы никогда не слышали, что самый длинный путь, как правило, – самый короткий путь домой, – добавил он. – Поверьте мне, друг мой, я не задаю бесцельных вопросов. Нет-нет, это не мой метод. Что ж, если вы меня высадите, я пройду через деревню и попытаюсь собрать какую-нибудь информацию. Мое уважение вашей любезной кухарке, пожалуйста. И попросите, чтобы она приготовила свой замечательный яблочный пирог на ужин. Я буду дома к ужину, не волнуйтесь.

Он был так же хорош, как и его слово. За двадцать минут до ужина он поспешно вошел в дом, его щеки покраснелись от быстрой ходьбы на холодном мартовском воздухе. Но что-то в его манере, его нервных быстрых движениях, его подавляемом волнении, говорило мне, что он был на пути разгадки какой-то свежей тайны.

– Ну, так как? – спросил я, когда мы перешли в библиотеку после ужина. – Вы услышали что-нибудь о странных цветных людях, которые так обеспокоили вас сегодня днем?

Я не мог удержаться от злой ухмылки, когда напомнил о его бесчувственном вопросе.

– Ну, конечно, – повернулся он ко мне, когда зажег французскую сигарету и пустил облако едкого дыма к потолку. – Разве я не Жюль де Гранден, и разве Жюль де Гранден не получает ту информацию, которую ищет? Всегда? Несомненно.

Он рассмеялся изумленному взгляду, которым я приветствовал его эгоистическую реплику.

– Ля-ля, друг мой Троубридж, – воскликнул он, – вы так забавны! Всегда, вы, американцы и англичане, считаете, что у вас все под идеальным контролем, но я могу играть на вас, как арфист играет на своих струнах. Когда вы поймете, что мое честное, заслуженное самоуважение – это не пустое хвастовство?

Он отбросил свою шутивную манеру и внезапно наклонился вперед.

– Что вы знаете о Кладбище святого Бенедикта? – спросил он.

– Э, Святого Бенедикта? – повторил я, не в силах ответить.

– Именно, точно, – подтвердил он. – Вы, например, знаете, что под землей возле старой часовни находятся древние гробницы – сводчатые, с обнесенными кирпичом переходами?

– Нет, – ответил я. – Никогда не слышал об этом.

– Ах, вот как? – саркастически сказал он. – всю свою жизнь вы живете здесь, но ничего не знаете об этой достопримечательности. По правде говоря, боюсь, я не сказал и половины во славу Жюля де Грандена. И, поскольку вы ничего не знаете о гробницах, я полагаю, вы не знаете и о том, что, когда семья Дриго стала принятой в общину Святого Бенедикта, они купили право на скамью в церкви, а вместе с ней и лицензию на похороны своих мертвецов в одной из старых гробниц. Э, вы этого не знали?

– Конечно, нет, – отвечал я. – Я врач, а не детектив, де Гранден. Почему я должен заглядывать в личные дела моих пациентов?

– Гм, почему? – повторил он. Затем продолжил, с резкой сменой предмета: – Вы слышали новую гипотезу Бейнхауэра о катаболизме?⁶¹ Нет?

⁶¹ Катаболизм (деструктивный метаболизм) – процесс расщепления сложных веществ на более простые, сопровождается выделением энергии. – *Прим. ред.*

И с этим он начал длинное и весьма научное объяснение теории деструктивного метаболизма Аустриана, и все мои усилия вернуть его к рассказу об открытиях сегодняшнего дня были напрасны.

– Довольно плохие дела дошли и до кладбища, не так ли, док? – сказал почтальон, когда на следующий день по дороге я проходил мимо него на утренние вызовы.

– Что такое? – спросил я испуганно. – Что случилось?

Он улыбнулся с сознательным превосходством того, у кого есть интересные сплетни для розничной торговли.

– Эта девушка Дриго, – он направил указательный палец в сторону дома Дриго. – Та, что давеча умерла. Какие-то расхитители могил, должно быть, выкопали ее прошлой ночью, потому что церковный сторож Святого Бенедикта обнаружил ее вуальку на земле. Как я слышал, они собираются вскрыть могилу сегодня днем, чтобы узнать, там ли все еще ее тело. Разумеется, они не найдут ничего. Похитители тел обычно не оставляют ничего после себя.

– Боже мой! – воскликнул я. – Расхитители могил?

– Ага. Вот так вот говорят.

Я поспешил по своим делам, и мои мысли мчались быстрее, чем колеса автомобиля. Это было вполне вероятно. Сплетни о таинственной причине смерти девушки должны были распространиться, и ее прекрасное тело могло оказаться непреодолимо привлекательной приманкой для какого-нибудь анатома со страстью к исследованиям болезней. На моей первой остановке я позвонил домой и рассказал об этом де Грандену.

– *Cordieu!* Это так! – крикнул он в ответ. – Тогда я выиграл свою ставку!

– Вы... что? – недоверчиво спросил я.

– Прошлой ночью, когда я узнал то, что узнал, я поспорил с собой, что она не останется в могиле, – ответил он. – Теперь я победил. Сегодня днем я собираюсь засвидетельствовать эксгумацию, но это немного больше, чем пустая трата времени. Ее там не будет. На это я и поставил десять франков.

– Какого дьявола... – начал было я, но резкий щелчок сказал мне, что он повесил трубку.

Через три минуты, когда я восстановил связь с домом, Нора сказала мне, что «иноземный жантльмен пошел по дороге на кладбище»...

К четырем часам дня вся деревня жужжала от ужасных известий о вскрытии могилы Рамальи Дриго. Отец Ламфьер, пожилой приходский священник Святого Бенедикта, заламывал руки в душевных муках за сбитых с толку родителей девушки. Артур Лестертон, окружной прокурор, пообещал законное отпущение злоумышленникам. Даффи, начальник полиции, дал интервью репортеру нашей единственной вечерней газеты, в котором говорилось, что у полиции несколько подозреваемых под наблюдением, и ожидается, что вскоре начнутся аресты. Возмущение было всеобщим. Все делали бесконечные неосуществимые предложения, и никто ничего не делал. Во всем городе были только два спокойных человека: Рикардо Дриго, отец Рамальи, и Жюль де Гранден.

Дриго любезно поблагодарил меня, когда я выразил сочувствие его несчастью, и тихо сказал:

– Это судьба, доктор. Этого нельзя избежать.

Де Гранден кивнул один или два раза и ничего не сказал. Но блеск его маленьких голубых глаз и случайное нервное подергивание его тонких белых рук подсказали мне, что внутри в нем все кипит.

Мы ужинали в тишине: я без аппетита, де Гранден с удовольствием, которое мне казалось в этой обстановке едва ли достойным.

После ужина мы взяли себе по книге в библиотеке, и несколько часов прошли в мрачной тишине.

– Приближается время, Трубридж, друг мой! – внезапно воскликнул де Гранден, захлопнув книгу и вставая со стула.

– Э-э? – удивился я.

– Мы идем, мы наблюдаем, возможно, мы найдем ответ на эту *sacré* загадку сегодня, – ответил он.

– Идти? Наблюдать? – глухо отозвался я.

– Ну, конечно. Можно ли все время ходить туда и сюда, сидеть сложа руки, когда появилась возможность действовать? Ваше пальто, друг мой, и вашу шляпу! Мы едем к этому Кладбищу святого Бенедикта. Сразу, сразу, сразу. В эту ночь, пожалуй, я покажу вам то, чего вы никогда раньше не видели.

Церковное Кладбище святого Бенедикта было осияно холодным ужасным светом, когда я припарковал свою машину рядом с полуразрушенным забором, отделяющим маленький погост от дороги. Освещенные надгробные плиты торчали из мертвой зимней травы, как кости, давно иссушенные на каком-то древнем поле битвы, пятна морозного инея стелились проказой на дерне. И, смешиваясь со стенами ночного ветра в тополях, раздавался, как плач земного духа, пронзительный крик совы.

– Внимательней, друг мой, – тихо предупредил де Гранден, карабкаясь через забор и пробираясь между могилами. – Земля здесь предательская. Один неверный шаг, и – пух! – ваша нога сломана посреди всех этих смертей.

Я следовал за ним так быстро, как только мог, пока его поднятая рука не остановила меня.

– Здесь мы увидим, что увидим, если мы действительно это увидим, – пообещал он, опустившись на мох у ствола большой сосны. – Наблюдайте за этим памятником, вон там! *Bien*, мы должны быть особенно внимательны этой ночью.

Я узнал надгробный памятник, который, как он указал, стоял в захоронении Дригосов. Это был один из стариннейших памятников кладбища, похожий на каменный стол. Он состоял из плоской горизонтальной плиты, возложенной на четыре куса мрамора, с именами и датами жизни членов семьи. Я припомнил, что могильное место первоначально принадлежало семье Бувье, но последний из них ушел на покой задолго до моего рождения. Всматриваясь в старый памятник, я подумал: а что сейчас поделявает мой спутник? Но, снова отвлекшись, обернулся к дороге, по щебню которой прогрохотал автомобиль.

Где-то в городе часы на башне начали бить полночь. Бонг, бонг, бонг – шестнадцать звуков отбили полный час, за этим последовал глубокий резонансный бум колокола в двенадцать ударов. Один, два, три...

– *Regardez!* – тонкие пальцы де Грандена сжали мою руку, когда он прошептал команду. Дрожь, и не из-за сырого мартовского воздуха, промчалась по моему позвоночнику и затылку, поднимая короткие волосы выше воротника плаща, словно электрический ток.

За гробницей Бувье, как колонна тумана, слишком плотная, чтобы рассеяться ветром, но почти неощутимая, чтобы ее можно было увидеть, поднялась стройная белая фигура, и стала *приближаться к нам*.

– Боже мой! – вскричал я задыхающимся голосом, отворачиваясь от де Грандена с непроизвольным, необоснованным страхом живых перед ожившими мертвецами. – Что это?

– *Zut!* – Он стряхнул мои руки, подобно тому, как взрослый мог отмахнуться от ребенка во время чрезвычайной ситуации. – *Attendez, mon ami!*⁶²

⁶² Внимание, друг мой! (франц.)

Кошачьими прыжками он бросился через могилы навстречу приближающемуся призраку. Клик! Луч его карманного электрического фонарика ударил прямо в лицо призрака. Я вздрогнул от ужаса, когда узнал черты лица и светящиеся, полные смерти глаза...

– Рамалья Дриго, смотри на меня, я приказываю! – голос де Грандена звучал пронзительно, грубо и повелительно.

Подойдя к нему, я увидел, что его голубые глазки почти вылезли из орбит, когда он пристально уставился на мертвое лицо перед собой. Вошьенные концы его пшеничных усиков поднимались вверх, как рога перевернутого серпа, а губы растягивали слова:

– Смотри-на-меня-Рамалья-Дриго-я-приказываю-тебе!

Что-то вроде судороги коснулось вялых щек мертвой девушки. На мгновение в ее подернутых пеленой глазах мелькнуло сознание. Затем лицо снова подверглось вялости смерти, веки наполовину прикрыли глаза, и все тело смялось, как восковая фигура, под внезапной тепловой атакой.

– Держите ее, Трубридж, друг мой! – взволнованно произнес де Гранден. – Отнесите бедняжку в дом отца и уложите в постель. Я приду, как только освобожусь, а пока у меня еще есть работа.

Положив фонарик в карман, он вынул небольшой свисток и трижды пронзительно свистнул.

– *À moi, sergent! À moi, mes enfants!*⁶³ – позвал он. Свисток упал и покатился по надгробию под его ногами.

Когда я нес светлое, измятое тело Рамальи Дриго в сторону кладбищенских ворот, я слышал, как из-за кустарников раздались хриплые команды, увидел дикий, жадный оскал полицейских собак, напрягающихся на поводке. Бегом пронесся кто-то в форме, и я разглядел фигуру полицейского, мчащегося к де Грандену и размахивающего дубинкой. Что-то холодное, как глина, коснулось моего лица. Это была маленькая рука Рамальи на моей щеке, я поймал ее, когда она упала, свесившись между ее телом и моим плечом. Переместив ее вес на одну руку, я взял бедную мертвую ладонь в свою, и затем застыл, как статуя позади меня. Слабый, – настолько слабый, что едва ли можно было услышать, – пульс бился в ее запястье.

– Господи! – чуть не крикнул я в ночи. – Милосердные небеса, ребенок жив!

Со скоростью, – так я не спешил с тех пор, как служил хирургом «скорой помощи», – я отнес ее к ожидающей нас машине, завел мотор и поехал в дом ее отца, не ограничивая скорость и рассчитывая только на максимальную мощность моего двигателя.

Устремившись к двери, я поднял семью Дриго с постелей, отнес бесчувственную девушку наверх и закутал ее шерстяными одеялами, между которыми к ногам и спине приложил бутылки и грелки с горячей водой.

Десять-пятнадцать минут я наблюдал за ней, вводя каждые пять минут подкожные инъекции стрихнина. Постепенно, как тень рассвета, поднимающегося над зимним горизонтом, на ее бледных губах и щеках появился слабый приток циркулирующей крови.

Стоя сбоку от меня, Рикардо Дриго смотрел сначала апатично, потом загорелся, наконец, лихорадкой слабой надежды и страха. Когда слабое дыхание затрепетало в груди девушки, он упал на колени рядом с кроватью, спрятал лицо в руки и громко всхлипывал в истерической радости.

– О, Господь небесный, – молился он между рыданиями. – Вознагради, умоляю тебя, доктора де Грандена, ведь он не такой, как другие люди!

– *Tiens*, друг мой, вы говорите правду! – согласился довольный голос из дверного проема позади нас. – Определенно, Жюль де Гранден – очень замечательный человек. Но если вы

⁶³ Ко мне, сержант! Ко мне, ребята! (франц.)

ищите какого-то некроманта, вам лучше поискать в другом месте. Этот де Гранден – он ученый, и только. *Cordieu!* Этого достаточно!

– ... *Par la barbe d'un corbeau*, мсье, но этот портвейн восхитителен! – заверил де Гранден Дриго через три часа, когда подавал свой бокал через стол для пополнения. – И эти сигары такие божественные, – он всплеснул обеими руками в немом восторге. – *Parbleu*, я мог сразу выкурить три и сожалеть, что мой рот не вмещал четвертую!

Но я вижу, что наш добрый друг Трубридж становится беспокойным. Он хотел бы знать всю историю с самого начала. Хорошо!

Как я сказал моему другу Трубриджу, на днях я приехал в Нью-Йорк из Рио. Пока я был в этом великолепном бразильском городе, я познакомился более чем с одним полицейским *delegado*⁶⁴, и от них я услышал много странных вещей. Например, – на мгновение он пристально посмотрел на Дриго. – Я услышал тайну португальского джентльмена, который приехал в Бразилию из Восточной Африки и занял прекрасный дом в Прайя Ботафого, поселившись в нем до того, как мебель была перевезена. Пред тем, как этот джентльмен жил в Африке, он жил в Индии. На самом деле он родился там.

Почему он покинул прекрасный город Рио, полиция не знала. Но у них была история от одного из детективов, что этот джентльмен внезапно встретился лицом к лицу с матросом-индусом с одного из кораблей, когда он с дочерью ходил по магазинам в Оувидоре. Индус, как говорили, только посмотрел на дочь и засмеялся в лицо отца. Но этого было достаточно: на следующий день он покинул Рио, этот джентльмен. И он, и его семья, и все его слуги. Он уехал в Соединенные Штаты, хотя никто не знал, в какую часть и почему.

Eh bien, это был один из фрагментов тайны, которые мы в *Service de Sûreté* постоянно встречаем – маленький случай из жизни, без начала и конца, без предков или потомков. Неважно, я сохранил его в своем мозгу для дальнейшего использования. Рано или поздно все, что мы помним, приходит в голову, *n'est-ce-pas?*

Когда я увидел своего дорогого друга Трубриджа, он очень долго смотрел мне в лицо. Одна из его пациенток, бразильянка, умерла в тот же день, и он не мог объяснить ее смерть. Но его история звучала интересно, и я подумал, может быть, я узнаю что-то новое, поэтому я попросил его дать мне возможность расследовать.

Когда мы пришли в дом, где лежала эта мертвая леди, я был поражен – *как* она выглядела. А я помню, что большинство американских мертвецов почти мгновенно бальзамируются для погребения. Я прикоснулся к ее лицу, у него не было твердости плоти с формальдегидом. Затем я нащупывал раны, которые мог нанести бальзамировщик – но не нашел их. Еще одна вещь, которую я нашел: ее лицо было холодным, холодным, как окружающий воздух. «Как это происходит?» – спросил Жюль де Гранден Жюль де Грандена, но ответа не было вообще.

Когда мой дорогой Трубридж и я покидали этот дом смерти, я увидел портрет джентльмена, который очень похож на нашего хозяина, но который носил такую униформу, которую носили в британской армии. Но не совсем. Там была разница, но какая – я тогда не смог сказать.

Я спросил господина Дриго, кто был этот красивый джентльмен, и он ответил: «Это мой дедушка».

В ту ночь я много думал. Наконец, я поверил, что нить этой тайны в моих руках. Я собрал свои знания, и вот то, что у меня оказалось:

Униформу на портрете джентльмена носили не в британской армии, а в Британской Ост-Индской компании. Так. Теперь: он был человеком среднего возраста, красивым джентльменом, который носил знаки отличия артиллериста на своей униформе, и, судя по очевидному возрасту внука, он должен был жить во времена американской Гражданской войны. Очень хорошо. А что происходило в Индии, где тогда этот джентльмен с портрета жил? Я подумал

⁶⁴ Представителем (*исп.*).

еще немного. И затем Жюль де Гранден сказал Жюлю де Грандену: «Ты одна большая пустая голова: именно в тысяча восемьсот пятьдесят седьмом году войска сипаев восстали против англичан в Индии».

Да? И что тогда? На этот раз в истории англичане действовали с чувством. Они встречали индийских повстанцев теми же мерами, которые применяли к ним мятежники. За зверства Нана Сахиб они взяли на себя последовательную месть, привязав этих мятежников к жерлам пушек, и – пух! – скоро все закончилось, когда орудия выстрелили.

Все идет нормально. Что тогда? Эти индийцы – мстительная раса. Они питают ненависть во многих поколениях. Это я знаю. И знаю кое-что еще. В Индии они иногда за деньги гипнотизируют мужчину – или, возможно, женщину – и хоронят его как бы мертвым в землю. Так надолго, что кукуруза, посаженная над его могилой, укореняется и вырастает на несколько дюймов в высоту.

Я видел это своими глазами. Также я помню, что некто полковник Эйнсворт, английский джентльмен, который командовал некоторыми из пушек, из которых эти мятежники были взорваны, по-видимому, умер в своем английском доме в семьдесят пятом году, но *через десять дней вернулся из семейного склепа*.

Он почти сошел с ума от этого опыта, хотя был, в конце концов, спасен. Два года спустя он прошел той же страшной судьбой. Он был похоронен как мертвый и снова вернулся к жизни. И всякий раз, прежде чем он принимал свою кажущуюся смерть, он сталкивался с индусом на дороге. Наконец, он больше не выдержал напряжения: застрелился, и не столкнулся с ужасом третьего захоронения заживо.

Люди, которые записали странный случай полковника Эйнсворта, отметили, что он встречал индусов до того, как якобы умирал. По-видимому, они не придавали значения этим встречам. Я поступил иначе. Потому что, когда я порылся в своей памяти, я нашел, что из офицеров, которые командовали британскими орудиями при расстрелах Самуи, почти все погибли от насильственных или внезапных смертей. Откуда мы знаем, сколько из них были похоронены заживо, но не спасены, как был спасен полковник Эйнсворт? А? Кроме того, я помню из записей, что многие из этих погибших офицеров погибли таинственно или внезапно, иногда и то и другое.

«*Morbleu*, Жюль де Гранден, – сказал я себе. – Думаю, может быть... мы что-то открыли!»

Поэтому я держал пари сам с собой, что эта бедная мертвая леди не успокоится в своей могиле. Мертвой она считается по сертификату *cher* Тробрюбриджа. Но если она не была сначала мертва на самом деле, – а бразильцы не бальзамируют своих мертвецов, и бальзамирование поэтому было отменено, – то не факт, что она вообще мертва. Хорошо, тогда, решил я, надо ждать и смотреть.

На следующий день мой друг Тробрюбридж сказал мне, что ее могила ограблена. Я иду смотреть, как они вскрывают ее, и нахожу гробницы на этом кладбище – это старые проходы под землей.

Она не в своей могиле, я вижу это. Но, тем не менее, она может оказаться где-то на кладбище. Я узнаю, спрашиваю (мой друг Тробрюбридж назвал эти вопросы глупыми), и выясняется, что могильное место, где была похоронена эта дама, когда-то принадлежало семье под названием Бувье. Старый мсье Бувье, который жил и умер много лет назад, испытывал болезненный страх быть погребенным заживо, поэтому у него была специальная гробница, построенная таким образом, что если он оживет под землей, он сможет откинуть панель камня, как вы открываете дверь, и пойти домой к своей семье. Эта старая гробница все еще стоит над местом, где была похоронена эта несчастная мертвая дама.

«Может быть, – сказал я себе, – может быть, что-то случилось на этом кладбище, пока никто не видел».

Я уже задал вопросы и обнаружил, что двое странных негров находились в городе за несколько дней до того, как эта бедная леди умерла. Но хотя они жили в негритянском квартале, они не имели никакого отношения к другим цветным людям.

Вопрос: были ли они неграми или не были неграми, а если нет, то кто они? Индусы, может быть? Я думаю, да.

Что тогда? Мантилья девушки была найдена на земле, ее тело не было найдено ниже. Возможно, они играют с ней в кошки-мышки, отправляя ее из своей могилы ночью, как вампира. Быть может, чтобы нанести вред отцу или другим, кого она любила в жизни. Я решил, что посмотрю.

Я ишу мсье Лестертон, *juge d'instruction* – как вы это говорите? – прокурора округа, и рассказываю ему все. Такие юристы, как он, встречаются один на миллион. Вместо того чтобы сказать: «Обратитесь к морским пехотинцам», он кивнул и сказал, что предоставит мне столько жандармов, сколько надо для исполнения моего плана.

Сегодня вечером я пошел с другом Трубриджем посмотреть на старую могилу мсье Бувье. Вскоре эта бедная девушка, встретившая быструю смерть, которая на самом деле смертью не является, выходит из собственной могилы.

Жюль де Гранден не дурак. Он тоже может гипнотизировать. И то, что сделал другой, он также может отменить, поскольку умен. Я приказываю ей проснуться. Я зажигаю свет в ее глазах, и я привожу ее в сознание, а затем в естественный сон, в котором она была до того, как сила индусов заставила ее казаться мертвой. Я передаю ее другу Трубриджу, чтобы он позаботился о ней, пока я и жандармы искали тех людей, которые являются хозяевами смерти.

Мы находим их скрытыми в старой гробнице, далеко под землей. Одного из них я имел счастье убить, когда он сопротивлялся аресту. Другой выстрелил в полицейского, когда тот прыгнул, но перед тем, как истечь кровью, он рассказал мне, что он и его компаньон следовали за мсье Дриго из Индии в Африку и из Африки в Америку. За два дня до того, как «умереть», мадемуазель Рамалья встретила с этими людьми в деревне. Они гипнотизируют ее и приказывают ей «умереть» через сорок восемь часов – умереть и быть похороненной, а затем выходить из могилы каждую ночь в полночь и посещать дом своего отца. *Voilà*, этот парень тоже умер, но не раньше, чем я узнал правду.

– Но как вы заставили его признаться, де Гранден? – спросил я. – Разумеется, его совесть не беспокоила его, и если он знал, что он умирает, ему нечего было бояться.

– Э, почему нет? – ответил мой друг с усмешкой эльфа. – Ах, но он это сделал! Поросенок нечист для этих людей. Если они это делают, то так же, как прикоснувшись к свинье, они потеряны для своей касты. Я обещал этому парню, что если он не скажет мне всю правду сразу же, я прослежу, что он будет похоронен в одном гробу с тушей свиньи, и что его могила будет влажной от крови убитых свиней каждое полнолуние. *Pardieu*, вы должны были видеть, как он поспешил рассказать мне все, прежде чем умереть!

Он повернулся к Дриго:

– Мадемуазель Рамалья может ничего не бояться в будущем, мсье, – пообещал он. – Агенты мести потерпели неудачу, и я не думаю, что они сделают еще одну попытку.

Между тем, друг мой Трубридж, утро начинается, и тени исчезают. Давайте пожелаем господину Дриго спокойной ночи и поспешим домой.

– *Cordieu!* – усмехнулся де Гранден, когда мы забрались в ожидающий нас автомобиль. – Если бы я остался рядом с вином господина Дриго на полчаса дольше, я не смог бы вообще уйти. Вот, Трубридж, друг мой, я вижу, что двое из вас сидят рядом со мной!

Мертвая рука

Доктор де Гранден уже в третий раз протянул мне через столик пустую кофейную чашку.

– Кажется, друг мой, – сказал он мне с трагикомической гримасой, – я пагубно влияю на ваших пациентов. Я гощу у вас всего две недели, а вы почти потеряли мадемуазель Дриго, а милейшая мадам Ричардс и вовсе мертва.

– Я не стал бы вас винить в смерти госпожи Ричардс, – успокоил его я, наливая кофе, – два последних года она страдала от митрального стеноза, и в последний раз исследовав его, я обнаружил даже без своего стетоскопа диастолический шум. Нет, ее проблема проявилась ранее вашего приезда, де Гранден!

– Вы спасаете мою совесть, – ответил он. – А сейчас вы идете выразить соболезнования ее семье? Могу я сопровождать вас? Всегда есть возможность обучиться чему-нибудь.

– *Nom d'un nom*, да это милейший сержант Костелло! – воскликнул де Гранден, когда крупный мужчина закрыл за собой дверь особняка Ричардса и шагнул через широкую веранду. – *Eh bien*, друг мой, неужели вы забыли меня? – Он протянул свои ухоженные руки огромному ирландцу. – Конечно, вы не помните...

– Все нет, – с великодушной улыбкой отрицал огромный детектив. – Вы убедительно раскрыли некоторые трюки в деле Кальмара, сэр. Быть может, вы поможете и сейчас? – Он ткнул большим пальцем в сторону двери, откуда только что вышел. – Там – сумасшедший дом, доктор де Гранден!

– Ха, что вы говорите! – глазки де Грандена засветились надеждой. – Вы заинтриговали меня! Конечно, я помогу, чем смогу! Давайте приступим, вместе мы вытряхнем факты из вашей тайны, как матушка вытряхивает украденное печенье из куртки своего *enfant*!

Уиллис Ричардс, финансовый набоб нашего маленького нестоличного сообщества, стоял на каминном коврике своей библиотеки, воплощая собой истину: перед смертью все равны.

С седой гривой волос, авторитарными манерами и прилагавшейся к этому тучностью, он был лишь потерянным и изумленным стариком, неспособным понять, что со смертью жены он столкнулся с чем-то, что не может быть исправлено его подписью под пятизначным чеком.

– Ну, сержант, – спросил он, беспомощно пытаясь воспроизвести свою обычную бесцеремонную манеру, увидев Костелло с де Гранденом под локтем, – вы обнаружили что-нибудь?

– Нет, сэр, – отвечал полицейский. – Но доктор де Гранден из Парижа, Франция, один сможет выручить нас. Он уже великолепно трудился для нас раньше...

– Французский детектив! – усмехнулся Ричардс. – Вам необходим иностранец, чтобы найти украденное? С какой стати...

– Мсье! – яростный протест де Грандена заставил сердитого финансиста резко остановиться. – Вы забываетесь! Я – Жюль де Гранден, порою связанный с *Service de Sûreté*, но более заинтересованный решением самих проблем, чем материальной наградой!

– О... – отвращение мистера Ричардса усилилось, – любитель, да? Мне стыдно за вас, Костелло, вы вмешали дилетанта в мои личные дела. Черт побери, я позвоню в Агентство Блинна и отдам это дело в их руки!

– Один момент, мистер Ричардс, – вмешался я, пользуясь положением семейного врача, придававшим вес моим словам. – Этот джентльмен, доктор Жюль де Гранден из Сорбонны, один из передовых криминологов Европы и один из самых великих ученых в мире. Уголовное расследование – фаза его работы, так же, как военная служба была фазой Джорджа Вашингтона. Но вы не можете сравнить его с профессиональными детективами, как не сможете сравнить Вашингтона с кадровыми военными.

Мистер Ричардс смотрел то на меня, то на де Грандена.

– Простите, – извинился он, протягивая руку маленькому французу. – Я буду весьма благодарен за любую помощь, полученную от вас, сэр.

– Чтобы быть полностью откровенным, – он жестом приказал нам сесть и начал беспокойно вышагивать по комнате, – смерть миссис Ричардс была не столь уж естественной, как кажется доктору Тробрюбриджу. Хотя верно: она долгое время страдала от болезни сердца, но не только это вызвало смерть. Она была до смерти напугана. Буквально.

Позавчера около двух часов ночи я возвратился из Нью-Йорка, где присутствовал на вечере выпускников. Я открыл двери собственными ключами и сразу же отправился в свою комнату, примыкавшую к спальне жены. Я начинал раздеваться, тут услышал ее зов и кинулся к ней в спальню как раз в тот момент, когда она падала на пол, схватившись за горло и пытаясь что-то сказать о руке.

– О? – острым кошачьим взглядом де Гранден оглядел нашего хозяина. – И затем, мсье?

– И затем я увидел – или, пусть лучше: мне показалось, что увидел – *ничто*, переместившееся через комнату, на уровне моих плеч, и исчезнувшее в окне. Я подбежал к жене, но она уже была мертва.

Маленький француз, наблюдая за ним как пригвожденный, издавал осуждающие звуки, но ничего не комментировал.

Ричардс послал ему раздраженный взгляд и продолжил:

– Только наутро я обнаружил, что все драгоценности жены и ценные бумаги примерно на двадцать тысяч долларов исчезли из тайника в ее комнате. Конечно, – завершил он, – я в действительности ничего не видел в воздухе, когда бежал из своей комнаты. Это абсурдно.

– Вполне очевидно, – согласился я.

– Уверен, – кивнул Костелло.

– Не совсем так, – энергично замотал головой де Гранден. – Вполне возможно, что ваши глаза не обманули вас, мсье. Скажите нам, что же все-таки вы увидели?

Раздражение мистера Ричардса достигло предела.

– Это было похоже на руку, – отрезал он. – Руку с четырьмя или пятью дюймами до запястья, *и без всякого тела*. Вы хотите сказать, что я действительно видел это?

– *Quod erat demonstrandum*⁶⁵, – мягко ответил француз.

– Что вы сказали? – раздраженно переспросил Ричардс.

– Я говорю, что это – действительно замечательный случай, мсье.

– Ладно, хотите посмотреть комнату моей жены? – Мистер Ричардс повернулся, чтобы последовать наверх, но де Гранден снова покачал головой.

– Не стоит, мсье. Замечательный сержант Костелло уже видел ее, и может рассказать мне все, что я должен знать. Что касается меня, то я буду искать подтверждение возможной теории в другом месте.

Седая шевелюра мистера Ричардса ошетибилась.

– Я даю вам сорок восемь часов для достижения результатов – вам и Костелло. А потом я призову Агентство Блинна и посмотрю, что настоящие детективы смогут для меня сделать.

– Вы более чем щедры, мсье! – сухо ответил де Гранден. А мне, покидая дом, сказал доверительно:

– Я с удовольствием натяну этот толстый нос, друг мой Тробрюбридж.

– ...Вы можете сейчас приехать, доктор? – приветствовал меня голос, как только мы с де Гранденом вошли ко мне в приемную.

– Зачем? В чем дело, мистер Киннэн? – спросил я, узнав посетителя.

⁶⁵ Что и требовалось доказать (*лат.*).

– Ха! В чем только не дело, доктор! Моя жена в истерике с самого утра, и я уверен, что должен просить вас прибыть в мое убежище!

– *Pardieu*, мсье, – воскликнул де Гранден. – Это заявление весьма интересно, но не особенно вразумительно. Вы объяснитесь, *n'est-ce-pas*?

– Объяснить? Как возможно объяснить невозможное? В двадцать минут шестого утра мы с женой видели нечто, чего как бы и не было! И видели, что оно взяло Лафайетову чашу!

– *Sacré nom d'un petit porc!* – чертыхнулся де Гранден. – Что вы говорите? Вы видели вещь, которой не было, и видели, что она взяла чашку мсье *le marquis de Lafayette*?⁶⁶ *Non, non, non!* Не вы, но я повредился в уме. Друг мой Трuebas, взгляните на меня. Я услышал нечто, что этот джентльмен не произносил?

Киннэна рассмешила трагическая гримаса маленького француза, хотя ему и было не до смеха.

– Я буду более обстоятельным, – пообещал он. – Наш ребенок беспокоился прошлым вечером, и мы не могли заснуть даже после полуночи. Приблизительно в пять утра он опять разволновался, и мы с женой пошли в детскую, чтобы посмотреть, что можем сделать. Наша горничная отправилась вечером в Нью-Йорк, и молока, обычно приготовленного для мальчика, не было. Я начал кипятить молоко в столовой. Могу точно указать время: в библиотеке часы отставали нещадно, и только вчера я подвел их, и они спешили на десять минут. Ладно, как только эти часы пробили половину шестого, как эхо гонга, стекло в окне было разбито прямо у нас на глазах.

– Н-да? – неопределенно промычал де Гранден.

– Прямо на наших глазах, джентльмены. Молотком.

– Ох! – де Гранден слушал с затаенным дыханием.

– Верите вы мне, или нет, но это был молоток в женской руке – и больше ничего! Никакого предплечья или туловища: рука разбила оконное стекло молотком и проплыла по воздуху, будто была присоединена к невидимому телу, прямо через комнату, в кабинет, где стояла Лафайетова чаша. Она раскрыла дверь шкафа, вынула чашу и проплыла с ней до окна. Как в волшебном сне! В это всё трудно поверить!

– Ох! Ох-ох-ох! – воскликнул де Гранден.

– О, я не ожидаю, что вы поверите мне. И я сказал бы любому, что такая дичь отдает сумасшедшим домом, но...

– *Au contraire*⁶⁷, мсье, – не согласился с ним де Гранден. – Я действительно вам верю. А почему? Потому, *mordieu*, что та же самая рука без тела была замечена в доме мсье Ричардса в ночь смерти его жены!

– Что? Дьявол! – На сей раз уже Киннэн выглядел скептическим. – Вы сказали, кто-то еще видел эту руку. По... как... невозможно!

– Конечно, возможно, – спокойно сказал Жюль де Гранден. – Ее видели, и есть причина подозревать, что она украла драгоценности и ценные бумаги. Теперь расскажите мне, пожалуйста, что это за Лафайетова чаша?

– Серебряный кубок для вина, принадлежавший моему прапрапрадеду, сэр. Я предполагаю, его стоимость не больше тридцати или сорока долларов, но он ценен для нас как семейная реликвия: Лафайет из него пил во время своего второго посещения этих мест. Коллекционеры предлагали за него до тысячи долларов.

Де Гранден нервно колотил кончиками пальцев друг о друга.

⁶⁶ Маркиза де Лафайета (*франц.*). Мари Жозеф Поль Ив Рош Жильбер дю Мотье, маркиз де Ла Файет (1757–1834) – французский политический деятель и военный, активный участник американской Войны за независимость 1775–1783 гг. – *Прим. ред.*

⁶⁷ Напротив (*франц.*).

– Перед нами – самый необычный грабитель, *mes amis*. У него есть рука, но не тело; он входит в спальни больных леди и пугает их до смерти. Он ломает окна добрых людей молотком и от них ускользает чаша мсье *le marquis de Lafayette*, в то время как они греют молоко для своих младенцев. *Cordieu*, он будет найден, этот некто!

– Вы не верите мне, – объявил Киннэн грубовато-стыдливо.

– Разве я не сказал, что верю? – почти сердито ответил француз. – Когда б вы видели то, что видел я, мсье, – *parbleu*, когда б вы видели вдвое меньше! – вы бы научились верить многим вещам, которых дураки объявляют невозможными.

– Этот молоток, – он поднялся, почти впиваясь взглядом в Киннэна. – Где он? Пожалуйста, я хотел бы взглянуть на него!

– Он в доме, – ответил наш посетитель. – Лежит там, где его уронила рука. Ни Дороти, ни я, ни за что не прикоснулись бы к нему!

– Прекрасно, великолепно, потрясающе! – проскандировал де Гранден, энергично кивая на каждом слове. – Ну, друзья мои, давайте поедем, давайте полетим! Тробрэйдж, мой старый друг, вы должны осмотреть милейшую мадам Киннэн, а я выйду на след этого бестелесного грабителя, и будет странно, ежели я не найду его. *Morbleu*, мсье *le Fantôme*⁶⁸, одно дело, когда вы убиваете напуганную мадам Ричардс, также одно дело, когда вы крадете у мсье Киннэна чашу мсье *le marquis de Lafayette*, но совсем другое дело, когда вы суете свой невидимый нос в дела Жюля де Грандена – *parbleu*, это совсем уже никуда не годится! Посмотрим, кто будет глупцом – и как можно быстрее!

Молоток оказался обычным: из никеля, с ручкой из эбенового дерева – такие продаются во всех хозяйственных магазинах. Но де Гранден набросился на него как голодный кот на мышь.

«Да это замечательно, превосходно!» – мурлыкал он, заматывая орудие в несколько слоев бумаги и аккуратно убирая его в карман своего большого пальто.

– Тробрэйдж, друг мой, – он одарил меня одной из своих загадочных улыбок, – навестите милую мадам Киннэн. А у меня важные дела в другом месте. Если я возвращусь к обеду, прошу вашего любезного повара сделать тот восхитительный яблочный пирог. Если же я не успею... – Его голубые глазки холодно блеснули. – Я съем этот пирог на завтрак, как правильный янки!

Обед был давно закончен, и требуемый яблочный пирог отдыхал на полке в кладовой в течение нескольких часов, и тут из такси появился, как черт из табакерки, де Гранден, накручивая напомаженные кончики своих светлых усиков, подергивающихся, как у охотящегося кота.

– Быстрой, быстрой, друг мой Тробрэйдж! – скомандовал он, положив большой бумажный пакет на рабочий стол. – К телефону! Позвоните мсье Ричардсу, этому богачу, что великодушно предоставил мне сорок восемь часов для возвращения его похищенных сокровищ, и мсье Киннэну, чья драгоценная чаша *marquis de Lafayette* была украдена – вызовите их обоих и предложите им приехать сюда сейчас же, сию минуту, немедленно! *Mordieu!* – Он вышагивал по комнате пружинистым шагом. – Жюль де Гранден, он – хитер и умен! Безусловно, нет такой задачи, с которой он не справился бы!

– К чему эта дьявольская спешка? – спросил я, позвонив Ричардсу.

– *Non, non*, – он не стал отвечать, зажег сигарету и отшвырнул ее, так и не сумев прикурить. – Подождите, прошу вас, пока не приедут остальные! И тогда вы оцените мой невероятный ум!

Через полчаса перед моими дверями стоял лимузин Ричардса, столь же внушительный и фешенебельный, как и его владелец, и скромный седан Киннэна. Крайне заинтригованный

⁶⁸ Призрак (*франц.*).

сержант Костелло, скрывая свои эмоции под маской профессионального полицейского, вошел в мой дом по пятам Киннэна.

– Что за чушь, Тробриндж? – спросил мистер Ричардс. – Почему вы не приехали ко мне, а вытащили меня так поздно?

– Фу-ты, ну-ты, мсье, – прервал его де Гранден со скоростью фырчания мотора маленькой моторной лодки. – Фу-ты, ну-ты, разве небольшая поездка не стоит этого?

Из коричневой оберточной бумаги он достал бархатный футляр и эффектно раскрыл его, продемонстрировав грудку сверкающих драгоценных камней.

– Это, насколько мы понимаем, собственность мадам, вашей жены?

– Святые угодники! – задохнулся Ричардс при виде драгоценностей. – Как вы нашли их?

– Просто, мсье, – француз ловко выхватил драгоценности у Ричардса. – И у меня еще есть это! – из другого свертка он достал пачку ценных бумаг. – Кажется, вы сказали, их ценность около двадцати тысяч долларов? Согласно моему подсчету, здесь на двадцать одну тысячу. Мсье Киннэн, – обратился он к другому посетителю. – Позвольте вам вернуть чашу мсье *le marquis de Lafayette!*

Чаша Лафайета была должным образом извлечена из другого пакета и вручена его владельцу.

– А теперь... – де Гранден с видом фокусника, собирающегося извлечь из шляпы кролика, поднял продолговатую картонную коробку, похожую на обувную. – Прошу быть внимательными! *Regardez, s'il vous plaît!* Не это ли, джентльмены, вы видели у себя дома?

Он снял крышку с коробки, и перед нами предстала лежащая на ложе из тонкой бумаги превосходно сработанная красивая рука. Длинные миндалевидные ногти были тонкими и изящными, а узкое запястье цвета лепестков французской розы радовало взор. Только смазка коллодия указывала на то, что это не было произведением искусства, что в этих пальцах когда-то пульсировала жизнь.

– Это она? – повторил он, переведя взгляд с прекрасной руки на Ричардса и Киннэна. Каждый молча кивнул, но не смог говорить, будто вид этой жуткой, безжизненной вещи наложил печать молчания на их уста.

– *Très bon*, – кивнул он энергично. – Теперь следите за моими рассуждениями, пожалуйста. Когда мсье Киннэн поведал нам о молотке, разбившем окно, я решил, что мой путь по поимке бестелесного вора должен лежать от ручки этого молотка. *Pourquoi?* Потому, что рука, пугающая до смерти больных леги и разбивающая стекла, должна являться чем-то из следующих трех. Первое, – он загнул палец, – она может быть неким механическим устройством. В этом случае я не найду отпечатков. Второе: это может оказаться призрачной рукой когда-то живущего человека. В таком случае, снова, одно из двух: это просто рука призрака, или возвращенная к жизни плоть мертвеца. В третьих: эта рука кого-то, кто может сделать остальную часть тела невидимой.

Теперь, если это – рука призрака, или истинный призрак или рука мертвеца, она должна походить на другие руки, у которых на пальцах есть выступы и впадины, петли и завитки, которые могут быть выявлены и признаны экспертами по отпечаткам. Если же это человек, неизвестным нам образом умеющий делать тело невидимым, то он также должен оставить отпечатки пальцев. *Hein?*

Что ж, Жюль де Гранден (сказал я себе), вполне вероятно, что человека, крадущего драгоценности, ценные бумаги и чашу мсье *le marquis de Lafayette*, уже раньше ловили и снимали отпечатки пальцев. *Parbleu* (отвечаю я себе), это может быть так, Жюль де Гранден!

Я беру этот молоток из дома господина Киннэна и иду с ним в полицейское управление.

«Мсье *le Préfet*⁶⁹, – говорю я комиссару, – прикажите вашим экспертам исследовать сей молоток и потом любезно сообщить мне об обнаруженных на нем отпечатках!»

Bien. Этот комиссар – любезный джентльмен, и он выполняет мою просьбу. В назначенное время я получаю отчет. На ручке молотка имеется ручной автограф некой Кэтрин О’Брайен, известной полиции как Кэтрин Левой, а также как Кэтрин Данстан. У полиции есть на нее *dossier*⁷⁰. Она занималась воровством в магазинах, шантажом, подделкой документов, и была партнером некоего профессора Мистерио, театрального гипнотизера. Действительно, как мне сообщили, она была замужем за этим *à l’Italienne*⁷¹ профессором, путешествовала с ним по стране, иногда участвуя в представлениях, иногда балуясь кражами, в том числе и карманными.

Приблизительно год назад, в то время как они с профессором давали представление в Кони-Айленде, эта леди умерла. Ее партнер устроил ей замечательные похороны. Но церемония омрачилась одним несчастным инцидентом: пока ее тело находилось в морге, какой-то злодей пробрался туда через окно и украл одну из ее рук! В мертвой ночи он отрезал от прекрасного тела злодейки руку, так часто кравшую чужую собственность. Полиция не смогла обнаружить ни его, ни руку.

Между тем этот профессор Мистерио, что был ее партнером, удалился от дел и живет теперь на скопленные деньги в Нью-Джерси.

«Нью-Джерси, Нью-Джерси... – сказал я себе, услышав это. – Так ведь здесь – Нью-Джерси!»

Мы с добрейшим сержантом Костелло предпринимает расследование. Узнаем, что этот *ci-devant*⁷² профессор живет на Андовер-роуд, где ничего не делает для получения средств к существованию, кроме того, что дымит трубкой и пьет виски. «Ну, давайте брать его», – говорит мне сержант.

Пока мы едем в дом профессора, я размышляю. Гипноз есть внушение, а внушение – такая вещь, которая не умирает. Если эта умершая женщина была приучена повиноваться умственным командам профессора Мистерио, – а она подчинялась ему всеми частями тела, – почему же эта привычка повиноваться не должна сохраниться? Друг мой Тробрэйдж, вы врач, и вы повидали человеческую смерть. Вы знаете, что внезапно убитый человек остается таким же, как и в жизни?

Я кивнул.

– Отлично. Я спросил себя: разве не возможно, что рука, так часто подчинявшаяся этому профессору, сможет выполнять его приказы после смерти? *Mon Dieu*, идея нова, но не невозможна! Не на это ли прекрасно намекнул мсье По в своем рассказе об умирающем человеке, оставшимся в живых потому, что был загипнотизирован? Несомненно!

Итак, мы добираемся до дома профессора, Костелло направляет свой пистолет на джентльмена и объявляет: «Вы арестованы!» Тем временем, я обыскиваю дом, нахожу драгоценности и ценные бумаги мсье Ричардса, а также чашу мсье *le marquis de Lafayette*. Кроме этого, я нахожу многое, включая и эту руку мертвой женщины, но не окончательно мертвую. *Dieu de Dieu!* Когда я собираюсь забрать ее, она нападает на меня как живое существо, и Костелло угрожает профессору ударом кулаком в нос, если тот не утихомирит руку. И она повинуется его голосу! *Mordieu*, когда я увидел это, я весь покрылся гусиной кожей!

– Чушь! – выпалил Ричардс. – Я не знаю, что там за фокус-покус с этой движущейся рукой! Но если вы ждете, что я поверю подобной ерунде, я скажу вам в ответ, что у вас свиное

⁶⁹ Префект (*франц.*).

⁷⁰ Досье (*франц.*).

⁷¹ Итальянским (*франц.*).

⁷² Бывший (*лат.*).

ухо! Не удивлюсь, если вы с этим профессором Как-Там-Его-Зовут в сговоре и свалили на него всю ответственность!

Я был ошеломлен. Тщеславие де Грандена было так же велико, как и его способности. И хотя в обычных обстоятельствах он был нежен как женщина, он был как женщина способен и к внезапным злобным вспышкам. И тогда его отношение к человеческой жизни стоило не больше, чем беспокойство за назойливую муху.

Маленький француз повернулся ко мне: его лицо было бледным как у мертвеца, желваки на скулах играли.

– Друг мой Трубридж, вы будете представлять мои интересы, конечно? – спросил он хрипло. – Вы будете... ха!

Верхняя часть обувной коробки приподнялась, как крышка кипящего чайника, и мой друг, вскрикнув, быстро пригнулся, почти упав на пол, чтобы увернуться от какого-то белого предмета, устремившегося к его лицу. Доля секунды промедления – и тонкая рука, вылетевшая из коробки, словно пущенная из арбалета, настигла бы де Грандена. Растопыренные изящные пальцы промчались в дюйме от его лица и, словно ястреб, впились в жирную шею Уиллиса Ричардса.

«А... улып!» Ошарашенный финансист откинулся назад, тщетно пытаясь разжать эти длинные сильные пальцы. «О... Боже... она душит меня...»

Костелло подскочил к нему и изо всех сил пытался оторвать вцепившуюся мертвой хваткой руку и надеть на нее наручник.

– *Non, non*, – вскричал де Гранден, – не так, сержант! Так бесполезно!

Схватив мою сумку с инструментом, он вынул нож для вскрытия трупов и нанес удар из-за плеча огромного детектива. В следующий миг со скоростью и точностью опытного хирурга он отрезал мертвые бледные пальцы, и освободил шею Ричардса.

– *C'est compl ète*⁷³, – с легкостью возвестил де Гранден, закончив ужасную работу. – Пожалуйста, друг мой Трубридж, укрепляющее и антисептик для ран – пальцы могли быть не стерильными!

Развернувшись, он выхватил телефон и набрал полицейское управление.

– Алло, мсье *le Geôlier*⁷⁴, – начал мой друг, дозвонившись. – У вас в заключении находится некто профессор Мистерио? Конечно, он задержан по подозрению... Что вы говорите? По открытому обвинению? Как он, что он делает? – И после паузы: – Ах вот как? Я так и думал. Большое спасибо, мсье!

Он положил трубку на месте и обратился к нам:

– Друзья мои, профессора больше нет. Две минуты тому назад они услышали его крик: «Кейти, убей француза! Я приказываю: убей его!» и, вбежав к нему, обнаружили Мистерио повесившимся на дверях и мертвым, как сельдь. *Eh bien*, – он встряхнулся как спаниель, появляющийся из воды. – Для меня было удачей увидеть, как крышка коробки поднимается, повинаясь последней команде умирающего хозяина. Пока кто-нибудь из вас догадался бы о ноже, она задушила бы меня. Случись так, я бы не скоро мог быть полезен мсье Ричардсу.

Все еще багровый, но восстановивший благодаря моим заботам самообладание, мистер Ричардс сел на стул.

– Как только вы вернете мне мою собственность, я покину этот чертов дом, – грубо заявил он, протягивая руки к драгоценностям и ценным бумагам, оставленным де Гранденом на столе.

– Конечно, мсье, – согласился француз. – Но сначала вы поступите по закону, *n'est-ce-pas?* За возвращение вашей собственности вы предложили награду в пять тысяч долларов. Будьте так добры, выпишите два чека: половину сержанту Костелло, половину мне.

⁷³ Здесь: Вот и все (*франц.*).

⁷⁴ Надзиратель (*франц.*).

– Да я скорее повешусь, чем поступлю так! – возразил Ричардс. – С чего бы это мне выкупать мою собственность?

Сержант Костелло грузно поднялся на ноги и собрал пакеты с имуществом мистера Ричардса в свои огромные руки.

– Закон есть закон, – решительно объявил он. – Это будет арестовано до тех пор, пока не будет вознаграждения, сэр.

– Хорошо, хорошо, – согласился Ричардс, доставая чековую книжку. – Я заплачу, но это – самый дьявольский грабеж, который я когда-либо видел.

– Гммм... – прорычал Костелло, когда дверь захлопнулась за банкиром. – Если я когда-нибудь поймаю эту птицу за парковку в неположенном месте или за превышение скорости, тогда он увидит настоящее ограбление! Каждая новая повестка заставит его плакать в подушку!

– *Tenez*, друзья мои, не будем больше думать об этой свинье, – сказал де Гранден. – Во Франции человека, так оскорбившего меня, я должен был бы вызвать на дуэль. Но к чему? Это пух! Золото – кровь его жизни. Я причинил ему боль намного больше, забрав вознаграждение, чем проколов его толстую кожу дюжину раз. Тем временем, друг мой Трубридж, – он улыбнулся, и его голубые глаза просияли, – в кладовке нас ждет восхитительный яблочный пирог, приготовленный вашим любезным поваром. Сержант, господин Киннэн, неужели вы не присоединитесь к нам? Кусок яблочного пирога и кружка холодного пива – *morbleu*, это достойно императорского пира!

Дом ужаса

– *Morbleu*, друг мой Троубридж, осторожнее! – предостерег меня де Гранден, когда мой автомобиль едва не въехал в заполненную до краев водой придорожную канаву. Я резко вывернул руль и тихо выругался себе под нос, наклоняясь вперед и тщетно пытаюсь что-нибудь увидеть сквозь плотную завесу дождя.

– Бессмысленно, старина, – признался я, оборачиваясь к моему компаньону. – Мы заблудились, вот и всё!

– Ха, – хмыкнул он. – Вы только сейчас это обнаружили, друг мой? *Parbleu*, я знаю об этом уже полчаса.

На маленькой скорости мы ползли по бетонному шоссе, и я всматривался сквозь залитое потоками дождя ветровое стекло, пытаюсь отыскать знакомые ориентиры, но ничего, кроме мокрой и непроницаемой темноты, не встретилось моему взгляду.

Два часа тому назад, в бурный вечер 192... года, ответив на настойчивый телефонный вызов, мы покинули мой безопасный уютный кабинет, чтобы ввести антитоксин ребенку итальянского рабочего, задыхающемуся от дифтерии в рабочем бараке нового отделения железной дороги. Я решил сократить путь вокруг железной дороги, но холод, проливной дождь и стигийская тьма ночи обманули меня. И в течение полутора часов я пробирался по незнакомым путям словно потерянный ребенок, заблудившийся в лесу.

– *Grace à Dieu!* – воскликнул де Гранден, хватая меня за руку своими небольшими, но сильными пальцами. – Свет, смотрите, там горит свет! Давайте пойдем туда! Даже самая жалкая лачуга будет спасением под этим злодейским дождем!

Я посмотрел – и увидел сквозь завесу дождя приблизительно в двухстах ярдах от нас слабо мерцающий огонек.

– Ладно, – согласился я, поднимаясь. – Мы уже потеряли столько времени, что ничего не сможем сделать для ребенка Виванти. Как знать, возможно, здесь нам укажут нужную дорогу.

Ступая по лужам, напоминающим миниатюрные озера, под ветром и дождем, преодолевая невидимые препятствия, мы, наконец, дотащились до большого краснокирпичного дома с внушительным подъездом из белых колонн. Свет струился через фрамугу белой двери и сквозь два высоких окна по бокам.

– *Parbleu*, этот дом послан нам судьбой, – прокомментировал де Гранден, поднялся на крыльцо и энергично застучал в дверь полированным латунным молоточком.

Я наморщил лоб в раздумье, пока он колотил молоточком второй раз.

– Странно, я не могу вспомнить это место, – пробормотал я. – Я думал, что знаю каждое здание в округе в пределах тридцати миль, но это – новое...

– *Ah bah!* – прервал меня де Гранден. – Вечно вы норовите добавить немного занудства в бочку с медом, друг мой Троубридж. Сначала вы вздумали потеряться посреди этой *sacré* бури с дождем. А когда я, Жюль де Гранден, нахожу вам прибежище, вы теряете время, удивляясь, что не знаете этого места. *Morbleu*, боюсь, если я не присмотрю за вами, вы еще и откажетесь от этого дома только потому, что не представлены его хозяину.

– Но я должен знать это место, де Гранден! – возразил я. – Это, конечно, недостаточно для того...

Мое выступление было прекращено резким щелчком замка, и большая белая дверь распахнулась перед нами.

Мы шагнули через порог, снимая промокшие шляпы и собираясь обратиться к человеку, открывшему дверь.

– Но... – начал было я и остановился с открытым от удивления ртом.

– Клянусь синими человечками... – пробормотал Жюль де Гранден и с удивлением уставился на меня.

Насколько можно было видеть, мы были одни во внушительном зале особняка. Прямо перед нами простирался коридор, ведущий к холлу площадью около сорока футов, паркет которого был покрыт разноцветными восточными коврами. Белые, обшитые панелями стены высотой футов в восемнадцать, украшенные портретами каких-то выглядящих весьма солидно людей, поднимались к потолку, который был расписан красивыми фресками. В дальнем конце холла находилась изящно изогнутая лестница, ведущая на второй этаж. Свечи в хрустальных подсвечниках освещали это огромное помещение; гостеприимный жар от дров, горящих в облицованном белым мрамором камине, создавал атмосферу домашнего уюта – но не было никаких признаков или следов, ни человека, ни домашнего животного.

Щелк! Тяжелая дверь позади нас тихо затворилась на хорошо смазанных петлях и крепко заперлась на автоматический замок.

– Чтоб я умер! – бормотал де Гранден, нажимая на посеребренную дверную ручку и энергично ее дергая. – *Par la moustache du diable*, друг мой Трубридж, она заперта! Быть может, и правда, было бы лучше остаться под проливным дождем!

– Ничуть, уверяю вас, мой дорогой сэр! – раздался глубокий низкий голос с лестницы. – Ваше прибытие – не иначе как чудо, джентльмены!

К нам приближался, тяжело опираясь на трость, седой и необычайно благообразный человек, облаченный в пижаму и халат, ночной колпак из цветного шелка и мягчайшие марокканские шлепанцы.

– Вы – врач, сэр? – спросил он, глядя вопросительно на медицинский саквояж в моей руке.

– Да, – ответил я. – Доктор Сэмюэль Трубридж из Харрисонвилля. А это – доктор Жюль де Гранден из Парижа, мой гость.

– Ах! – воскликнул наш хозяин. – Я очень, очень рад приветствовать вас в Марстон-холле, джентльмены! Так случилось, что одна... э... что моя дочь занемогла... И я не мог вызвать врача для нее из-за моей немощи и отсутствия телефона. Могу ли я злоупотребить вашим милосердием и попросить вас осмотреть мое бедное дитя? Я был бы так рад видеть вас моими гостями на эту ночь! Вы не снимите ваши пальто? – он с надеждой остановился. – Ах, благодарю вас!

Мы скинули промокшие пальто и бросили их на спинку стула.

– Сюда, пожалуйста!

Мы проследовали за ним по широкой лестнице и коридору и очутились в комнате, обставленной со вкусом, где на кровати, обложенная грудой крошечных подушек, лежала девушка лет пятнадцати.

– Анабель, Анабель, любимая, здесь два доктора, чтобы осмотреть тебя, – мягко произнес пожилой джентльмен.

Девушка устало и сердито качнула красивой головой, всхлипнула – и более никак не отреагировала на наше присутствие.

– Мсье, пожалуйста, скажите, каковы симптомы? – спросил де Гранден, закатывая манжеты и готовясь приступить к осмотру.

– Сон, – отвечал наш хозяин. – Она просто спит. Некоторое время назад она переболела инфлюэнцей; в последнее время она много дремлет, и я не могу ее добудиться. Боюсь, что она, быть может, заболела сонной болезнью, сэр. Мне говорили, что это иногда следует за инфлюэнцей.

– Гм... – де Гранден быстро провел гибкими пальцами за ушами девушки, пробежал вдоль шеи по яремной вене, а затем поднял на меня озадаченный взгляд и спросил: – Друг мой Трубридж, у вас в саквояже найдутся настойка опия и аконит?

– Есть аконит и немного морфия, – отвечал я, – но никакого опия.

– Неважно, – он нетерпеливо махнул рукой, залез в саквояж и извлек две маленьких склянки. – Это тоже подойдет. Немного воды, если можно, мсье! – обратился он к отцу, держа в руках склянки.

– Но, де Гранден... – начал было я, и тут же получил резкий удар его изящной ноги, обутой в тяжелый ботинок, по щиколотке. – ...вы думаете, это – надлежащее лечение? – я неубедительно закончил фразу.

– *O, mais oui*, несомненно, – отвечал он. – Ничего другого не надо и желать в этом случае. Воды, пожалуйста, мсье! – повторил он, снова обращаясь к отцу.

Я уставился на него с плохо скрытым изумлением. Он извлек пилюли из каждой бутылки, быстро растер их в порошок, а в это время пожилой джентльмен наполнял стакан водой из фарфорового кувшина, стоявшего на умывальнике, покрытом ситцем, в углу комнаты. Де Гранден прекрасно ориентировался в моем медицинском саквояже и знал, что склянки не подписаны, а пронумерованы. Я видел, что он специально пропустил морфий и аконит и выбрал две склянки с простыми пилюлями из сахара и молока. Что он задумал, я понятия не имел. Оставалось только наблюдать, как мой друг отмерил четыре чайных ложки воды, растворил порошок и влил мнимое лекарство в горло спящей девушки.

– Хорошо, – объявил де Гранден, тщательно ополаскивая стакан. – Она будет отдыхать до утра, мсье. На рассвете мы определим дальнейшее лечение. А теперь, с вашего позволения, мы удалимся.

Он вежливо поклонился владельцу дома, тот ответил тем же и отвел нас в роскошно меблированную комнату в другом конце коридора.

– Послушайте, де Гранден, – воскликнул я, как только наш хозяин, пожелав нам спокойной ночи, закрыл за собой дверь, – что это за идея дать ребенку ничемное лекарство?..

– Ш-ш-ш! – прошипел он. – Эта юная девушка больна энцефалитом не больше, чем мы с вами, *mon ami*. Нет ни характерной опухлости лица и шеи, ни отвердения яремной вены. Температура тела немного повышена, это верно, но в ее дыхании я почувствовал запах хлоралгидрата⁷⁵. По всему ясно, хорошо ли, плохо ли, – она под наркотиком. И я подумал, что лучше было притвориться дурачком и сделать вид, что я поверил его словам. *Pardieu*, дурак, знающий, что он не дурак, имеет огромное преимущество перед дураком, который ему поверил, друг мой!

– Но...

– Никаких «но», друг мой Трубридж! Вспомните, как дверь этого дома отворилась без всякого нажатия, вспомните, как она закрылась за нами тем же образом – и обдумайте это, если желаете.

Мягко ступая, он пересек комнату, потянул в сторону ситцевые занавески на окне и легонько постучал по оконной раме с толстыми стеклами. «*Regardez-vous*», – промолвил он, постучав еще раз.

Как и все остальные окна, что я видел в этом доме, это окно было створчатое, перегородки сделаны наподобие решетки. Повинуясь де Грандену, я опробовал их и обнаружил, что они не деревянные, а металлические, прочно сваренные. К моему удивлению, оказалось, что и оконные защелки оказались обманками, металлическими конструкциями, накрепко вделанными в каменные подоконники. Таким образом, мы оказались словно заключенными в государственную тюрьму.

– Двери... – начал было я, но он только покачал головой.

⁷⁵ Одно из первых синтетических снотворных и седативных средств. – *Прим. ред.*

Повинуясь его жесту, я подошел к дверям и нажал на ручку. Она поддалась, но замок не щелкнул – дверь была плотно закреплена, словно на болтах.

– По... по... чему? – глупо спросил я. – Что все это значит, де Гранден?

– *Je ne sais quoi*⁷⁶, – ответил он, пожимая плечами. – Знаю только одно: мне не нравится этот дом, друг мой Трубридж! Я...

Сквозь стук дождя по стеклам и завывание ветра во фронтонах прорезался крик ужаса, превосходящий все адские муки души и тела.

– *Cordieu!* – он вскинул голову как собака, почуявшая издалека запах зверя. – Вы тоже слышали это, друг мой Трубридж?

– Конечно, – отвечал я, вобрав каждым нервом моего тела ужасный крик.

– *Pardieu*, теперь этот дом мне нравится еще меньше, – повторил он. – Давайте-ка придвинем этот шкаф к нашей двери. Я думаю, будет спокойнее спать за баррикадой!

Мы заблокировали двери, и вскоре я крепко заснул.

– Трубридж, Трубридж, друг мой, – де Гранден двинул острым локтем в мои ребра. – Просыпайтесь, умоляю вас. Именем зеленой козы, вы лежите как мертвый, но при этом отвратительно храпите!

– А? – ответил я сквозь сон, глубже зарываясь в постель. Несмотря на тревожнения ночи, я сладко предавался сну, так как жутко устал.

– Вставайте же, друг мой! – тербил он меня. – Берег чист, полагаю, и нам пора произвести расследование!

– Чушь! – усмехнулся я, не собираясь оставлять удобное ложе. – Что проку в блужданиях по старому дому ради подтверждения ваших необоснованных предположений? Девушке и вправду могли дать дозу хлоралгидрата: отец помогал ей из добрых побуждений. А что касается этих устройств для открывания-закрывания дверей, так старик живет здесь один и установил эти механические приспособления, чтобы облегчить себе жизнь. Он и так едва ковыляет со своей палкой, вы же видели.

– Ах! И тот крик, что мы слышали, он тоже установил в помощь своему недугу, да? – саркастически согласился со мной мой компаньон.

– Быть может, девушка проснулась от кошмара, – осмелился сказать я, но он сделал нетерпеливый жест.

– Быть может, и луна сделана из зеленого сыра, – отвечал он. – Вставайте же и одевайтесь, друг мой. Этот дом должен быть обследован, пока есть время. Смотрите: пять минут назад, через это самое окно, я видел, как мсье наш хозяин, одетый в плащ, выходил из парадной двери, и без своей палочки! *Parbleu*, он припустил так же проворно, как любой мальчик, уверяю вас! А сейчас он где-то там, где мы оставили ваш автомобиль – и что он намеревается там делать, я не знаю. Но что намереваюсь делать я – знаю очень хорошо. Так вы идете со мной или нет?

– О, полагаю, что да! – согласился я, скатываясь с кровати и натягивая одежду. – А как вы собираетесь отпереть эту дверь?

Внезапно де Гранден ослепительно улыбнулся, отчего его усики приобрели форму рожков перевернутого полумесяца.

– Вот! – он показал мне кусочек проволоки. – В те времена, когда волосы женщины были символом ее могущества, чего только не выделяли леди со шпилькой! *Pardieu*, одна *grisette*⁷⁷ перед войной в Париже показала мне некоторые трюки! Посмотрите-ка!

⁷⁶ Неважно (франц.).

⁷⁷ Гризетка, девушка не очень строгих правил (франц.).

Мой друг ловко засунул гибкую петлю проволоки в замочную скважину, повертел ею туда-сюда, протолкнул вглубь и осторожно вытащил. «*Très bien*», – пробормотал он и достал из внутреннего кармана более толстую проволоку.

– Смотрите, – он продемонстрировал мне первую проволоку. – Она показала мне устройство замка. – Он изогнул более толстую проволоку по контуру тонкой. – *Voilà*, у меня есть ключ!

Так и было. Замок с готовностью поддался повороту импровизированного ключа – и мы уже стояли в длинном темном холле, глядящем на нас с любопытством и жутью.

– Сюда, пожалуйста, – приказал де Гранден. – Сначала зайдем к *la jeunesse*⁷⁸, посмотрим, как у нее дела.

Мы на цыпочках прошли по коридору, ведущему к комнате девушки, и оказались у ее кровати.

Она лежала со сложенными на груди руками, словно покойник, приготовленный к последнему приюту. Ее большие фиалковые глаза неподвижно смотрели вверх; завитые локоны светлых подстриженных волос нимбом окружали ее бледное лицо – как у святой на резной иконе из слоновой кости.

Мой компаньон тихо приблизился к кровати и с профессиональной точностью нащупал пульс девушки.

– Температура низкая, пульс слабый, – бормотал он. – Цвет лица бледный, почти синюшный... Ха, теперь глаза: во сне зрачки сужены, но теперь должны бы расшириться... *Dieu de Dieu!* Трубридж, друг мой, идите сюда! Смотрите! – скомандовал он, указывая на безразличное лицо девушки. – Эти глаза, *grand Dieu*, эти глаза! Кошунство, никак не меньше!

Я посмотрел на лицо девочки и отшатнулся, подавляя крик ужаса.

Впервые увидев ее спящей, мы были ею очарованы. Мелкие и правильные черты лица напоминали точеную камею; завитки светло-желтых волос придавали ей изящное, эфирное очарование, сравнимое с прелестью пастушек из дрезденского фарфора. Оставалось лишь взмахнуть пушистыми ресницами – и тогда ее лицо стало бы лицом милого эльфа, прогуливающегося по волшебной стране.

Но ее ресницы были подняты – и глаза совсем не выглядели чистым ясным отражением умиротворенной души. Скорее – это были глаза мученика. Радужные оболочки были прекрасного голубого оттенка, это так, но сами глазные яблоки внушали ужас. Двигаясь вправо и влево, они тщетно пытались сфокусироваться, придавая ее бледному сахарному лицу отвратительно-смехотворное выражение раздувшейся жабы.

– О боже! – воскликнул я, отворачиваясь от изуродованной девушки с чувством отвращения, почти тошноты. – Какой кошмар!

Де Гранден не ответил, склонился над девушкой, внимательно изучая ее уродливые глаза.

– Это не естественно, – объявил он. – Глазные мышцы надрезаны скальпелем хирурга. Приготовьте ваш шприц и немного стрихнина, друг мой Трубридж. Эта бедняжка все еще без сознания.

Я поспешил в нашу спальню и возвратился со стимулирующим препаратом⁷⁹, затем расположился рядом, нетерпеливо наблюдая, как де Гранден делает инъекцию.

Узкая грудь девушки затрепетала от действия сильного лекарства, белые ресницы моргнули над отвратительными глазами. Тогда, со стоном всхлипнув, она попыталась подняться на локтях, упала вновь, и, с очевидным усилием, прошептала:

⁷⁸ Девушке (франц.).

⁷⁹ В медицине нитрат стрихнина применяется для повышения рефлекторной возбудимости, стимулируя органы чувств, процессы обмена веществ, а также тонизируя сердечную мышцу и скелетную мускулатуру. – *Прим. ред.*

– Зеркало, дайте мне зеркало! О, скажите мне, что это неправда, что это хитроумный трюк... О! Ужас, что я видела в зеркале, не был мной... Так ведь?

– *Tiens, ma petite*, – ответил де Гранден, – вы говорите загадками. Что вы хотите узнать?

– Он... он... – девушка едва шевелила дрожащими губами. – Этот ужасный старик показал мне зеркало... и сказал... что это мое отражение... О, это было ужасно... ужасно...

– Что? Как это? – вскричал де Гранден. – Он? Ужасный старик? Вы – не его дочь? Он – не ваш отец?

– Нет, – едва слышно выдохнула девушка. – Я ехала домой из Мэккетсдэйла прошлым... о, я не помню, когда это было, но точно вечером... и проколола шину. Я... я думаю, на дороге было разбито стекло, потому что и моя обувь оказалась порезанной. Я увидела свет в доме и пришла просить о помощи. Старик – о, я думала, что он такой хороший и добрый! – впустил меня и сказал, что он как раз в одиночестве собирался поужинать, и пригласил меня присоединиться к нему. Я съела немного... немного... о, я не помню, что это было... А потом – он помог мне приподняться в кровати, поставил передо мной зеркало и сказал: это твое лицо в зеркале! О, пожалуйста, *пожалуйста*, скажите мне – это был ужасный трюк, разыгранный со мной? Я же не отвратительна, да?

– *Morbleu!* Что все это значит? – тихо пробормотал де Гранден, теребя кончики усов, а девушке ответил: – Ну, конечно нет. Вы ходите на цветок, мадемуазель. На маленький цветок, танцующий на ветру. Вы...

– А мои глаза, они не... они не... – она прервала его всхлипами, – пожалуйста, скажите мне, что они не...

– *Mais non, ma chère*, – уверял он ее, – ваши глаза как *pervenche*⁸⁰, отражающие весеннее небо. Они...

– Дайте... дайте мне посмотреться в зеркало, пожалуйста, – тревожно прошептала она. – Я хотела бы лично убедиться, что вы... о, мне плохо...

Она откинулась на подушки; ее ресницы милосердно скрыли изуродованные глаза и вернули лицу спокойствие красоты.

– *Cordieu!* – выдохнул де Гранден. – Догадка про хлорал не принесла пользы Жюлю де Грандену, друг мой Тробрэйдж. Я скорее пойду на дыбу, чем покажу этому несчастному ребенку ее отражение в зеркале!

– Но что все это значит? – спросил я. – Она говорит, что приехала сюда и...

– И остальное остается нам только узнать, я полагаю, – спокойно ответил он. – Ну, мы теряем время, а терять время означает быть пойманными, друг мой.

Де Гранден проследовал в холл в поисках двери, ведущей в кабинет хозяина дома, но внезапно остановился на верхней лестничной площадке.

– Посмотрите-ка, друг мой Тробрэйдж, – сказал он, указывая своим тщательно отполированным указательным пальцем на пару кнопок, белую и черную, закрепленных на стенной панели. – Если я не ошибаюсь, а я не думаю, что ошибаюсь, здесь у нас ключ к ситуации – или, по крайней мере, к парадной двери.

Он энергично нажал на белую кнопку и подбежал к изгибу лестницы, чтобы проверить результат. Конечно же, тяжелая дверь распахнулась на бронзовых петлях, пропустив ветер и дождь в нижний зал.

– *Pardieu*, – возгласил он, – вот и наш «сезам, откройся». Давайте посмотрим, обладаем ли мы тайной «сезам, закройся». Нажмите на черную кнопку, друг мой Тробрэйдж, а я посмотрю.

Я выполнил его указания, и восхищенное восклицание де Грандена оповестило меня, что дверь закрылась.

⁸⁰ Фиалки (*франц.*).

– Теперь что? – спросил я, возвратившись.

– Гм, – он в задумчивости потянул сначала за один, потом за другой кончик усиков. – Друг мой Трuebasидж, дом обладает многими достопримечательностями, но я полагаю, было бы хорошо, если бы мы вышли, чтобы понаблюдать за тем, что делает наш друг, *le vieillard horrible*.⁸¹ Мне не нравится, что тот, кто показывает молодым девушкам их изуродованные лица в зеркалах, теперь рядом с нашим автомобилем.

Мы влезли в наши плащи, открыли дверь, подложив под нее скомканную бумагу, чтобы она не закрылась, и поспешили в бурю.

Покинув подъезд, мы увидели сияющий сквозь завесу дождя свет – это мой автомобиль съезжал налево с дороги.

– *Parbleu*, да он вор! – возмущенно воскликнул де Гранден. – *Holà*, мсье! – Он побежал вперед, расставив руки как семафоры. – Что такое вы творите с нашим *moteur*?⁸²

Буря отбросила его слова в сторону, но маленькому французу помешать было невозможно.

– *Pardieu*, – выдохнул он, наклоняясь под порывом ветра. – Я остановлю негодяя, если он, *not d'un coq*, сделает это!

Пока он кричал, старик выпрыгнул из автомобиля, катящегося с крутой набережной в заболоченное грязное озеро.

Мгновение вандал любовался своей работой, а затем дико расхохотался – злобнее, чем если бы богохульничал.

– *Parbleu*, грабитель, *apache*!⁸³ Скоро ты засмеешься по-другому! – пообещал де Гранден и побежал к старику.

Но тот, казалось, забыл о нашем присутствии. Все еще хохоча, он повернулся к дому, но резко остановился – внезапно сильный порыв ветра пошатнул деревья вдоль шоссе. Огромный сук отломило от дерева и бросило наземь.

Старик, быть может, мог бы избежать падения метеорита. Но, как стрела из лука божественного правосудия, огромный сук придавил его тщедушное тело к земле, словно грубый башмак рабочего – червяка.

– Вот так, друг мой Трuebasидж, – как на суде заключил де Гранден, – и заканчивают злодеи, крадущие чужие автомобили!

Мы сняли тяжелую ветвь и перевернули старика на спину. Наша с де Гранденом экспертиза «на скорую руку» подтвердила: у него был сломан позвоночник.

– Вы хотите сделать последнее заявление, мсье? – коротко спросил де Гранден. – Если так, говорите быстро, ваше время выходит.

– Да... я... – едва отвечал покалеченный, – я хотел убить вас... вы узнали мою тайну... Теперь вы можете поведать всему миру, что значит оскорбить Марстона. В моей комнате вы найдете документы. Мои... мои питомцы... в... подвале... Она должна быть... одной... из них...

Паузы между его словами становились все более длинными, голос слабел с каждым слогом. Когда он прошептал последние слова, раздался булькающий звук, и струйка крови показалась в углу губ. Узкая грудь поднялась и опустилась в конвульсии, и челюсть отвисла. Он был мертв.

– Ага, он умер от кровоизлияния, – заметил де Гранден. – Гм, сломанное ребро пронзило легкие. Я должен был это предвидеть. Ну, друг мой, отнесем его в дом и посмотрим, что он там

⁸¹ Ужасный старик (франц.).

⁸² Автомобилем (франц.).

⁸³ Апаш, бандит (франц.).

говорил о документах и питомцах. Разве можно умирать, оставив загадку наполовину неразрешенной! Неужели он не знал, что Жюль де Гранден всегда должен разгадать загадку. *Parbleu*, мы решим эту тайну, мсье *le Mort*⁸⁴, даже если нам придется сделать вскрытие вашего трупа!

– О, ради Бога, помолчите, де Гранден, – умолял я, потрясенный его бессердечностью. – Человек мертв.

– *Ah bah!* – возразил он презрительно. – Мертв или нет, но разве не он украл ваш автомобиль?

Мы положили нашу ужасную ношу на кушетку в зале и поднялись на второй этаж. Под руководством де Грандена мы нашли кабинет покойника и начали отыскивать бумаги, упомянутые им перед последним вздохом. Вскоре мой компаньон отыскал в нижнем ящике старинного комода из красного дерева толстый кожаный портфель и разложил его содержимое на постели.

– Ого, – он вынул несколько бумаг и поднес их к свету. – Мы начинаем делать успехи, друг мой Тробрэйдж. Что это?

Он протянул мне пожелтевшую газетную вырезку. Мы прочли:

ОБМАНЩИЦА-АКТРИСА БРОСАЕТ КАЛЕКУ, СЫНА ХИРУРГА, НАКАНУНЕ СВАДЬБЫ

Известная актриса варьете Дора Ли вчера объявила о расторжении помолвки с парализованным Джоном Бирсфилдом Марстоном-младшим, сыном знаменитого хирурга и опытного остеолога⁸⁵. Как она сказала, она не может выдержать вид его уродства, а обещание дала ему в приступе беспечной жалости. Репортерам «Плэнит» не удалось поговорить ни с брошенным женихом, ни с его отцом вчера вечером.

– Очень хорошо, – кивнул де Гранден, – пойдем дальше. Итак, молодая женщина расторгла помолвку с калекой – и, судя по дате в газете, это было в 1896 году. Вот еще одна вырезка, что вы скажете об этом?

Там было написано следующее:

САМОУБИЙСТВО СЫНА ХИРУРГА

Джон Бирсфилд Марстон, сын знаменитого хирурга, носящего то же имя, парализованный уже десять лет после неудачной игры в поло в Англии, был найден камердинером в своей спальне мертвым. Резиновый шланг во рту молодого человека вел к газовой горелке.

Молодой Марстон был брошен Дорой Ли, известной водевильной актрисой накануне их женитьбы месяц назад. Как сообщают, он был чрезвычайно подавлен обманом своей невесты.

Доктор Марстон, обездоленный отец, заявил этим утром репортерам «Плэнит», что в гибели его сына повинна актриса, и добавил, что она понесет за это наказание. На вопрос о том, какие судебные меры будут предприниматься, он не ответил.

– Ну как? – кивнул де Гранден. – А теперь вот это...

Третья заметка была совсем краткой:

⁸⁴ Смерть (*франц.*).

⁸⁵ Остеолог – анатом, изучающий костный скелет. – *Прим. ред.*

ЗНАМЕНИТЫЙ ХИРУРГ УДАЛЯЕТСЯ ОТ ДЕЛ

Доктор Джон Бирсфилд Марстон, широко известный в этой части страны как эксперт в костных операциях, заявил о своем намерении завершить свою практику. Он продал свой дом и уезжает из города.

– Картина пока что представляется весьма ясной, – отметил де Гранден, рассматривая первую вырезку с поднятыми бровями. – Но... *morbleu*, друг мой, посмотрите, посмотрите на эту картинку: это Дора Ли. Она вам никого не напоминает? А?

Я взял вырезку и внимательно всмотрелся в иллюстрацию статьи, объявляющей о разрыве помолвки молодого Марстона. Женщина была молода и разодета в пух и прах по моде времен испано-американской войны.

– Гм... никого... – начал было я, но тут же замолчал. Внезапное сходство поразило меня. Несмотря на высокую сложную прическу и неподходящую к ней матросскую соломенную шляпку, женщина на картинке имела определенное сходство с изуродованной девушкой, которую мы видели полчаса тому назад.

Француз увидел озарение на моем лице и кивнул.

– Ну, конечно, – сказал он. – А теперь возникает вопрос: молодая девушка с изуродованными глазами – родственница этой Доры Ли, или это просто совпадение? И если так, что стоит за ним? *Hein?*

– Я не знаю, – признался я. – Какая-то связь должна быть...

– Связь? Конечно, связь есть, – подтвердил де Гранден, роясь в портфеле. – Ах! Что это? *Nom d'un nom*, друг мой Трубридж, кажется, я вышел на дневной свет! Смотрите!

Он держал перед собой одну из популярных нью-йоркских ежедневных газет, где на целой полосе располагался сенсационный материал, снабженный портретами полдюжины молодых женщин.

«ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ПРОПАВШИМИ ДЕВУШКАМИ?» – прочитал я кричащий заголовок.

«Чи зловещие невидимые руки тянутся из тьмы, выхватывая наших девушек из дворцов и лагун, магазинов, со сцены и офисов?» – риторически вопрошали читателей. – Где Эллен Манро и Дороти Сойер, Филлис Бучет и три другие прекрасные блондинки, ушедшие в небытие в течение прошлого года?»

Я прочитал до конца сенсационную статью об исчезновениях. Случаи казались схожими: ни одна из исчезнувших молодых женщин не возвратилась в свой дом и ни одна из них (согласно статье) не собиралась ни в какое путешествие.

– *Parbleu*, он глуп – даже для журналиста! – резюмировал де Гранден по прочтении мною статьи. – Держу пари, что и мой добрый друг Трубридж уже заметил одно важное обстоятельство, упущенное автором статьи, – столь же банальное, как нос на его лице.

– Мне жаль разочаровывать вас, старина, – отвечал я, – но мне кажется, что репортер описал это дело со всех возможных ракурсов.

– Ах, так? – саркастически заметил он. – *Morbleu*, мы должны будем проконсультироваться с окулистом, перед тем как возвратимся домой, друг мой! Смотрите, смотрите, я умоляю вас, на портреты этих исчезнувших женщин, *cher ami!* И скажите мне, что вы не видите не только сходства между ними, но и сходства с мадемуазель Ли, бросившей сына доктора Марстона? Что? И сейчас, после моих указаний, вы не видите этого?

– Нет... по... почему... да... да, конечно! – отвечал я, рассматривая портреты. – Дьявол! Де Гранден, вы правы! Похоже, что у этих девушек есть фамильное сходство! Вы нащупали это!

– *Hélas*, нет! – сказал он, пожимая плечами. – Я еще ничего не понимаю, друг мой. Я только пытаюсь растопырить руки, подобно слепому, над которым издевается толпа мальчишек, и мои бедные пальцы не могут ничего нащупать. *Pah!*⁸⁶ Жюль де Гранден, ты – величайший глупец! Думай же, думай, тупица!

Он сел на краешек кровати, обхватив лицо руками, и наклонился вперед так, что его локти уткнулись в колени.

Внезапно он подпрыгнул, и одна из его волшебных улыбок осенила его мелкие правильные черты.

– *Nom d'un chat rouge*, друг мой, есть! Есть! – объявил он. – Питомцы... питомцы, о которых говорил старый вор автомобилей! Они находятся в подвале! *Pardieu*, мы посмотрим на этих питомцев, *cher* Трuebas, нашими четырьмя глазами. И почему этот отвратительный вор сказал, что «она» должна была стать одной из них? Теперь, во имя сатаны и серы, кого он подразумевал, говоря «она», если не несчастного ребенка с глазами *la grenouille*?⁸⁷ А?

– Почему... – начал я, но он махнул рукой.

– Давайте, давайте, пойдём, – убеждал он меня. – Мне не терпится, я волнуюсь, я не властен над собой! Мы обследуем дом и лично убедимся, какие-то питомцы содержатся у человека, показывающего молоденьким девушкам их деформированные лица в зеркале и – *parbleu!* – крадущего автомобили у моих друзей!

Мы быстро спустились по главной лестнице, отыскивая вход в подвал. Наконец, нашли дверь и, вооружившись свечами из зала, держа их над головами, стали спускаться по шатким ступенькам в темный как смоль подвал с влажными заплесневелыми стенами и сырым земляным полом.

– *Parbleu*, темницы *château* в Каркассоне будут повеселее, – заметил де Гранден, остановившись на ступеньке, вода свечой над головой и осматривая мрачные своды.

подавляя дрожь от холода и дурного предчувствия, я посмотрел на каменные своды без окон и всяческих отверстий, готовясь вернуться назад.

– Здесь нет ничего, – заявил я, – это можно увидеть и вполглаза. Место так же пусто, как...

– Быть может, друг мой Трuebas, – согласился он. – Но Жюль де Гранден не смотрит вполглаза. Он использует оба глаза и неоднократно, если его первого взгляда оказывается недостаточно. Взгляните на тот деревянный настил! Что вы скажете о нем?

– Ну... кусок деревянного покрытия... – рискнул предположить я.

– Может – да, может – нет, – сказал он, – давайте посмотрим!

Он прошел по подвалу, наклонился и обратился ко мне с удовлетворенной улыбкой.

– У настила обычно не бывает колец, друг мой! Ха! – Он ухватился за железное кольцо и поднял деревянную крышку, обнажившую почти трехфутовый люк с деревянной, почти вертикальной лестницей, ведущей в непроницаемую темноту.

– *Allons*, мы спускаемся, – заявил он, оборачиваясь и ступая на верхнюю ступеньку лестницы.

– Не будьте глупцом, вы же не знаете, что там... – посоветовал я.

– Верно, – ответил он, когда его голова сровнялась с полом, – но через миг узнаю. Так вы идете?

Я с досадой вздохнул и последовал за ним.

⁸⁶ Тьфу! (франц.)

⁸⁷ Лягушки (франц.).

На последней ступеньке он остановился, поднял свечу и огляделся. Вокруг нас была земляная шахта с перекрытиями из досок и деревянными балками.

– Ах, все только усложняется, – пробормотал он, ступая в темный туннель. – Вы идете, друг мой Трубридж?

Я последовал за ним, размышляя, что может оказаться в конце этого темного, покрытого плесенью прохода – но мой взгляд встречал только древесный грибок и сырые земляные стены.

Де Гранден продвигался на несколько шагов впереди меня. Пройдя приблизительно пятнадцать футов, я услышал крик удивления и ужаса моего компаньона и в два прыжка оказался рядом. Прибитые гвоздями к деревянным блокам, с обеих сторон туннеля свешивались белые блестящие предметы – и разум отказывался узнавать их. Но даже непрофессионал не перепутал бы их ни с чем другим, тем более я, врач. Справа, призрачно белея в мерцании свечей, висели кости человеческих ног, отлично собранные от ступней до таза.

– Боже правый! – воскликнул я.

– *Sang du diable!* – прокомментировал де Гранден. – Посмотрите, что вот там, друг мой! – И он указал на противоположную стену. Четырнадцать скелетов рук, полностью собранных от лопатки до кончиков пальцев, свисали с деревянных балок.

– *Pardieu*, – пробормотал де Гранден. – Я знал людей, собирающих чучела птиц и засушенных насекомых; знал тех, кто хранил египетские мумии и даже черепа давно умерших людей – но никогда прежде не видел коллекции рук и ног! *Parbleu*, он *caduc*⁸⁸ – безумный чудак, если я что-то понимаю.

– Так это они и были его питомцами? – спросил я. – Да, он несомненно безумец: держать такую коллекцию да еще в таком месте. Бедняга...

– *Nom d'un canon!* – вмешался де Гранден. – Что это?

Из темноты донесся странный, невнятный звук, будто человек пытался говорить с набитым едой ртом. А за ним, словно проснувшееся эхо, этот звук повторился, умноженный в несколько раз – словно бормотали около полдюжины младенцев или такое же количество ненормальных взрослых.

– Вперед! – Отвечая на неизвестный вызов, как воин, повинующийся звуку трубы, де Гранден бросился в сторону странного шума, освещая себе по сторонам. Затем послышалось:

– *Nom de Dieu de nom de Dieu!* – завопил он. – Смотрите, друг мой Трубридж! Смотрите и скажите: вы видите то, что вижу я, или я тоже сошел с ума?

Вдоль стены выстроились в ряд семь маленьких деревянных клеток, каждая с дверцей из вертикальных планок, наподобие таких, в которых крестьяне держат куриц, не больше. В каждой из клеток находился объект, подобный которому я никогда прежде не видел, даже в кошмарных снах.

Они имели туловища людей, хотя ужасно отощавших от голодания и покрытых грязной коростой – но на этом подобие человеку прекращалось.

С плеч и с талии свисали вялые отростки плоти, верхние, заканчивающиеся плоскостями, подобными плавникам и отдаленно напоминающими руки; нижние конечности, когда-то бывшие ногами, завершались пятью иссохшими фрагментами плоти – пальцами.

На худых шеях крепились головы с карикатурными лицами – плоскими, без носов и подбородков, с ужасными иссеченными и расходящимися глазами, с разверстыми отверстиями от щеки до щеки вместо ртов и – о, ужас ужасов! – с выступающими на несколько дюймов языками, качающимися в бессильной попытке произнести слова.

– Сатана, твое искусство превзойдено! – крикнул де Гранден, высвечивая клочки бумаги, украшающие каждую из клеток наподобие названий животных в зверинце. – Смотрите! – сказал он, указывая дрожащим пальцем на надпись.

⁸⁸ Кадук, злой дух.

Я глянул и в ужасе отскочил. На бумаге был портрет и имя Эллен Манро, одной из девушек из газетной вырезки, найденной нами в спальне покойного. Ниже нетвердым почерком нацарапано: «Уплачено 1-25-97».

Подавленные, мы прошли мимо клеток. На каждой имелся портрет молодой и симпатичной девушки и подпись: «Уплачено» с датой. Все девушки из газетных вырезок были представлены в клетках. Последняя, самая маленькая клетка была отмечена фотографией, именем Доры Ли и датой «оплаты» красными цифрами.

– *Parbleu*, друг мой, что нам делать? – истерично прошептал де Гранден. – Мы не можем вернуть этих бедолаг миру, это было бы высшим проявлением жестокости. И уклониться от акта милосердия, о котором они попросили бы, если б могли говорить, тоже невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.